

ЧЕЛОВЕК **СООБЩЕСТВО** **УПРАВЛЕНИЕ**

Научно-информационный журнал

№ 4 · 2014

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

4-2014

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 г. №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская,
149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская,
149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (зам. гл. редактора); Бедерханова В.П., д-р пед. наук, проф.; Ермоленко В.В., д-р экон. наук, доц.; Жаде З.А., д-р полит. наук, проф.; Иванов А.Г., д-р ист. наук, проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. наук, доц.; Кольба А.И., д-р полит. наук, доц. (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., отв. секретарь; Лузаков А.А., д-р психол. наук, доц.; Оберемко О.А., канд. социол. наук, доц.; Ожигова Л.Н., д-р психол. наук, проф.; Остапенко А.А., д-р пед. наук, проф.; Рябченко Н.А., канд. полит. наук (тех. директор); Рябикина З.И., д-р психол. наук, проф.; Фоменко Г.Ю., д-р психол. наук, проф.; Юрченко В.М., д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора), проф.

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук,
проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); **Бодалев А.А.**, д-р психол. наук, проф., академик РАО, Россия; Дмитриев А.В., д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); Дёмин А.Н., д-р психол. наук, проф., зам. гл. редактора (КубГУ, Россия); Дженкинс Р., д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); Журавлев А.А., д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); Знаков В.В., д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); Кесслер Юрген, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); Кузьмина Н.В., д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); Подшивалкина В.И., д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); Никовская Л.И., д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); Оркени А., д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); Поцелуев С.П., д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); Романова А.П., д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); Семененко И.С., д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); Сморгун Л.В., д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); Фадеева Л.А., д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); Шабров О.Ф., д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); Швецов А.Н., д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); Янушкявичене О.Л., д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 26.12.2014. Уч.-изд. л. 12,29. Усл. печ. л. 12,75. Тираж 1000 экз. Заказ №

4-2014

Содержание

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Иванов А. Г. Мир или война? Альтернативы 1939 года. 6

Атанесян А. В. «Безопасность человека»: концептуальные подходы и локальные измерения (на примере Армении) 30

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

Нистоцкая М. С. Системная коррупция как проблема коллективного действия: обзор литературы и постановка программы исследований 45

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Слатинов В. Б., Меркулова К. Г. Институциональные эффекты трансформации систем управления областными центрами в условиях муниципальной реформы (на материалах Центрально-Черноземного региона) 57

Абраменко А. В., Подшибякина Т. А. Сетевая структура «Governance» как способ симметричной политической коммуникации 75

Руденкова Д. Э. Регулирование лоббизма в политическом процессе как способ преодоления демократического дефицита 88

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Горская Г. Б., Егорова В. С. Социально-средовые регуляторы включения художника в процесс творческой самореализации 103

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

Дёмин А. Н., Седых А. Б. Психологические характеристики карьер молодёжи в первый год после окончания бакалавриата 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Ермоленко В. В. О VI Международной научно-практической конференции «Экономика знаний: проблемы управления формированием и развитием» (25-27 сентября 2014 г., г. Краснодар, Россия) 132

Сазантович А. Б. Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований (об итогах XV Всероссийского семинара исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии) 137

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ. 146

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 152

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

4-2014

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

By decision of the Ministry for Higher Education Higher Attestation Committee Presidium of February 19, 2010 года № 6/6 Human. Community Management Journal published at the Department for Management and Psychology of Kuban State University is included in the list of leading peer-reviewed journals and editions, in which main scientific results of dissertations on completion for Doctor's and Candidate's degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room к. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru.
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Board:

Prof. **Tatyana T. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Aleksandr G. Ivanov**, Dr. Sci. (History); Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. **Vladimir V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. **Aleksandr N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), *Deputy editor-in-chief*; **Galina S. Kourbatova**, *Executive Editor*; Assist. Prof. **Andrey A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology); Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Andrey A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), *Technical Director*; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Viktor M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), *Deputy Editor-in-chief*

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia; Prof. **Aleksey A. Bodalev**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Great Britain; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. **Jürgen Kefßler**, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. **Nina V. Kuz'mina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. **Aleksandr N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. **Olga Januškevičienė**, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

4-2014

CONTENTS

SECURITY PROBLEMS

Ivanov A.G. Peace or war? The alternatives of 1939 6

Atanesyan A. V. "Human security": conceptual approaches and local measurements
(on example of Armenia) 30

PUBLIC POLICY

Nistotskaya M. S. Systemic corruption as problem of collective action: a literature
review and research agenda 45

POLITICAL MANAGEMENT

Slatinov V. B., Merkulova K. G. The institutional effects of regional centers'
government systems transformation in the context of municipal reform
(as exemplified in central black earth region) 57

Abramenko A.V., Podshibyakina T.A. Network structure "Governance" as a method
of symmetrical political communication 75

Rudenkova D. E. Lobbying regulation in the European Union as a way to overcome
democratic deficit 88

PERSONALITY PSYCHOLOGY

Gorskaya G.B., Egorova V.S. Social and environment modulators of an artist's
involvement into the process of creative self-realization 103

LABOUR PSYCHOLOGY

Diomin A.N., Sedykh A.B. Psychological characteristics of the careers of the youth
in the first year after graduation from the bachelor's degree programme 118

SCIENTIFIC LIFE

Ermolenko V. V. On the VI-th international scientific and practical conference
"Knowledge economy: problems of management of formation and development"
(25-27 September, 2014, Krasnodar, Russia) 132

Sazantovich A.B. Modern political reality and state: complex research methods
(on the results of the XV-th all-Russian seminar of the research committee
of the Russian Political Science Association in comparative political studies) 137

INFORMATION FOR THE AUTHORS 151

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS 153

МИР ИЛИ ВОЙНА? АЛЬТЕРНАТИВЫ 1939 ГОДА

А. Г. Иванов¹

В статье анализируется предыстория Второй мировой войны. В центре внимания автора — европейский кризис 1939 г. и вызванные им дипломатические инициативы: англо-французские гарантии странам Восточной Европы, переговоры между СССР, Великобританией и Францией, советско-германский пакт о ненападении. Гарантии явились ответной реакцией правительств Чемберлена и Даладье на ликвидацию Чехословакии Германией и последовавшие вызывающие акции Гитлера по отношению к Польше и Румынии. Как свидетельствуют архивные документы, они не имели реального содержания и предназначались для того, чтобы сдержать Гитлера и успокоить общественность. Вскоре последовали англо-франко-советские переговоры, которые при определенных условиях могли привести к созданию большого антигерманского союза, но в силу целого ряда обстоятельств переговоры завершились безрезультатно. Одной из причин неудачи переговоров было нежелание Великобритании и Франции идти на тесное военно-политическое сотрудничество с СССР и стремление договориться с Германией за счет Польши, используя для этого политику умиротворения. Автор на основе архивных документов анализирует дипломатическую борьбу весной и летом 1939 г. и пытается дать ответ на вопрос, почему не удалось создать антигерманский союз с участием в нем великих держав. Его образование позволило бы остановить агрессора — нацистскую Германию и не допустить глобальной катастрофы.

Одной из наиболее дискуссионных проблем предыстории войны является советско-германский пакт о ненападении. Анализ документов и новейшие публикации позволяют автору сделать вывод, что инициатива заключения пакта, как и секретного дополнительного протокола к нему, исходила от немецкой стороны. Что касается СССР, то Сталин колебался и вплоть до середины августа 1939 г. не принимал окончательного решения. Другой вывод, который делает автор на основе анализа альтернатив 1939 г., — пакт Молотова-Риббентропа не повлиял решающим образом на решение Гитлера напасть на Польшу и развязать Вторую мировую войну.

Ключевые слова: политика умиротворения, гарантии, переговоры, европейский кризис, соглашение, правительство.

Летом 1939 г. Европа пребывала в состоянии нервного ожидания. Германия после ликвидации Чехословакии 15 марта заметно усилила свой военно-экономический потенциал и нависла зловещей тенью над Восточной Европой. Следующей жертвой нацистской агрессии должна была стать Польша — Гитлер недвусмысленно дал это понять 28 апреля в выступлении в рейхстаге,

¹ Иванов Александр Гаврилович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. Эл.почта: ivanov@kubsu.ru

когда он расторг германо-польскую декларацию 1934 г. о неприменении силы. Таким был ответ фюрера на англо-французские гарантии Польше, которые рассматривались правительствами Н. Чемберлена и Э. Даладье как средство сдерживания Германии. Они предназначались также для успокоения общественности, а она была возмущена ликвидацией Чехословакии Германией и настаивала на принятии решительных мер против агрессора. Атмосферу тех дней в Англии очень точно передал советский полпред И. М. Майский в сообщении в НКВД СССР 20 марта: «Аннексия Чехословакии, несомненно, произвела громадное впечатление на все слои населения. Разочарование в Мюнхене и негодование против Германии всеобщее, вплоть до кругов, представляемых «Таймс». Политика «умиротворения» в сознании широчайших масс мертва. Случилось то, чего больше всего старался избежать Чемберлен: между Англией и Германией пролегла глубокая политическая и морально-психологическая борозда, которую заровнять будет нелегко. Какие-либо переговоры между Лондоном и Берлином в ближайшем будущем невозможны» (Год кризиса 1938–1939, 1990).

Невозможность соглашения с Гитлером в условиях острейшего кризиса осознавали и сами умиротворители, тем более что нацистская агрессия развивалась стремительно: уже вскоре Германия предъявила ультиматум Польше в отношении Данцига, 22 марта аннексировала Клайпеду с прилегающей областью, а на следующий день навязала Румынии кабальное экономическое соглашение, которое привязывало эту страну к Третьему рейху. Правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье оказались в сложном положении. С одной стороны, Гитлер растоптал Мюнхенское соглашение 1938 г. и на это надо было как-то реагировать, а с другой — умиротворители не решались ссориться с Германией и доводить дело до серьезного конфликта. Не случайно поэтому первоначальная реакция английского и французского правительств на насильственную акцию Гитлера в центре Европы оказалась неадекватной серьезности момента. Так, британский премьер-министр заявил в палате общин 15 марта, что Великобритания не может считать себя связанной обязательством о гарантии целостности Чехословакии, которая прекратила существование «в результате внутреннего распада». В тот же день и в таком же духе высказался и министр иностранных дел Франции Ж. Бонне в беседе с английским послом в Париже Э. Фиппсом. Он также дал понять, что следующей жертвой агрессора вскоре станет Румыния (PRO.FO № 371/22966).

О Румынии и Польше как потенциальных объектах германской экспансии речь шла и в донесении временного поверенного в делах СССР в Польше П. П. Листопада в Москву от 15 марта 1939 г.: «Гитлер не ограничится только захватом Чехословакии, а продолжит свою «работу» — сначала захватит Румынию, а потом на очереди стоит Польша». По словам Листопада, многие дипломаты упрекали Англию и Францию в том, что они своим поведением

«предоставили возможность Гитлеру аннексировать целое государство» (АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 23. Д. 7. П. 183. Л. 25).

Итак, политика умиротворения доказала свою полную несостоятельность. Но это вовсе не означает, что в Лондоне и Париже покончили с ней и взяли на вооружение альтернативный курс на обуздание агрессора. Об этом, в частности, свидетельствует реакция правительства Чемберлена на предложение СССР созвать конференцию с участием представителей Великобритании, Франции, Польши, Румынии, СССР и Турции для обсуждения мер по предупреждению распространения агрессии. На заседании кабинета 19 марта Чемберлен и министр иностранных дел лорд Галифакс пришли к заключению, что такой акт был бы преждевременным, что опасно созывать конференцию без предварительной тщательной подготовки (PRO.FO № 371/22967; СССР в борьбе за мир накануне второй мировой..., 1971).

С середины марта 1939 г. в Лондон поступали тревожные сведения о скором нападении Германии на Польшу и Румынию. Подчинение этих стран диктату Гитлера привело бы к господству рейха на Европейском континенте и низвело бы Англию и Францию до положения второразрядных государств. К тому же не исключалась вероятность продвижения Германии на Запад с целью захвата Голландии и ликвидации Франции. Черед Великобритании, как сообщил Фиппс из Парижа со ссылкой на хорошо информированный источник, должен был наступить в 1940 г., а США — в 1941 г. (PRO.FO № 371/22968)

18 марта на заседании английского кабинета обсуждалось положение на востоке Европы. Лорд Галифакс с сожалением отметил: «Если Германия нападет на Румынию, Англии будет крайне трудно остаться в стороне — придется принять участие в сопротивлении агрессии». Он подчеркнул (со ссылкой на начальников штабов), что помощь Румынии можно оказать лишь с подключением России, Польши и Франции. «В том случае, если Польша и Россия откажутся (от оказания помощи Румынии. — А. И.), Англия должна заручиться поддержкой Турции и Греции». С точки зрения Галифакса, существенное значение будет иметь позиция Италии. Чемберлен, в свою очередь, отметил: «Всего лишь неделю назад наша политика сводилась к улучшению отношений с диктаторами, но после захвата Чехословакии я убежден в том, что позиция Гитлера делает невозможным продолжение переговоров с нацистским режимом на прежней основе. Однако это не означает, что невозможны также переговоры с немецким народом». Премьер-министр подчеркнул: если Германия не изменит своей политики, «у нас не будет иной альтернативы, кроме как принять ее вызов». Кабинет принял решение добиваться согласия СССР, Польши, Югославии, Турции, Греции и Румынии на образование общего фронта борьбы против агрессии Германии в Юго-Восточной Европе (Иванов, 1993).

На следующий день (в воскресенье) на внеочередном заседании кабинета обсуждалась форма сотрудничества. Чемберлен высказал мнение, что лучше все-

го сформулировать декларацию о поддержании политической независимости стран Юго-Восточной Европы и, если эта независимость подвергнется внешней угрозе, участники декларации прибегнут к взаимным консультациям. Он пояснил важное преимущество такого подхода: «Использование военной силы будет затруднено для Великобритании и других стран до окончательного прояснения ситуации. Составленная в общих выражениях декларация» способна держать общественность в неведении относительно намерений правительства и позволит ему «действовать за кулисами в направлении поощрения совместной акции» (Иванов, 1993). Таким образом, оставалась в силе установка на отказ Англии от твердых обязательств. Для Чемберлена главное заключалось в том, чтобы по возможности сохранить за собой свободу маневра.

Советское правительство дало согласие на подписание декларации о консультациях Великобритании, Франции, Польши и СССР относительно шагов, которые надлежало предпринять для общего сопротивления агрессии. Однако Польша заявила, что не пойдет ни на какое соглашение, если его участником будет СССР. Польский посол в Москве В. Гжибовский в беседе с советским наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым объяснил отказ своего правительства — оно не желает испортить отношения с Германией. Министр иностранных дел Польши Ю. Бек считал, что его страна, подписав декларацию, включилась бы в «идеологический фронт», получая за это туманные обещания консультаций (СССР в борьбе за мир..., 1971; Парсаданова, 1989). В дальнейшем вопрос о декларации был похоронен, и такой исход с большим неодобрением был воспринят Москвой. Вновь проявились ограниченные возможности СССР, который к тому времени так и не вырвался из послемюнхенской изоляции и был вынужден полагаться исключительно на собственные силы.

Возможности Великобритании и Франции были, несомненно, более широкими, хотя их влияние на ход событий в Европе постоянно уменьшалось. Сказался прежде всего захват Германией Чехословакии и, как следствие, необычайно возросший военно-экономический потенциал рейха. По подсчетам военного министерства Великобритании, нацисты в Чехословакии захватили оружие и снаряжение, достаточное для оснащения 38 пехотных и 8 мобильных дивизий (PRO.FO № 371/22958).

Экспансия Германии поставила перед правительствами западных держав ряд сложных проблем. О возврате к политике умиротворения не было и речи, хотя Чемберлен и Даладье не исключали в принципе мирное урегулирование спорных вопросов, таких как данцигский. Возмущение общественности действиями Гитлера нарастало и соответственно усилилось требование оппозиции в Англии и во Франции создать большой антигерманский союз с участием в нем западных держав и СССР. Об этом, в частности, шел разговор на встрече Чемберлена с депутатом от Британского конгресса тред-юнионов и лейбористской партии 23 марта 1939 г. Заместитель лидера партии Х. Дальтон подчеркнул, что акция Гитлера по

захвату Чехословакии чревата самыми тяжелыми последствиями — войной. Он обвинил правительство в бездейственности и призвал к принятию эффективных мер по предупреждению эскалации агрессии. Чемберлен заметил, что «предпочел бы не употреблять выражение «коллективная безопасность», которое вводит в заблуждение. Цель правительства заключается в том, чтобы изыскать средства для пресечения германской агрессии». Так как Румыния, на его взгляд, являлась ближайшим объектом экспансии рейха, важно было заручиться поддержкой Польши и таким образом создать для Германии угрозу войны на два фронта: на западе — против Англии и Франции, а на востоке — против Польши и Румынии. СССР исключался из предложенной схемы на том основании, что он не имеет общей границы с Германией и его подключение к антигерманскому блоку не допустят Польша и Румыния. Премьер-министр допускал возможность соглашения с СССР о поставках советских военных материалов Польше и Румынии при условии согласия правительств этих стран на их получение. Он подчеркнул, что Франция «полностью разделяет позицию Великобритании» (PRO.FO № 371/22967). Действительно, Франция послушно следовала указаниям из Лондона, ибо давно уже стратегически зависела от Англии. Эта зависимость еще больше усилилась после ликвидации Гитлером Чехословакии и распада Малой Антанты.

Западным державам в условиях европейского кризиса 1939 г. предстояло предпринять решительные меры по обеспечению собственной безопасности. Для Англии вырисовывалась перспектива укрепления армии, введения воинской повинности (на чем настаивал французский министр иностранных дел Ж. Бонне на переговорах в Лондоне 21-22 марта) и расширения английских обязательств в Европе. На лондонских переговорах была достигнута договоренность о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Голландию и Швейцарию. Были возобновлены и контакты между генеральными штабами Англии и Франции. Начатое таким образом согласование общей стратегии явилось практическим воплощением установки на образование антигерманской коалиции.

И все же эти половинчатые меры (к тому же рассчитанные на перспективу) не могли заменить большого антигерманского союза. Участие в нем СССР было по меньшей мере проблематичным с учетом давно укоренившейся в правительственных кругах Великобритании и Франции неприязни к коммунизму и советскому строю, их ориентации прежде всего на своих потенциальных союзников в Восточной Европе.

Об отношении Чемберлена и членов его правительства к сотрудничеству с СССР можно судить по протоколу заседания кабинета от 27 марта 1939 г. Премьер-министр заявил: «Наши попытки создать фронт против германской агрессии будут скорее всего обречены в случае привлечения к нему России». Он мотивировал это тем, что значительное число потенциальных союзников Великобритании настроено против участия СССР в антигерманском блоке; его

образование укрепит Антикоминтерновский пакт, затруднит действия британской дипломатии по нормализации отношений с Италией и Японией и возбудит недовольство Испании, Португалии и ряда государств Латинской Америки.

Но отказ от ассоциации с Россией вызовет подозрения в лагере левых как в Англии, так и во Франции, хотя, с другой стороны, упор на такую ассоциацию «сведет на нет возможность образования мощного объединенного фронта против германской агрессии. В этих условиях... должен быть найден какой-то альтернативный курс... следует отказаться от «декларации четырех» и сосредоточиться на... Румынии». Чемберлен предложил выяснить готовность Польши и Румынии к взаимному военному сотрудничеству и, если такая готовность будет продемонстрирована, подкрепить ее обещанием помощи со стороны Великобритании и Франции. Он откровенно заявил, что «этот план исключает Россию. Мы должны объяснить ей (России. — *А. И.*), что возражения на этот счет исходят не от нас, а от других, и предложить заключить секретное соглашение между Россией и Англией, по которому Россия... пришла бы на помощь Польше или Румынии в случае вовлечения этих стран в войну с Германией. Франко-советский пакт (о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. — *А. И.*) можно было бы использовать для реализации этой схемы». Лорд Галифакс поддержал премьер-министра: «Польша является более ценной величиной», чем Россия. Он отметил, что французское правительство не проявляет особой заинтересованности в сотрудничестве с СССР, но придает большое значение участию Польши в антигерманском блоке. В таком же духе высказался и министр по координации обороны лорд Чэтфилд: «С военной точки зрения Польша, вероятно, наилучший из потенциальных восточных союзников, а Россия может стать более серьезным сдерживающим фактором для Германии». Интересным представляется также следующее замечание Галифакса: «Лейбористскую партию можно убедить в том, что исключение России (из антигерманского фронта. — *А. И.*) — это не наша вина» (PRO. FO № 371/22968). Кабинет одобрил линию Чемберлена — Галифакса на углубление сотрудничества с Польшей и Румынией и выработку вариантов по привлечению СССР для поддержки этих стран в случае германской агрессии (PRO. FO № 371/22968). 29 марта на заседании кабинета Галифакс подчеркнул, что желательно получить от России как можно больше помощи. Главное — провести это, не потеряв поддержки Польши (PRO. FO № 371/22968). Таким образом, английское правительство делало предпочтительную ставку на Польшу и рассматривало СССР как поставщика военных материалов для стран Восточной Европы, оказавшихся под прицелом нацистов.

В этой связи определенный интерес представляет оценка Красной Армии английским военным атташе в Берлине полковником Р. Файербрейсом (именно на нее сослался лорд Галифакс на заседании кабинета 27 марта). В меморандуме от 6 марта он записал, что СССР может мобилизовать в течение трех месяцев и выставить на свой западный фронт 100 пехотных (стрелковых) и 30 кавалерий-

ских дивизий; на вооружении у него находятся 9000 танков и 4000-5000 самолетов (из них 3300 в западной части страны). Полковник отметил отрицательные последствия для Красной Армии репрессий среди ее командного состава, но все же признал, что армия «будет представлять серьезное препятствие для нападающей стороны. В наступательной войне она, возможно, сможет продвигаться на территорию Польши». Гораздо менее оптимистичной была оценка советских ВВС, которые «способны проводить лишь незначительные наступательные операции против Германии, если не будет обеспечена координация усилий с Польшей» (DBFP, 1951). В свете данного документа (а его основные положения разделялись начальниками штабов британских вооруженных сил) становится понятным скепсис руководителей Англии относительно оборонного потенциала СССР, подкрепленный к тому же политическими и идеологическими разногласиями между двумя странами.

Менее понятна завышенная оценка англичанами вооруженных сил Польши — 50 достаточно боеспособных дивизий (PRO.FON[№] 371/22968). Видимо, здесь сказался чрезмерный оптимизм Ю. Бека, который переоценивал польскую армию и недооценил реальность военной угрозы со стороны Германии. В Варшаве слишком понадеялись на германо-польскую декларацию 1934 г. о неприменении силы. К тому же (и этот фактор являлся решающим) армия Польши по технической оснащенности заметно уступала вермахту. Ее модернизация проведена не была. Пехота составляла 57%, а авиация и танковые войска — соответственно 2,5 и 2,3% (Парсаданова, 1989). В этих условиях исключительное значение для Польши приобретал вопрос о надежных и сильных союзниках, способных прийти к ней на помощь в случае необходимости.

Одним из таких союзников могла стать Великобритания. Она не была заинтересована в укреплении Германии за счет Польши и Румынии и ставила вопрос о политическом союзе с этими странами. 30 марта 1939 г. на заседании внешнеполитического комитета (узкий состав кабинета во главе с премьер-министром) было принято решение о предоставлении гарантии Польше, а на следующий день Чемберлен обнародовал декларацию в палате общин. Вскоре примеру Великобритании последовала Франция.

Протокол заседания комитета позволяет дать оценку умонастроению членов английского кабинета. Так, высказывалась мысль о возможности проинформировать Германию заблаговременно о гарантии Польше. Члены комитета также считали возможным проинформировать о гарантии Муссолини в расчете на его посреднические усилия в урегулировании германо-польских отношений (PRO.FON[№] 371/22968).

В зарубежной исторической литературе англо-французские гарантии зачастую изображаются в качестве «дипломатической революции», обозначившей поворот в политике западных держав от умиротворения агрессоров к противоборству с ними (Fleming, 1979; Douglas, 1986; Mommsen, Kettenacker

(Eds), 1983). Однако при внимательном рассмотрении и сопоставлении с документами такая оценка представляется преувеличенной, хотя и не стоит отрицать того, что это был новый фактор в британской внешней политике. Английская (как и французская) декларация предусматривала поддержание независимости Польши, но не гарантии ее границ. Это давало возможность правительству Великобритании при необходимости ставить вопрос о ревизии польских границ в пользу Германии. Не случайно на заседании кабинета 19 марта Чемберлен высказался против «гарантии существующих границ и неопределенного поддержания статус-кво» и отклонил предложение министра по делам доминионов Т. Инскипа о проведении штабных переговоров с Польшей и СССР (Иванов, 2013).

На этом настаивала и британская оппозиция. 30 марта Чемберлен встретился с лидерами оппозиционной лейбористской партии А. Гринвудом, Х. Дальтоном и А. Александером. Они (особенно двое последних) настаивали на необходимости привлечения к антигерманскому союзу СССР. Чемберлен ограничился замечанием, что контакт с советским правительством установлен через полпреда И.М. Майского и что британскую декларацию одобрили правительства Франции и Польши (PRO.FON^o 371/22968). На заседании кабинета 31 марта премьер-министр подчеркнул, что содержание декларации необходимо немедленно передать Муссолини до того, как она попадет в прессу. Кабинет согласился с этим предложением (PRO.FO^o № 371/22968).

О различии в подходах к проблеме европейской безопасности Англии и СССР свидетельствует письмо наркома М.М. Литвинова полпреду СССР в Германии А.Ф. Мерекалову от 4 апреля 1939 г.: «Мы отлично знаем, что задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позже к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят. Мы относимся поэтому совершенно спокойно к шуму, поднятому вокруг так называемого изменения английской политики» (Документы внешней политики, 1992). Сталин извлек уроки из Мюнхена и мюнхенской политики западных держав и не собирался форсировать сотрудничество с ними, тем более на односторонней основе. Его раздражало также поведение Польши, которой он к тому же никогда не доверял.

Что касается Великобритании и Франции, то они и в условиях европейского кризиса предпочитали не брать на себя твердых, а тем более далеко идущих обязательств, рассчитывая на изменение политического климата в Европе (очередная иллюзия умиротворителей) и дипломатические методы урегулирования спорных с Германией проблем.

О подлинном значении гарантий Польше и Румынии (последняя получила гарантию 13 апреля) свидетельствует меморандум английских начальников штабов от 3 апреля 1939 г. В нем содержался детальный анализ соотношения сил противостоявших сторон. Сухопутная армия Германии оценивалась

в 105-110 дивизий, из которых 77-80 дивизий признавались пригодными для проведения операций на фронте. Франция могла выставить в течение месяца с начала войны 86 дивизий, не считая 10 в Северной Африке и 4, полученных в ходе мобилизации, а Великобритания отправить в Европу в течение трех месяцев 2 дивизии.

Вооруженные силы Польши оценивались в 48 пехотных дивизий и 20 кавалерийских бригад, а Румынии — в 22 пехотные, 3 кавалерийские дивизии и 3 горные бригады. Начальники штабов отметили, что «польская армия хорошо оснащена современным оружием, но у нее слабая артиллерия, а средства ПВО не отвечают современным требованиям». И далее: «Эффективность польской армии не такая высокая, как германской, но поляки будут стойко сражаться за свою территорию». Гораздо менее оптимистичной была оценка боеспособности румынской армии — «у Румынии всего 2 военных завода, и она не в состоянии обеспечить свою армию вооружением».

Выводы, к которым пришли начальники штабов, звучали крайне тревожно: «Если Германия предпримет основное наступление на Восток, мало сомнений в том, что она сможет оккупировать Румынию, польскую Силезию и «польский коридор». Если она продолжит наступление в Польше, потребуются лишь некоторое время для уничтожения Польши... Ни Англия, ни Франция не в состоянии оказать прямую помощь Польше или Румынии на море, на суше или в воздухе для противодействия германскому вторжению. Более того, учитывая состояние английских и французских вооружений, ни Англия, ни Франция не могут обеспечить вооружениями Польшу или Румынию. Это подчеркивает важность получения помощи от СССР» (Иванов, 2013). Английский исследователь Р. Эванс справедливо отмечает, что гарантия, предоставленная Чемберленом Польше «должна была отпугнуть немцев. Однако она оказалась ограничена различными секретными условиями, которые позволяли продолжать политику умиротворения. Британское правительство заявило, что эта гарантия будет иметь силу, только если поляки не станут демонстрировать провокационное или глупое упрямство в ответ на требования немцев о возвращении Данцига и польского коридора. Таким образом, Чемберлен все еще продолжал думать об урегулировании путем переговоров, которое бы оставило Польшу в таком же уязвимом положении, как Мюнхенское соглашение оставило Чехословакию... Чемберлен все еще продолжал надеяться на мир, сменив свою позицию с прямого умиротворения на комбинацию умиротворения и сдерживания» (Эванс, 2012).

Что касается переговоров между Великобританией, Францией и СССР, проходивших весной и летом 1939 г., то они были вызваны осознанием правительствами этих стран того неопровержимого факта, что война стремительно надвигается, а также требованиями западной общественности, которая полностью разочаровалась в политике умиротворения и настаивала на создании большо-

го антигерманского союза. Чемберлен и Даладье были вынуждены согласиться на переговоры с СССР, но полагали, что лучше всего — это обеспечить советскую помощь Польше (Год кризиса 1938-1939, 1990; Сидоров, Клейменова, 2006; Панкрашова, 1989; Иванов, 1993; Иванов, 2013 и др.). Таким образом, Советскому Союзу предлагалась незавидная роль поставщика военных материалов Польше (а также Румынии) без твердой гарантии получения помощи от западных держав. Советское правительство настораживало и то, что Англия и Франция были против предложения СССР не заключать сепаратный мир с агрессором. Они не желали связывать себе руки твердыми обязательствами, но это, с точки зрения Москвы, только подчеркивало их ненадежность. В пользу такого вывода свидетельствовали также споры участников тройственных переговоров по вопросу о Прибалтике. Западные державы не собирались предоставлять гарантии Прибалтийским странам, считая это слишком большой ценой за помощь со стороны России (Иванов, 1993). К этому добавлялись политические и идеологические соображения Чемберлена и умиротворителей в целом: они по-прежнему относились к СССР с недоверием и предпочитали ему в качестве союзника Польшу.

Что касается Польши, то она еще в меньшей степени, чем западные державы, проявляла заинтересованность в военно-политическом сотрудничестве с СССР. Сказывались опасения руководителей Польши относительно советского влияния на страну и возможного разрыва отношений с Германией. Кроме того, как сообщил английский посол в Варшаве Г. Кеннард в Форин-оффис 19 апреля 1939 г., «Польша опасается, что если СССР станет полноправным участником коалиции совместно с Англией и Францией, ценность и значимость Польши уменьшится в наших (т.е. англичан. — А. И.) глазах» (Иванов, 2013). К тому же советско-польские отношения несли на себе тяжелый отпечаток прошлого и были отягощены проблемой Западной Украины и Западной Белоруссии.

Таким образом, фундамент для оформления военно-политического союза Великобритании, Франции и СССР оказался крайне непрочным, и не случайно на тройственных переговорах часто возникали острые споры и разногласия, в том числе как следствие взаимного недоверия сторон. Положение осложняло еще и то обстоятельство, что не только Польша, но и другие восточноевропейские страны не проявляли желания сотрудничать с СССР. Вот что, например, заявил министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку членам кабинета Чемберлена во время визита в Лондон 24 апреля: «Я не доверяю советскому правительству, поскольку их цель — мировая революция. Я полностью согласен с вашей линией» (Иванов, 2013). Примерно в таких же выражениях высказывались и руководители Прибалтийских стран (Иванов, 1993).

Тройственные переговоры проходили в условиях постоянно ухудшавшейся обстановки в Европе. Германия проводила откровенно вызывающую политику по отношению к Польше, используя для нагнетания напряженности пробле-

му Данцига и данцигского коридора. От Германии стремилась не отстать фашистская Италия: 7 апреля итальянские войска вторглись в Албанию и оккупировали ее, а 12 апреля была провозглашена «личная уния» между Италией и Албанией. 22 мая Германия и Италия оформили между собой договор о дружбе и союзе («Стальной пакт»). Муссолини тем самым прочно связал себя и судьбу своего режима с Гитлером. Для многих стало ясно, что Европа находится на пороге большой войны.

Неудачный ход англо-франко-советских переговоров (а они по большей части топтались на месте) посеял сомнения в Москве относительно искренности намерений правительств Чемберлена и Даладье. В свое время в Кремле крайне болезненно восприняли Мюнхен и мюнхенскую политику западных держав, их откровенное нежелание сотрудничать с СССР. В Лондоне стремились оставить СССР «за бортом» европейской политики, подвергнуть его остракизму. Все это повлияло на решение Сталина пересмотреть советскую внешнеполитическую стратегию.

3 мая 1939 г. нарком иностранных дел М. М. Литвинов был неожиданно для всех смещен со своего поста и заменен В. М. Молотовым. Эта новость тут же облетела столицы европейских стран и вызвала самые разноречивые слухи. Не исключался вариант резкого поворота в советской внешней политике в сторону сближения с Германией. В. М. Бережков, бывший долгие годы переводчиком Сталина, полагал, что «именно тогда Сталин... задумался над тем, нельзя ли полюбовно договориться с фюрером» (Бережков, 1998). Сталин разочаровался в прозападной ориентации Литвинова и считал, что его ближайший соратник Молотов внесет свежую струю во внешнюю политику СССР.

Отставка Литвинова означала удар по политике коллективной безопасности. Умиротворяющие жесты со стороны немцев (изменение тона нацистской прессы по отношению к СССР, возобновление торговых переговоров весной 1939 г.) были восприняты Сталиным как многообещающий знак и приглашение к диалогу. Таким образом, смена наркома может рассматриваться как предупреждение Западу, не желавшему идти на уступки на переговорах с СССР, так и в качестве своеобразного сигнала для Гитлера. В этой связи интересную информацию к размышлению предоставляют архивные документы. Так, 4 мая 1939 г. английский посол в Италии П. Лорейн сообщил в Лондон со ссылкой на надежный источник, что «Сталин отправил в отставку Литвинова, чтобы обеспечить соглашение с Германией, которое позволит ей напасть на Польшу и вернуть себе данцигский коридор» (PROFON^о 371/23685). В ответной телеграмме Лорейну сотрудники Фориноффис отметили: «Не является очевидным то, что Сталин задумал соглашение с Германией, возможно, он предпочитает занять позицию нейтралитета (что на самом деле выгодно для Германии), предпочитая нейтралитет союзу с западными державами в том случае, если они не согласятся гарантировать Советский Союз против нападения Германии»

(PROFON[№] 371/23685). В те дни в Лондон поступали и более конкретные донесения о закулисных маневрах немцев и русских. Например, 6 мая из английского посольства в Ватикане пришло сообщение, что «Италия выступает в качестве посредника на переговорах между Германией и Россией» и соглашение между ними «уже достигнуто и вскоре будет опубликовано» (PROFON[№] 371/22972). 8 мая английский посол в Германии Н. Гендерсон в донесении из Берлина подтвердил эти сведения, уточнив, что речь идет о советско-германском пакте о ненападении (PROFON[№] 371/22972). 10 мая из Ватикана пришло новое сообщение, в котором упоминалась Польша как будущая жертва сделки между Гитлером и Сталиным (PROFON[№] 371/22972).

Разумеется, далеко не вся подобная информация принималась в Лондоне за чистую монету, тем более что многие в Форин-оффис полагали, что пока Гитлер и Сталин остаются у власти, диалог между ними практически невозможен. Ситуация, таким образом, выглядела запутанной и серьезной; не случайно главный дипломатический советник английского правительства Р. Ванситтарт (один из наиболее опытных и хорошо информированных дипломатов) отметил, что если СССР предпочтет политику изоляционизма, «она послужит преюдицией к нечто гораздо худшему» (PROFON[№] 371/23685).

Документы Архива внешней политики РФ, датированные маем 1939 г., не позволяют сделать категорический вывод о секретных германо-советских переговорах или наметившемся сближении между СССР и Германией. Сталина не устраивала перспектива тревожного выжидания и неопределённости на переговорах с западными державами. СССР не имел союзников, а его западные соседи — Прибалтийские страны, Румыния и Польша — не желали сотрудничать с ним. Сталину, как и Гитлеру, нужно было так или иначе определиться, однако без получения твердых гарантий со стороны Германии и учета интересов СССР Сталин не рискнул бы торпедировать переговоры с западными державами. Но контакты с немцами только налаживались, и по-прежнему неясными и нерешенными оставались политические вопросы. И Гитлер, и Сталин проявляли сдержанность и как бы присматривались друг к другу. Вот что писал временный поверенный в делах СССР в Германии Г. А. Астахов В. М. Молотову 6 мая: «Что же касается немцев, то, не скрывая своего интереса к происшедшей перемене (в НКВД СССР. — А. И.) и пытаясь преимущественно путем подбора цитат из англо-французских газет и корреспонденций из Лондона и Парижа создать впечатление о вероятности поворота нашей политики в желанном для них смысле (отход от коллективной безопасности и т.п.), они, за единичными исключениями, воздерживаются от непосредственной оценки и предпочитают ограничиваться изложением фактических данных (подчас вымышленных), подаваемых, однако, в достаточно корректной форме», но это не дает «оснований для каких-либо далеко идущих выводов» (АВП РФ. Ф. 06. Оп.1. Д. 66. П. 7. Л. 21-22).

Сталин не желал рисковать и ставить под удар переговоры с Англией и Францией, не заручившись твердым согласием Гитлера на соглашение с ним. Тот же Астахов в беседе с заведующим восточноевропейской референтурой экономико-политического отдела МИД Германии Ю. Шнурре 13 мая отметил: «Признавая изменение тона прессы в лучшую сторону, мы все же не имеем данных говорить о коренном изменении германской политики» (АВП РФ. Ф. 06. Оп.1. Д. 66. П. 7. Л. 30). С точки зрения Сталина, слишком опасной выглядела перспектива оказаться в изоляции и к тому же возможности соглашения с Западом еще не были исчерпаны, хотя первоначальные иллюзии заключить его на условиях Москвы к тому времени развеялись.

Отставка Литвинова негативно повлияла на ход англо-франко-советских переговоров: усилилась взаимная подозрительность, на какие-то уступки стороны не соглашались. Вот что, в частности, заявил Чемберлен членам правительства 5 мая: «Было бы неверным брать на себя какие-либо твердые обязательства в настоящий момент, когда мы точно не знаем, означает ли отставка Литвинова смену советского внешнеполитического курса». Он выразил сомнение в приемлемости предложения Москвы не заключать сепаратный мир с агрессором, поскольку «могут возникнуть непредвиденные обстоятельства» (PRO.FON № 371/23065). В Лондоне не отказались от идеи возобновления диалога с Берлином, тем более что руководство рейха, как сообщили из английского посольства в Германии 23 апреля, проявляло к этому готовность: Гитлер якобы предложил, чтобы кто-нибудь из влиятельных членов кабинета Чемберлена, свободно владеющий немецким языком, прибыл к нему для конфиденциальной беседы (PRO.FON № 371/22970). По мнению английского правительства, необходимо было выиграть время, выждать более благоприятный момент для установления англо-германских контактов.

О том, что в Лондоне не было покончено с политикой умиротворения, свидетельствуют архивные документы из фонда Форин-оффис. Так, на заседании английского кабинета 24 мая 1939 г. было высказано мнение, что «когда мы усилим наши позиции посредством заключения соглашения с российским правительством, мы должны выступить с инициативой о возобновлении политики умиротворения». Таким образом, «у нас появится возможность договариваться (с Германией. — А. И.) с позиции силы, и скорее всего Германия прислушается к нам». Инициаторы этого предложения министр иностранных дел лорд Галифакс и министр по делам доминионов Т. Инскип считали, что для успеха переговоров с немцами необходимо заверить их в том, что Англия не собирается осуществлять экономическую блокаду Германии и готова обсуждать с ней «в любое время любые вопросы». Чемберлен не отверг этого в принципе, но заметил, что момент для принятия данного предложения «еще не созрел. Необходимо не только оставаться сильными, но добиться того, что-

бы другие осознали этот факт. К тому же общественное мнение... еще не готово для такого поворота» (PRO.FON № 371/22973).

Между тем обстановка в Европе все более ухудшалась, в столицы европейских стран все чаще поступала информация о военных приготовлениях в Германии. Так, 31 мая в Лондон из Берлина поступило сообщение о том, что Германия будет полностью готова к войне к 1 августа 1939 г. и что Данциг не имеет никакого отношения к ее истинным намерениям (PRO.FO № 371/22973). Через месяц также из Берлина была получена информация, что Гитлер твердо решил начать войну этой осенью. Он убежден в слабости Британской империи; его главная цель — ни Данциг, не данцигский коридор, а «разрушение Британской империи» (PRO.FON № 371/22973).

Накануне войны дипломатическая борьба в Европе осложнилась настолько, что трудно было подчас определить, какое направление для той или иной страны являлось главным, а какое — второстепенным. Германия планомерно готовилась к войне против Польши, но не отказывалась от диалога с англичанами и параллельно приступила к зондажу позиции СССР. К тому времени (июль 1939 г.) политические переговоры трех великих держав зашли в тупик, и это обстоятельство должно было облегчить Гитлеру достижение полюбовного соглашения со Сталиным. Правительство Чемберлена также действовало на нескольких направлениях: с одной стороны, оно согласилось приступить к штабным переговорам с СССР и Францией, но с другой — активизировало усилия по урегулированию спорных проблем с Германией. В ходе секретных англо-германских переговоров, проходивших в июне — августе 1939 г., немалое место отводилось Данцигу, этому, как считали члены кабинета Чемберлена, яблоку раздора между Германией и Польшей. Переговоры приобрели широкий размах, осуществлялись по различным максимально возможным в условиях надвигающейся европейской войны каналам. Официальный Лондон установил связь с руководством Третьего рейха через шведских промышленников А. Веннер-Грена и Б. Далеруса, верховного комиссара Лиги Наций в Данциге К. Буркхардта, князя М. Гогенлоэ, а также через Муссолини и Ватикан.

На переговорах с представителями германского правительства обсуждались различные вопросы: экономическое и финансовое сотрудничество двух стран, заключение англо-германского пакта о ненападении и соответственно отказ Великобритании от гарантии независимости Польши, установление колониального кондоминиума в Африке, совместная эксплуатация рынков Китая, СССР, колоний европейских стран. Восточная и Юго-Восточная Европа рассматривалась эмиссарами английского правительства как «естественная экономическая сфера» Германии; они не возражали против усиления ее позиций в регионе, но при условии, что Англии будет обеспечена там «разумная доля» (PRO.FON № 371/22990).

И все же, несмотря на усилия по нормализации англо-германских отношений, правительству Чемберлена не удалось достичь поставленной цели. Шансы на оформление широкого соглашения между Великобританией и Германией были ограниченными. Руководство Третьего рейха активно готовилось к войне против Польши, и Гитлера совершенно не устраивало половинчатое решение польского вопроса в духе Мюнхена. По существу отсутствовала необходимая база для мирного урегулирования. Серьезные уступки Германии за счет независимых стран, таких как Польша или Румыния, казались невозможными. Щедрая экономическая и финансовая помощь рейху представлялась нереальной, поскольку она могла ударить бумерангом по Британской империи. К этому добавлялись антигерманские настроения общественности, напряженность во франко-германских отношениях и опасения английских политиков остаться без союзников в условиях войны.

Умиротворители по-прежнему пребывали в мире иллюзий, не желая признать тот очевидный факт, что время компромиссов с диктаторами и односторонних уступок миновало. Р. Эванс в этой связи отмечает следующее: «23 мая 1939 года Гитлер сообщил руководителям вермахта, включая Геринга, Гальдера и Редера, что «дальнейшие успехи невозможны без кровопролития». «Сегодня на карту поставлен не Данциг, — продолжал он. — Для нас это вопрос расширения нашего жизненного пространства на Восток и обеспечения продовольственной безопасности для страны... Если судьба приведет нас к конфронтации с Западом, хорошо бы было иметь изрядные территории на Востоке». Поэтому напасть на Польшу необходимо было при первой подходящей возможности. Гитлер допускал, что Великобритания и Франция могли прийти на помощь Польше. «Таким образом, Англия является нашим врагом, и война с ней — это вопрос жизни и смерти». При возможности Польша должна была погибнуть в одиночестве без сторонней помощи. Однако в долгосрочной перспективе война с Англией и Францией была неизбежна. «Англия — это главный источник враждебности против Германии» (Эванс, 2012). Таким образом, Гитлер и его окружение делали ставку на блицкриг против Польши, но им для гарантии успеха архиважно было заручиться нейтралитетом СССР.

Что касается Сталина, то он оказался в сложном положении. Тройственные переговоры оказались неудачными, рассчитывать на чью-либо помощь в случае войны не приходилось, а в ближайшей перспективе вырисовывалась или самоизоляция СССР, или конфронтация с Германией. И тот, и другой варианты были неприемлемыми. Отсюда предпочтительная ставка Сталина на сближение с Гитлером.

И все же советское правительство предложило западным державам послать своих представителей в Москву для проведения штабных переговоров. С учетом драматизма событий августа 1939 г. логику Сталина можно понять. Во-первых, с точки зрения Москвы, не все еще было потеряно и сохранялась

надежда на то, что в случае решения ключевого вопроса о проходе советских войск через территории сопредельных государств, прежде всего Польши и Румынии, тройственный союз состоится. Во-вторых, накануне переговоров в Москве (а они начались 12 августа) Сталин еще не принял окончательного решения, он колебался, стратегическая ошибка могла стоить очень дорого, нужно было еще и еще раз взвесить все «за» и «против».

В исторической литературе присутствует точка зрения, что московские переговоры были последним шансом спасти мир, но он не был использован ввиду нежелания СССР договариваться с западными державами (Семиряга, 1992).

На наш взгляд, переговоры в Москве были бесперспективными с самого начала. Отсутствие политического соглашения крайне затрудняло подписание военной конвенции, и переговоры, едва начавшись, уже вскоре закончились. Это подтверждают и британские архивные документы. Так, на заседании английского кабинета 26 июля 1939 г. министры отметили, что «на военных переговорах с советским правительством возникнут трудности из-за отсутствия политического соглашения». В этой связи было бы «крайне нежелательно передавать конфиденциальную информацию советскому правительству». Общее мнение членов кабинета свелось к тому, что «необходимо проинструктировать наших представителей (на переговорах с СССР. — *А. И.*) вести переговоры очень медленно, прежде чем будет подписано политическое соглашение» и постараться выяснить, «какую помощь русские могут оказать Польше» (PRO. FO № 371/23071).

Правительства западных держав согласились отправить свои миссии в Москву (они предпочитали ей Лондон или Париж) под давлением той неопределенной ситуации, которая сложилась летом 1939 г. Важно было не допустить нормализации советско-германских отношений, и это соображение перевешивало антипатию руководителей Англии и Франции к России и русским. Вот что, например, заявил Чемберлен на заседании внешнеполитического комитета 10 июля: «В случае отказа (от советского предложения о проведении штабных переговоров. — *А. И.*) правительство столкнется с бесчисленными трудностями, хотя лично мне оно совершенно не нравится». Чемберлена поддержал министр иностранных дел лорд Галифакс: «Когда начнутся военные переговоры, большого прогресса не будет. Переговоры будут тянуться бесконечно долго, и в конце концов каждая из сторон согласится принять обязательство общего характера. В таком случае мы выиграем время и к своей выгоде используем ту ситуацию, из которой сейчас нет выхода». Министр по координации обороны лорд Чэтфилд заметил: «Заключение военного соглашения с Россией может оказаться очень трудным делом. До сих пор мы не имели подобного соглашения с какой-либо страной, и крайне важно просчитать все возможные варианты действий на море, на суше и в воздухе, на которые мы и французы можем согласиться» (PRO.FO № 371/23070). О позиции Франции Галифакс сказал следующее: «Французское правительство считает, что военные переговоры

будут тянуться очень долго и в случае неудачи ни о каком политическом соглашении не может быть и речи». И далее: «До тех пор пока будут продолжаться военные переговоры, мы предотвратим сближение между Советской Россией и Германией» (PRO.FON № 371/23070).

Итак, западные державы стремились не допустить нормализации советско-германских отношений и выиграть время. Но тогда время работало не на Англию и Францию, а на Германию. Приготовления Германия к нападению на Польшу вступили в свою завершающую стадию. Расчет официальных кругов Лондона и Парижа на затягивание московских переговоров до осенней распутицы или даже до зимы с тем, чтобы задержать начало войны, имел под собой зыбкую почву. Гитлер не раз рисковал в ситуациях, гораздо менее благоприятных для рейха, и его выступление на Восток мог остановить только внушительный по своей мощи коллективный фронт миролюбивых держав при участии в нем Великобритании, Франции и СССР. Возможности же образования такого фронта были упущены еще в период политических переговоров между Лондоном, Парижем и Москвой. Да и Сталина не устраивала перспектива неопределенно-тревожного выжидания перед лицом агрессивных приготовлений Германии вблизи советских границ.

Что касается вариантов действий западных союзников, о которых упомянул лорд Чэтфилд, то они, судя по протоколам московских переговоров, весьма отдаленно напоминали предложения правительств, заинтересованных в недопущении нового витка фашистской агрессии. Английская и французская миссии были снабжены инструкциями, содержание которых не позволяло надеяться на быстрое и успешное завершение переговоров. Так, британской делегации предписывалось «вести переговоры очень медленно; к русским относиться сдержанно» и не передавать им никакой конфиденциальной информации, поскольку отсутствует политическое соглашение; воздерживаться от обсуждения вопросов совместной стратегии на Западе и в Средиземном море и т.д. «Английскому правительству, — подчеркивалось в инструкции, — представляется нежелательным брать на себя какое-либо определенное обязательство, могущее связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться в военном соглашении возможно более общими формулировками. Что-нибудь вроде согласованной декларации о политике могло бы соответствовать этому... Если русские предложат, чтобы английское и французское правительства обратились к Польше, Румынии или Прибалтийским государствам с предложениями, влекущими за собой сотрудничество с советским правительством или Генеральным штабом, делегация не должна брать на себя каких-либо обязательств, а обращаться в Лондон. Делегация не должна обсуждать вопрос об обороне Прибалтийских государств, так как ни Великобритания, ни Франция не гарантировали безопасность этих стран». И хотя в инструкции предписывалось «убедить русских в необходимо-

сти поставить Германию перед угрозой войны на два фронта, с тем чтобы нанести поражение Германии», а также заручиться их согласием оказать помощь Польше и Румынии (DBFP, 1953), содержащиеся в ней ограничения и запреты делали реализацию такого предприятия в высшей степени сомнительной. Но главное заключалось даже не в этом — отсутствовала предварительно согласованная база для переговоров, не было доверия сторон друг к другу, что и проявилось в ходе дискуссий в Москве.

В свою очередь советское правительство (под диктовку Сталина) также снабдило военную миссию инструкцией, в которой, в частности, указывалось: «Переговоры свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию.

Если выяснится, что свободный пропуск наших войск через территорию Польши и Румынии является исключением, то заявить, что без этого условия соглашение невозможно» (Документы внешней политики, 1992).

СССР предложил развернутый план военных действий трех великих держав при всех возможных случаях агрессии. План предусматривал подключение к совместным военным операциям вооруженных сил Польши и Румынии (СССР в борьбе за мир..., 1971). Если бы он был реализован, на пути агрессоров мог быть воздвигнут надежный заслон.

Реакция английской стороны на эти предложения оказалась сдержанной. Руководитель английской миссии адмирал П. Дракс в письме лорду Чэтфилду от 16 августа указал: «Русские отзываются презрительно о Великобритании и Франции как о капитулировавших (перед агрессорами. — *А. И.*) державах. Они считают, что Англия и Франция спешат заключить соглашение и подходящее давление на них обеспечит необходимые уступки с их стороны. Их манера предъявлять нам свои требования... напоминает поведение державы-победительницы, диктующей условия побежденному противнику». Далее адмирал отметил: русские «придают огромное значение получению положительного ответа от Польши и Румынии (имелся в виду вопрос о проходе советских войск через территории этих стран. — *А. И.*). Они не высказывают желания заключить соглашение, кроме как на условиях, полностью совпадающих с их требованиями. Мне представляется, если не произойдет нечто непредвиденное, потребуются месяцы для достижения соглашения на основе обсуждающихся пунктов» (DBFP, 1954).

Однако не все в окружении Дракса были расположены выжидать долгие месяцы. 17 августа заместители начальников штабов вооруженных сил представили кабинету министров доклад, в котором говорилось: «Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет, без сомнения, поставлено под

угрозу, если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами» (Ржешевский, 1989).

Обеспокоенность английских военных за судьбу переговоров становится понятной в свете тревожного развития событий, неумолимо приближавших человечество к катастрофе. С 18 августа в Германии начались предмобилизационные мероприятия, а неделю спустя был отдан приказ о скрытой мобилизации основных сил сухопутной армии военного времени. В соответствии с замыслом германского командования они сосредоточивались против Польши с целью быстрого ее разгрома; на западе, против Франции, было оставлено минимальное количество войск.

Почему же Чемберлен и члены его кабинета (Франция послушно следовала за Великобританией) не прислушались к мнению руководства вооруженных сил страны относительно пропуска советских войск через территории Польши или Румынии?

Очевидно, Чемберлена занимали вопросы не столько военно-стратегического, сколько политического характера. Он был убежден в том, что умиротворение себя еще не исчерпало и до тех пор, пока остается хоть малейшая возможность разрешить спорные с Гитлером проблемы мирным путем, не следует ей пренебрегать. Конфронтация с Германией (а умиротворители считали, что ассоциация с Россией может повлечь за собой вооруженный конфликт с рейхом) не только означала бы крах всей политики Чемберлена, но и втянула бы Великобританию и ее империю, выражаясь словами Черчилля, «наихудшим путем в наихудшую из всех войн». Кроме того, в Лондоне полагали, что серьезный отпор Германии при активном участии в нем СССР неизбежно приведет к повсеместному и неукротимому распространению идей коммунизма. Отсюда, в частности, нежелание британского руководства оказывать «сильнейшее», как того требовали начальники штабов, давление на Польшу и Румынию (оно не шло в сравнение с нажимом на Чехословакию в 1938 г.) для разрешения вопроса о проходе советских войск через их территории.

Итак, военные переговоры СССР, Великобритании и Франции повторили судьбу политических, т.е. завершились безрезультатно. Причин тому несколько: глубокое недоверие сторон друг к другу, стремление заполучить максимум уступок при минимуме затрат (этим грешили англичане и французы), нерешенность главного вопроса — о проходе советских войск через территории Польши и Румынии и сохраняющаяся надежда умиротворителей (как оказалась иллюзорная) на мирное урегулирование спорных проблем, прежде всего данцигской, с Германией.

В условиях провала московских переговоров Сталину предстояло сделать окончательный выбор. Несомненно, на его решение повернуться лицом к Гитлеру и принять предложения германской стороны повлияли неудачный диалог с Великобританией и Францией и обструкционизм Польши в вопросе о

проходе советских войск. Польский министр иностранных дел Ю. Бек проявлял неуступчивость в данном вопросе, надеясь на то, что его страна выдержит удар немцев и что ее поддержат Англия и Франция. Румыния также не была настроена на пропуск советских войск через свою территорию, хотя высказывала это в менее категоричной форме. К тому же Сталин был в курсе закулисной дипломатии Лондона, которая раздражала и нервировала его.

В ночь с 23 на 24 августа 1939 г. в Москве были подписаны советско-германский пакт о ненападении и секретный дополнительный протокол к нему. Пакт резко осложнил положение Польши, а для Великобритании и Франции ограничил возможности маневра. Отныне переговоры в Москве теряли свой смысл; западной, прежде всего британской, дипломатии предстояло сконцентрировать свои усилия на Берлине и Риме.

В современной историографии по-разному оценивают пакт Молотова — Риббентропа. Дискуссия в основном ведется по вопросу об альтернативе этому соглашению.

Документы свидетельствуют, что решающий поворот в советской политике к сближению с Германией наступил в середине августа 1939 г. Германское правительство предложило через посла в СССР Ф. Шуленбурга «совместно внести ясность в территориальные вопросы Восточной Европы». Составной частью соглашения должны были стать пакт о ненападении между двумя странами и договор об экономическом сотрудничестве. Германия обещала также оказать влияние на Японию в целях нормализации японо-советских отношений (Год кризиса 1938-1939, 1990).

Молотов, принявший Шуленбурга 15 и 17 августа, отнесся с одобрением к сделанным предложениям, но форсировать приезд Риббентропа в Москву (на чем настаивала германская сторона) не собирался. Когда Гитлер 20 августа обратился к Сталину с личным посланием, в котором говорилось о необходимости скорейшего юридического оформления согласованных к тому времени вопросов, тот дал положительный ответ.

Один из мифов, который традиционно присутствует во многих западных публикациях, — советско-германский пакт подтолкнул Гитлера к вторжению в Польшу. Однако известно, что к тому времени экспансия нацизма уже переросла «мирные» рамки в своем развитии. С пактом или без него, но Гитлер в любом случае осуществил бы нападение. Нейтралитет СССР позволял Германии провести кампанию блицкрига с гораздо большей уверенностью в ее конечном успехе, тогда как неурегулированность германо-советских отношений могла в дальнейшем привести к нежелательным для рейха осложнениям.

Версию о преднамеренном срыве Сталиным переговоров в Москве посредством заключения пакта с Германией в свете документов следует признать несостоятельной. С этим согласны и такие профессиональные историки, как

Р. Эванс: «В начале августа 1939 года Риббентроп и Вайцзеккер (статс-секретарь германского МИДа. — А. И.) с одобрения Гитлера подготовили планы совместного раздела Польши с Советским Союзом. Но Сталин все еще колебался. Однако наконец 21 августа он согласился со все более настойчивыми запросами Гитлера о подписании официального пакта» (Эванс, 2012).

Советско-германский пакт о ненападении подвел финишную черту под политикой коллективной безопасности. По-своему лицемерным являлось заявление Молотова о том, что «некоторое время спустя, например, через неделю, переговоры с Францией и Англией могли быть продолжены» (История внешней политики СССР..., 1986). Через неделю Европа уже погружалась в хаос войны, а правительства западных держав поспешно и лихорадочно изыскивали подходящие варианты урегулирования польского вопроса.

Разграничение сфер интересов Германии и СССР по секретному протоколу к пакту было наглядным подтверждением краха курса на обуздание агрессоров и может рассматриваться как циничная сделка двух диктаторов. С тех пор вплоть до 22 июня 1941 г. Сталин осуществлял собственную политику умиротворения нацистской Германии.

Итак, Сталин сделал окончательный выбор. Он стремился избежать вовлечения СССР в войну во что бы то ни стало, и в этом смысле его выбор может показаться вполне логичным. Однако считать пакт Молотова — Риббентропа абсолютно безальтернативным решением было бы неправильным. Нельзя забывать о том, что Сталин своей политикой массовых чисток и репрессий в Красной Армии, которые значительно подорвали ее потенциал, созданием системы безграничного единовластия загнал СССР в угол задолго до подписания пакта. В краткосрочном плане пакт с Германией позволил СССР избежать вовлечения во Вторую мировую войну в 1939 г., но в долгосрочной перспективе он обернулся страшной трагедией для советского народа в 1941 г.

Уроки 1939 г. дают богатую пищу для размышлений и заставляют задуматься, насколько реальными были шансы создать большой антигерманский союз перед Второй мировой войной. Документы архивов и новейшие исследования позволяют дать отрицательный ответ на этот вопрос. Европе пришлось пройти через жестокие испытания 1939-1941 гг., прежде чем антигитлеровская коалиция стала реальностью, великим союзом свободолюбивых стран и народов, которому суждено было спасти человечество от варварства и тирании.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 23. Д. 7. П. 183. Л. 25.
2. АВП РФ. Ф. 06. Оп.1. Д. 66. П. 7 Л. 21-22.
3. Бережков, В. (1998). *Рядом со Сталиным*. Москва: Вагриус.
4. *Год кризиса 1938-1939. Документы и материалы*. (1990). Т. I. Москва: Политиздат.

5. *Год кризиса 1938-1939. Документы и материалы.* (1990). Т. II. Москва: Политиздат.
6. *Документы внешней политики. 1939 год.* (1992). Т. XXII. Кн. 1. Москва: Международные отношения.
7. Иванов, А. Г. (1993). *Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия.* Москва: Наука.
8. Иванов, А. Г. (2010). *Почему не удалось сохранить мир в 1939 году // СССР и западные державы: трудный путь к партнерству и союзу (1939-1945 гг.).* Сборник статей. Москва: МГОУ.
9. Иванов, А. Г. (2013). *Европейский кризис 1939 года и начало Второй мировой войны.* Москва: МГОУ.
10. Громыко, А. А., Пономарёв, Б. Н. (ред.) (1986). *История внешней политики СССР 1917-1985. Т. I. 1917-1945 гг.* Москва: Наука.
11. *СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы.* (1971). Москва.
12. Панкратова, М. И. (1989). *Англо-франко-советские переговоры 1939 года.* Международная жизнь, 8.
13. Парсаданова, В. С. (1989). *Трагедия Польши в 1939 г. Новая и новейшая история,* 5, 11-27.
14. Ржешевский, О. А. (1989). *Москва, Спиридоновка, 17.* Военно-исторический журнал, 7, 72-81.
15. Семиряга, М. И. (1992). *Тайны сталинской дипломатии 1939-1941.* Москва: Высшая школа.
16. Сидоров, А. Ю., Клейменова, Н. Е. (2006). *История международных отношений 1918-1939.* Москва: Центрполиграф.
17. Эванс, Р. (2012). *Третий рейх. Дни триумфа 1933-1939.* Москва: Астрель.
18. *Documents on British Foreign Policy 1919-1939.* (1951). Third Ser. Vol. IV. London: His Majesty station office (далее – DBFP).
19. *DBFP.* (1953). Third Ser. Vol. VI. London: Her Majesty station office.
20. *DBFP.* (1954). Third Ser. Vol. VII. London: Her Majesty station office.
21. Douglas, R. (1986). *World Crisis and British Decline, 1929-56.* London: Macmillan.
22. Fleming, N. (1979) *August 1939. The Last Days of Peace.* London: Davies.
23. Mommsen, W. J., Kettenacker, L. (Eds) (1983). *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement.* London: George Allen & Unwin.
24. PublicRecordOffice (Государственный архив Великобритании). FОН^о 371/22966. P. 124 (далее – PRO).
25. PRO. FO 371/22958. P. 228.
26. PRO. FO 371/22967. PP.108-110, 112, 114-115, 230.
27. PRO. FO 371/22968. PP. 24, 54, 58, 63-64, 237-238, 251, 259-260.
28. PRO. FO 371/22970. P. 99.
29. PRO FO 371/22972. PP.107, 112, 160.
30. PRO. FO 371/22973. PP. 62, 134-135, 155.
31. PRO. FO 371/22990. P. 299.
32. PRO. FO 371/23065. P.204,206.

33. PRO.FO 371/23070. PP. 152,153,160-161.
34. PRO.FO 371/23071. P. 233.
35. PRO FO 371/23685. PP. 4,5,15.

Статья поступила в редакцию 28.09.2014.

.....

PEACE OR WAR? THE ALTERNATIVES OF 1939

A. G. Ivanov

Alexander Ivanov, Doctor of Science (Historical Sciences), Professor, Kuban State University (KubSU), Krasnodar, Russia. E-mail: ivanov@kubsu.ru

In the article prehistory of the Second World War is being analysed. The author focuses attention on the European crisis of 1939 and diplomatic initiatives caused by it: Anglo-French guarantees to the countries of Eastern Europe, diplomatic talks between the USSR, Great Britain and France, Soviet — German non-aggression Pact. The guarantees turned out to be a reaction of the governments of Chamberlain and Daladier to destruction of Czechoslovakia by Germany and Hitler's challenging actions towards Poland and Romania that followed. As archival documents show they lacked real content and were aimed at restraining Hitler and calming down the public. Soon Anglo-French-Soviet talks followed, which under certain conditions might lead to forming of a grand anti-German alliance, but due to a number of reasons the talks ended with no result. One of the reasons of the talks failure was the unwillingness of Great Britain and France to agree to a close military-political collaboration with the USSR and wish to come to terms with Germany at the sake of Poland, using the policy of appeasement. The author, using archival documents, tries to give an answer to the question, why it turned out unsuccessful to create a grand anti-German alliance with participation of the great powers in it. Its creation would make it possible to stop the aggressor — Nazi Germany and to avoid global catastrophe.

One of the most disputable problems of prehistory of the war is the Soviet-German non-aggression Pact. The analysis of documents and recent publications make it possible for the author to come to a conclusion that the initiative of entering into the Pact, as well as of drawing up the secret additional protocol to it, was from the German side. What concerns the USSR, Stalin was hesitating and up to the middle of August 1939 did not make a final decision. Another conclusion, which is made by the author on the basis of analysis of the alternatives of 1939 is that the Molotov-Ribbentrop Pact did not influence decisively Hitler's decision to attack Poland and unleash the Second World War.

Key words: the policy of appeasement, guarantees, talks, European crisis, government.

References

1. Arhiv vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. F. 0122. Op. 23. D. 7. P. 183. L. 25 (dalee — AVP RF).
2. AVP RF. F. 06. Op.1. D. 66. P. 7 L. 21-22.
3. Berezhkov, V. (1998). *Rjedom so Stalinym*. Moskva: Vagrius.
4. *God krizisa 1938-1939. Dokumenty i materialy*. (1990). T. I. Moskva: Politizdat.
5. *God krizisa 1938-1939. Dokumenty i materialy*. (1990). T. II. Moskva: Politizdat.
6. *Dokumenty vneshnej politiki. 1939 god*. (1992). T. XXII. Kn. 1. Moskva: Mezhdunarodnye otnoshenija.

7. Ivanov, A. G. (1993). *Agressory i umirotvoriteli. Gitler, Mussolini i britanskaja diplomatiya*. Moskva: Nauka.
8. Ivanov, A. G. (2010). *Pochemu ne udalos' sohranit' mir v 1939 godu*. SSSR i zapadnye derzhavy: trudnyj put' k partnerstvu i sojuzu (1939-1945 gg.). Sbornik statej. Moskva: MGOU.
9. Ivanov, A. G. (2013). *Evropejskij krizis 1939 goda i nachalo Vtoroj mirovoj vojny*. Moskva: MGOU.
10. Gromyko, A. A., Ponomarev, B. N. (red.) (1986). *Istorija vneshnej politiki SSSR 1917-1985. T. I. 1917-1945 gg.* Moskva: Nauka.
11. *SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroj mirovoj vojny (sentjabr' 1938 g. — avgust 1939 g.). Dokumenty i materialy*. (1971). Moskva.
12. Pankrashova, M. I. (1989). Anglo-franko-sovetskie peregovory 1939 goda. *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 8.
13. Parsadanova, V. S. (1989). Tragedija Pol'shi v 1939 g. *Novaja i novejsaja istorija*, 5, 11-27.
14. Rzheshevskij, O. A. (1989). Moskva, Spiridonovka, 17. *Voенно-istoricheskij zhurnal*, 7, 72-81.
15. Semirjaga, M. I. (1992). *Tajny stalinskoj diplomatii 1939-1941*. Moskva: Vysshaja shkola.
16. Sidorov, A. Ju., Klejmenova, N. E. (2006). *Istorija mezhdunarodnyh otnoshenij 1918-1939*. Moskva: Centrpoligraf.
17. Evans, R. (2012). *Tretij rejh. Dni triumfa 1933-1939*. Moskva: Astrel'.
18. *Documents on British Foreign Policy 1919-1939*. (1951). Third Ser. Vol. IV. London: His Majesty station office (dalee — DBFP).
19. *DBFP*. (1953). Third Ser. Vol. VI. London: Her Majesty station office.
20. *DBFP*. (1954). Third Ser. Vol. VII. London: Her Majesty station office.
21. Douglas, R. (1986). *World Crisis and British Decline, 1929-56*. London: Macmillan.
22. Fleming, N. (1979) *August 1939. The Last Days of Peace*. London: Davies.
23. Mommsen, W. J., Kettenacker, L. (Eds) (1983). *The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement*. London: George Allen & Unwin.
24. Public Record Office (Gosudarstvennyj arhiv Velikobritanii). FO № 371/22966. P. 124 (dalee — PRO).
25. PRO. FO 371/22958. P. 228.
26. PRO. FO 371/22967. PP.108-110, 112, 114-115, 230.
27. PRO. FO 371/22968. PP. 24, 54, 58, 63-64, 237-238, 251, 259-260.
28. PRO. FO 371/22970. P. 99.
29. PRO FO 371/22972. PP.107, 112, 160.
30. PRO. FO 371/22973. PP. 62, 134-135, 155.
31. PRO. FO 371/22990. P. 299.
32. PRO. FO 371/23065. P.204,206.
33. PRO.FO 371/23070. PP. 152,153,160-161.
34. PRO.FO 371/23071. P. 233.
35. PRO FO 371/23685. PP. 4,5,15.

«БЕЗОПАСНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ЛОКАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АРМЕНИИ)

.....

А. В. Атанесян¹

«Безопасность человека», или «человеческая безопасность» в качестве привнесенного в отечественную научную литературу термина (Human Security), является одним из уровней концептуализации проблем безопасности в современном мире. Сегодня существует множество объектов, вокруг которых разворачиваются концептуальные и технические процессы обеспечения безопасности, как то: безопасность технических систем, безопасность производства, безопасность информации, безопасность государства, безопасность продуктов питания и т.д. Тем не менее все данные и другие уровни обеспечения безопасности и ее изучения в конечном счете сводятся к безопасности человека — к безопасности его жизнедеятельности, его связей и взаимоотношений с другими людьми, его взаимодействия с обществом и природой. Более того, все эти направления обеспечения безопасности того или иного объекта или процесса осуществляются человеком непосредственно или опосредованно созданными человеком средствами (информационными, техническими и военнотехническими, финансово-экономическими, биологическими и пр.). Таким образом, изучение и обеспечение безопасности в любой сфере в конечном счете сводятся к обеспечению безопасности человека, что делает данный термин максимально емким. Кроме того, одним из важнейших факторов интенсификации исследований в области безопасности человека не только в междисциплинарном, но и в сугубо политологическом (секьюритологическом) контексте является повышение уровня жизни в глобальном масштабе. Соответственно, тенденция смещения восприятий угроз с традиционно военно-политической сферы в область экономической, социальной и социетальной, экологической, а также информационной безопасности способствует постановке проблем обеспечения безопасности человека и человеческого развития на новом уровне.

Ключевые слова: безопасность человека, человеческое развитие, секьюритология, секьюритизация, институты политической власти, миграция.

Безопасность человека: уровни восприятия и концептуализации

На сегодняшний момент можно выделить два уровня информации, непосредственно соприкасающейся с восприятием и определением безопасности человека — обыденный и научно-политический.

¹ Атанесян Артур Владимирович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии факультета социологии Ереванского государственного университета, Ереван, Армения. Эл. почта: atanesyan@yandex.ru

На *обыденном уровне* *безопасность человека* воспринимается в основном в двух значениях — в качестве проблемной ситуации, а также результата. В качестве результата безопасность человека — защищенность от внешних и внутренних угроз, и рисков, идеальной ситуацией чего является «счастье»: человеку ничего не грозит, он здоров, сыт, обеспечен, уверен в завтрашнем дне и настроен позитивно к окружающему его миру, с которым находится в максимальной, если не полной, гармонии. С этой точки зрения безопасность человека в качестве проблемной ситуации воспринимается в связке с огромным количеством таких явлений, как голод, нужда, болезни, войны, нездоровая экология, экологически не чистая продукция питания, одежды и быта, недружелюбно (враждебно) настроенное социальное окружение, финансовые проблемы, отсутствие уверенности в завтрашнем дне. Любой человек может назвать много проблем, препятствующих его безопасности, что и воспринимается на обыденном уровне в качестве состояния безопасности человека в определенном пространстве и времени.

Так, с точки зрения пространственно-временных критериев безопасность человека может иметь более высокий уровень в экономически обеспеченных обществах с высоким уровнем социальной политики и качеством жизни. Соответственно низкий уровень экономического развития, образования, здравоохранения, бытовых условий, природные катаклизмы и войны снижают уровень безопасности человека вплоть до страданий и смерти в качестве нормальных для подобных условий ситуаций.

Обыденное восприятие «безопасности человека» в зависимости от пространственно-временных категорий исторически обуславливало миграционные процессы; в частности, переезд из бедных районов в богатые, из сельских — в городские промышленные районы или, наоборот, из экологически нездоровых районов центра города в озелененные спальные районы. Таким образом, обыденное восприятие безопасности человека в преломлении исторических этапов развития человечества претерпело лишь незначительные изменения и по-прежнему остается относительно стабильным. Безусловно, в процессе исторического развития общества менялись акценты, расставляемые человеком в процессе выбора им тех или иных предпочтений и первостепенных задач в обеспечении своей безопасности. Так, в условиях войн, когда угроза быть убитым является основной в системе других источников угроз и рисков, необходимость обеспечения иных качеств «безопасности человека», таких, например, как здоровая окружающая среда, экологически чистые продукты питания, этика общения с окружающими людьми, эстетическое мирозерцание и т.д., отходят на второй план, максимально замещаясь необходимостью ориентирования в системе дихотомии «жизнь — смерть». Война возвращает человека в его первоначальное, биологическое состояние, в котором безопасность человека должна быть обеспечена в основном навыками выживания в естественном состоянии.

В отличие от экзистенциального восприятия безопасности человека в условиях войны, массовых эпидемий и экологических катастроф, обыденная жизнь человека в современных условиях потребительской массовой культуры делает его восприимчивым к менее значимым в кризисные периоды факторам, которые начинают восприниматься в качестве таких угроз безопасности человека, как экологически нездоровая пища, вредная окружающая среда, нездоровая эмоциональная обстановка в коллективе, недостаточно экзотический вид из окна, не самая комфортная мебель в квартире, устаревшая модель компьютера в кабинете или вышедший из моды мобильный телефон... Если в кризисные исторические моменты стресс вызывался боязнью быть убитым на выходе из дома, или умереть от голода, то в условиях потребления человек оказывается в ситуации замешательства и паники, забыв дома свой мобильный телефон, или потеряв флэшку с записанными на ней фотографиями с пляжного сезона...

В зависимости от изменений системы ценностей и бытовой моды меняется кругозор восприятия человеком безопасности на индивидуальном и коллективном уровнях. Так, с точки зрения индивидуалистской мировоззренческой прерогативы безопасность личности далеко не всегда ставится в зависимость от коллективной безопасности (например, нежелание иметь и воспитывать детей в подобной системе ценностей не увязывается человеком с экономическими, демографическими и политическими проблемами, которые впоследствии могут возникнуть в его обществе из-за низкого уровня рождаемости и высокого уровня старения населения). Обратная картина может наблюдаться в условиях коллективистской мировоззренческой парадигмы, когда любое отклонение в поведении человека от системы коллективистских норм и ценностей воспринимается прежде всего как угроза безопасности общества, а уж потом (если она вообще имеет место) — как безопасность личности, в частности, в значении возможностей для индивидуального самовыражения.

К основным факторам формирования предпочтений и манипулирования страхом относятся СМИ [см., например: Atanesyan, 2014, pp. 527-542]. Например, пропаганда в СМИ нездорового образа жизни, беспорядочных половых связей, размытость социальной идентичности личности как вариант «самовыражения» и т.д. приводит к тому, что человек поступательно подвергает опасности свое физическое и психическое здоровье. В конечном итоге жизнь может восприниматься человеком как необходимое условие его безопасности в данном обществе, в данных пространственно-временных условиях, однако быть прямой угрозой его безопасности в первоначальном, экзистенциальном смысле.

В любом случае обыденное восприятие безопасности человека в современном мире приобрело определенную институционализированность и зачастую является далеко не собственным выбором индивида, а результатом воздействия на него разнообразных информационных потоков, вследствие которых происходит постоянный дискурс по поводу предпочтительности или ущерб-

ности того или иного состояния человеческой безопасности, а также наличия и уровня опасности тех или иных факторов в качестве угроз и вызовов человеческой безопасности. Так, по результатам исследований, направленных на выяснение изменений в восприятии людьми угроз их безопасности, связанных с уровнем преступности в обществе, было выявлено непосредственное влияние телевидения на завышенные оценки людьми угроз их безопасности [см., например: Sotirovic, 2003, pp. 122-137].

Прежде чем перейти от вопросов обыденного восприятия безопасности человека к рассмотрению научно-политических концепций и стратегий, следует отметить, что традиционная недооценка обыденного восприятия людьми той или иной проблемы по сравнению с научной ее трактовкой в данном случае неоправданна. Любой дискурс о безопасности, по словам Б. Бузана, носит интересубъективный характер, т.е. конструируется субъектом или группой субъектов и представляется на обсуждение обществу, или аудитории: если аудитория не разделяет опасения говорящих о безопасности и угрозах субъектов, те не смогут реализовать свои стратегии по обеспечению защиты, а также своих личных интересов [Buzan, Wæver, de Wilde, 1998, p. 31]. Это особенно относится к понятию «безопасность человека», которая в своей формулировке в качестве термина содержит элемент человеческого, подчеркивая аксиологический характер, ценностную нагрузку безопасности человека, т.е. субъективность дискурса о безопасности человека в любом — обыденном или же научном формате. Поэтому научный, или научно-политический, дискурс о безопасности человека непосредственно связан с индивидуальными опасениями людей относительно угроз безопасности на уровне личности, малых групп, локальных сообществ и общества в целом. В противном случае дискурс касательно вопросов безопасности и соответственно реализация основанной на вопросах безопасности политики не могут быть эффективными.

На научно-политическом уровне анализа безопасность человека определяется в соответствии со стратегиями развития современного государства и общества и соответствующей ролью человека в этом развитии.

Следует отметить изначальную интегрированность научного и политического дискурсов относительно содержания понятия «безопасность человека», так как обеспечение безопасности человека в широком и универсальном смысле предполагает политическую волю, мобилизацию ресурсов и задействование политико-правовой и институциональной системы внутри- и межгосударственных отношений. Вместе с тем сугубо научное осмысление безопасности человека в политологии, секьюритологии (Security Studies), социологии и смежных дисциплинах не только базируется на анализе конкретных политических процессов и решений, но и становится основой для дальнейших политических проектов и действий.

Государственное регулирование социального бытия во многом обусловило такое состояние безопасности человека, которое в том или ином государстве воспринимается как норма. После того как люди добровольно и из страха перед постоянными угрозами безопасности человека, исходящими друг от друга и направленными друг на друга в качестве «войны всех против всех», передали часть своих свобод государству с тем, чтобы оно с помощью присущего лишь ему легитимного права на насилие, ограничивало человека в его максималистских устремлениях (Томас Гоббс), началась эпоха государственного насилия, где именно государство получило преимущества в формулировании угроз безопасности своих граждан, государства и общества (секьюритизация, манипулирующая страхами и опасениями людей), а также в мобилизации и использовании средств, необходимых для реализации политических проектов под эгидой обеспечения безопасности граждан.

Ограничивая свободы личности, наделяя человека правами и обязанностями, верша правосудие, государство само нередко воспринимается (и становится) одной из угроз безопасности человека, если не основной, лишая рожденного свободным человека желаемых им прав и свобод. Другой причиной, по которой государство может стать угрозой безопасности своих (и чужих) граждан, является несоблюдение им принципа справедливости во внутренней и внешней политике; декларируя равенство людей в их правах, государства то и дело нарушают данный принцип, создавая диспропорциональность в распределении ограниченных ресурсов в пользу узких групп и в ущерб широким слоям населения, вызывая общественное недовольство и массовый бунт. Причем в качестве угрозы в массовом восприятии всплывает не конкретная группа лиц, злоупотребляющая от имени государства всеобщими благами, а государство как институт, обязанный обеспечивать безопасность каждого гражданина в равной степени.

Кризис государства и чувство незащищенности граждан стимулировали научно-политический дискурс о безопасности человека не только от имени государства, но и от имени гражданского общества и транснациональных структур, негосударственных организаций и групп. В частности, активную роль в формулировании безопасности человека и стратегий по ее обеспечению сыграла ООН. Как пишет Дж. Заджадло, «в 1991 году Хавьер Перес де Куэльяр² высказался о том, что «право невмешательства во внутреннюю юрисдикцию государства не может служить защитным барьером, за которым права человека могут быть массово и безнаказанно нарушаться». Его последователь, Бутрос Гали, отметив, что суверенность государства и его целостность по-прежнему являются одной из основ международных отношений, добавил: «время абсолютной и эксклюзивной суверенности государства прошло»» [Zajadlo, 2005, p. 656].

² Генеральный секретарь ООН (Перу), 1982–1991 гг.

Линию ООН в продвижении и защите прав человека в качестве первостепенной задачи по обеспечению безопасности человека и наполнению данного понятия современным содержанием, существенно продолжил и дополнил следующий после Бутроса Гали Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, который выразил суть развития стратегии по защите прав человека во всем мире на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 1999 г. следующим образом: «Понятие государственного суверенитета в своем основном значении переосмысливается в результате воздействия глобализации и международного сотрудничества. Сегодня широко распространено понимание государства как слугителя своего народа, а не наоборот. Вместе с тем суверенность личности — а под этим я имею в виду права человека и фундаментальные свободы каждого индивидуума так, как это выражено в нашей Хартии (ООН) — суверенность личности еще более усиливается благодаря обновленному осознанию права каждого человека самостоятельно решать свою судьбу. <...> Такой подход серьезно облегчает решение дилеммы относительно того, что следует считать гуманитарной интервенцией: с одной стороны, вопрос легитимности действий, предпринятых той или иной региональной организацией без мандата ООН; с другой стороны, всеобщее признанный императив о необходимости эффективного пресечения массовых и систематических нарушений прав человека с ужасающими гуманитарными последствиями» [Annan, 1999, p. 5].

Можно заметить, что современный подход к определению и соответственно защите прав человека в качестве обеспечения его безопасности, озвученный Кофи Аннаном с позиции прав человека как абсолютной, универсальной ценности, соответствует концепции универсализма в международных отношениях: «...представители универсализма считают, что международные права человека, такие как право равной защищенности каждого со стороны государства, физическая безопасность, справедливое судопроизводство, свобода слова, свобода вероисповедания и ассоциаций, являются и должны быть одинаково защищенными везде» [International Human Rights..., 2008, p. 517].

Обоснование и развитие концепции безопасности человека и ее непосредственная связь с необходимостью защиты прав человека в универсальном и наиболее емком значении хронологически приходится именно на 1990-е гг., когда после развала СССР и обретения Соединенными Штатами Америки статуса победившей в холодной войне сверхдержавы, чья стратегия информационного противостояния с незападным миром была основана на преобладании и распространении по всему миру демократических ценностей и прав человека, причем, не только политико-идеологическими, но и военно-силовыми путями (по принципу синхронизации использования «мягкой» и «жесткой» силы [Nye, 2002]), США и западные союзники получили новые зоны влияния и продвижения стратегии обеспечения безопасности человека в западном мире. В частности, современные гуманитарные интервенции как ответ между-

народного сообщества на массовые и целенаправленные нарушения государствами прав своих граждан являются одним из наиболее актуальных проявлений использования «жесткой» силы по обеспечению безопасности человека [см., например: Nikoghosyan, 2011].

Как следствие, государство является сегодня не только основным институтом, призванным обеспечивать защиту прав и свобод своих граждан, но и главной угрозой безопасности человека, если не в отношении своих граждан, то в отношении граждан другой страны. Нормативно-правовой и ценностный конфликт между предпочтительностью обеспечения национальной безопасности за счет массовых нарушений прав человека и наоборот является на сегодняшний день одной из основных проблем международных отношений.

Между тем одним из важнейших шагов по укреплению концепции безопасности человека и ее политическому продвижению считается Отчет о развитии человечества за 1994 г., упоминаемый в большинстве научных дискуссий о безопасности человека [United Nations, Human Development Report, 1994]. Отчет включает 7 основных элементов безопасности человека:

- 1) экономическую безопасность (гарантированный основной доход);
- 2) безопасность пищи (физическая и экономическая доступность пищи);
- 3) безопасность здоровья (относительная защищенность от заболеваний и инфекций);
- 4) безопасность окружающей среды (доступность питьевой воды, чистого воздуха и здоровой почвы);
- 5) личную безопасность (защищенность от физического насилия и угроз);
- 6) коллективную, или групповую безопасность (защищенность культурной идентичности);
- 7) политическую безопасность (политическая защита основных прав и свобод) [United Nations, Human Development Report, 1994; Acharya, 2001, pp. 444-445].

В дальнейшем развитие понятия «безопасность человека» привело к выделению из общего содержания более широкого, а также более узких определений данного понятия и разработки соответствующих научно-политических концепций безопасности человека. Широкое понимание безопасности человека относится к упомянутому Отчету ООН и аналогичным проектам, тогда как узкие определения увязываются с отдельными вопросами защиты прав человека и предотвращения конкретных угроз человеческой жизни, здоровью и благосостоянию, таких как угрозы, связанные с вооруженными конфликтами и военными действиями. Так, было предложено разграничивать понятия «безопасность человека» (Human Security) и «человеческое развитие» (Human Development); соответственно такие явления, как качество пищи, здоровая экология и др., были отнесены к человеческому развитию: «Безопасность человека» — это «свобода от страха» (freedom from fear), тогда как «человеческое

развитие» — это свобода от нужд (freedom from want). Это взаимодополняющие, но различные концепты» [King, Murray, 2001, p. 590; Acharya, 2001, pp. 444-445; Ramcharan, 2004, pp. 39-47; Gasper, 2010].

Соответственно наиболее широкое определение безопасности человека включает социально-экономические проблемы человеческой жизнедеятельности в качестве необходимости обеспечения человека пищей, питьевой водой, здоровой экологией и трудоустройством (избавление человека от нужд, или «свобода от нужд»), а также вопросы защищенности жизни и здоровья человека от угроз массового насилия и геноцида, природных катаклизмов, вооруженных конфликтов и войн (защищенность человека от угроз жизни и здоровью, или «свобода от страха») [Kaldor, Selchow, 2008].

Попытки сузить определение безопасности человека продолжают и по сей день, концентрируясь на том или ином элементе жизнедеятельности человека в условиях государства и общества. Вместе с тем многие из таких попыток продолжают оставаться абстрактными и емкими. Так, Каролина Томас, обсуждая содержание «безопасности человека», акцентирует внимание на «обеспечении основных материальных потребностей» и «защите человеческого достоинства» (Human Dignity), включая освобождение человека от давления со стороны центров силы, будь то глобальные, национальные или местные силовые структуры [Paris, 2011, p. 72].

Согласно Роберту Бедески, безопасность человека включает «систему знаний, технологий, институтов и действий, которые защищают и обеспечивают биологическое существование человеческой жизни, а также проекты, обеспечивающие коллективный мир и процветание во благо человеческих свобод» [Paris, 2011, p. 72].

Как видим, попытки сузить определение безопасности человека с позиций чего-то большего, нежели его жизнь и здоровье (т.е. его защищенность в прямом, традиционном смысле), также содержат в себе ряд абстракций и обобщений, в которые может уместиться более широкое восприятие реальности, включающее разноплановые вопросы, начиная с бытовых проблем и заканчивая международной безопасностью.

Диспут между сторонниками широкой и узкой концепций безопасности человека не следует воспринимать в качестве противостояния и взаимоисключения; оба подхода дополняют и развивают современное понимание безопасности человека и соответствуют логике развития исследований в области безопасности вообще, в теоретико-прикладном значении. Как подчеркивает А. Ачарья, «не игнорируя права сообществ людей, а также права неполитического содержания, в понятии «безопасность человека» первостепенное значение все же уделяется человеческому достоинству. Ни один серьезный защитник безопасности человека не допустил бы преследование экономических или коллективных интересов в ущерб защищенности и достоинства личности и

людей. Допущение нарушений прав человека во имя экономического развития или социальной стабильности не имеет места в парадигме безопасности человека» [Acharya, 2001, p. 450].

И действительно, гуманитарные проблемы не военно-политического свойства, такие как голод, низкий уровень качества жизни, здравоохранения, социальных программ (или их отсутствие), плохая экология, отсутствие правопорядка и защищенности (т.е. угрозы безопасности человека в широком смысле, в качестве отсутствия «свободы от нужды»), в конечном счете приближают то состояние, когда жизнь и здоровье человека подвергаются максимальным рискам (в узком значении понятия «безопасность человека» как «свобода от страха»). Соответственно обеспечение безопасности человека является комплексной задачей, включающей как военно-политические, так и экономические, социальные, образовательно-просветительские и экологические программы.

Измерение состояния безопасности человека (на примере Республики Армения)

Актуальность измерения состояния безопасности человека на постсоветском пространстве обусловлена целым рядом локальных и глобальных факторов, в частности, включением постсоветских стран в глобальные экономические, политические, информационные процессы, взаимосвязью между конкурентностью локальных экономик и человеческим потенциалом, региональными миграционными процессами, вызванными открываемостью границ и различным уровнем благосостояния, особенностями восприятия угроз глобального, регионального и локального масштабов в локальных социумах, и др. Будучи малоизученными, проблемы безопасности человека, в том числе особенности восприятия гражданами ряда постсоветских государств угроз и вызовов безопасности и развитию, в той или иной степени влияют на потенциал данных государств по взаимодействию в рамках региональных организаций, создаваемых на основе схожего восприятия общих угроз.

Пример Армении как государства, обладающего определенным потенциалом по дальнейшему включению как в общеевропейские, так и в евразийские межгосударственные структуры и проекты, интересен в том плане, что состояние безопасности человека как актуальной субъективно-объективной проблемы может в существенной степени повлиять на интеграционно-конфликтный потенциал Армении в контексте схожести-различия восприятия гражданами Армении и других региональных государств тех явлений и процессов, которые либо объединяют людей в рамках совместной борьбы с общими угрозами и вызовами, либо разобщают.

После референдума о независимости Республики Армения 21 сентября 1991 г., общество Армении начало выстраивание (или восстановление) институтов государственности, параллельно выражая свое отношение к уровню

эффективности институтов власти и системе бюрократии. Периодически проводимые рейтинговые исследования показывали динамику изменения авторитетности того или иного института власти, а также уровня доверия граждан к президенту, парламенту, законодательным и исполнительным органам власти, средствам массовой информации, институтам гражданского общества и т.д. Основным принципом оценки эффективности данных институтов было то, насколько они отвечают требованиям (пожеланиям, нуждам) граждан страны в системе восприятий уровня собственной защищенности.

Интересно отметить, что параллельно росту уровня жизни в стране, уровень доверия институтам власти постоянно падал. С одной стороны, граждане Армении нередко практикуют модели бытового и профессионального поведения, которые в случае оценки деятельности элит вызывают у них недовольство и раздражение. Так, будучи против коррупции в системе правящей элиты, многие рядовые граждане страны сами берут предвыборные взятки, раздаваемые с целью покупки необходимого количества голосов (см., например: Sahakyan, Atanesyan, 2006, pp. 347-354). Возникающий подобным образом негативный симбиоз создает своего рода замкнутый круг, одно из звеньев которого — общество, в большинстве своем постоянно недовольное деятельностью властей по обеспечению безопасности человека, в том числе определенного прожиточного минимума, высокого уровня доступного образования и здравоохранения и т.д. С другой стороны, представители властной элиты не заинтересованы в обеспечении более высокого уровня политической и социальной защищенности граждан, ибо реализация менее затратных и краткосрочных действий уже приносит необходимые дивиденды для воспроизводства институтов власти в том состоянии, которое обеспечивает стабильное функционирование и самовоспроизводство элит.

Тем не менее неформальный консенсус между элитами и массами по поводу моделей поведения не препятствует принятию гражданами страны решений, направленных на поиск альтернативных способов выживания и развития в отрыве от не пользующихся доверием институтов государственного управления. Так, по сравнению с гражданами соседних Азербайджана и Грузии существенное число граждан Армении (28% против 3% в Азербайджане и 1% в Грузии) полагают, что политика государства определенно идет в ошибочном направлении. Соответственно лишь 2% опрошенных в 2013 г. граждан Армении (в отличие от 5% граждан Грузии и 13% азербайджанцев) считают политику страны правильной (см.: South Caucasus Countries, 2014). Опросы демонстрируют также соответственно низкий уровень доверия институтам власти, в частности, в отношении президента (лишь 5% граждан полностью доверяют президенту страны), правительства (3% соответственно), судебной системы (3%), СМИ (3%), парламента (2%) и политических партий (2%). Для сравнения: наибольшим доверием граждан Армении (в порядке убывания) пользуются Армянская апостольская

церковь, Вооруженные силы РА, местные органы самоуправления, система высшего образования, система здравоохранения, а также институт защитника прав человека (South Caucasus Countries, 2014, p. 18). Низкий уровень доверия властям в контексте высокого уровня свободы слова в Армении является основной темой общественно-политического дискурса и в случае возможной консолидации отдельных слоев общества способен вызвать массовые протесты.

Согласно Государственной статистической службе Армении, в число занятых входит более 62% граждан страны, а к безработным относится около 17,3% населения (Статистический ежегодник Армении, Занятость, 2013). В то же время около 64% населения страны считаются бедными (Statistical Annex, 2013), откуда следует, что большая часть трудоустроенного населения Армении, если говорить о безопасности человека в широком значении, не «свободна от нужд», т.е. в плане человеческого развития не защищена.

Для экономики Армении характерна существенная зависимость от индивидуальной и корпоративной экономической мобильности граждан страны, включая сезонную трудовую миграцию. Так, согласно данным Центробанка Армении, финансовые некоммерческие индивидуальные трансферы в Армению в 2013 г. составили 1869788 тыс. дол. США (см.: Объемы денежных переводов в 2005-2013 гг., 2014). Это означает, что в зависимости от экономического состояния государств, в которых граждане Армении осуществляют свою профессионально-трудовую активность, финансовые притоки в экономику Армении могут меняться и подвергаться не зависящим от внутригосударственного экономического управления рискам, но при этом служить механизмом сдерживания острых внутриэкономических проблем. Соответственно, определенный допустимый, с точки зрения граждан страны, уровень «свободы от нужд» в Армении объективно обеспечивается не столько государственной политикой и институтами власти, сколько экономической мобильностью и корпоративной сплоченностью населения страны. Это означает, что, говоря об уровне безопасности человека в экономическом плане, следует иметь в виду различное восприятие гражданами Армении того состояния, которое могло бы быть, не будь их личной инициативности по обеспечению собственной защиты, и их актуального, фактического состояния. Данная ситуация означает как минимум две вещи: ослабление государственного контроля в деле управления обществом, которое во многих вопросах живет с минимальным участием государства, и продолжающееся расслоение общества на богатых и бедных.

Несмотря на представленность на рынке страны всего спектра товаров и услуг, доступного в эпоху глобализации, все больше граждан не способны ими пользоваться (см.: Статистический ежегодник Армении, Уровень жизни населения, 2013). Как следствие, растет количество людей, желающих выехать из страны как временно (около 60% населения на 2013 г.), так и на постоянное место жительства (31%) (South Caucasus Countries, 2014). Если брать за основу тот

принцип, по которому желание граждан временно выехать из страны говорит скорее о нерешенности их экономических проблем, а выезд из страны навсегда — в основном о невозможности для человека жить в данной стране, в частности, по причине его незащищенности в плане неотъемлемых прав человека, то настоящая ситуация в Армении свидетельствует скорее о существенном перевесе социально-экономической составляющей проблем безопасности человека над политическими вопросами, соответственно, состояние со «свободой от страха» существенно лучше, чем со «свободой от нужд». Данный вывод подтверждается статистикой относительно причин эмиграции из Армении; 57% опрошенных указывают отсутствие работы и возможностей трудоустройства, 10% — низкую зарплату, 9% видят в эмиграции возможность повысить уровень жизни, 7% — найти за границей высокооплачиваемую работу, 4% — возможность расплатиться с долгами. Такие причины, как отсутствие будущего в Армении (1%) и недостаточно высокая система социальной безопасности (включая здравоохранение), которую также назвал 1% опрошенных, являются в количественных показателях несущественными (см.: *Migration and Skills in Armenia*, 2013, p. 54).

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время в армянском обществе превалирует восприятие угроз безопасности человека преимущественно в терминах стагнации процесса человеческого развития, незащищенности в рамках «свободы от нужд», тогда как ситуация со «свободой от страха» вызывает меньше опасений. Тем не менее в конечном счете нужда может перейти в страх.

Библиографический список

1. Объемы денежных переводов в 2005-2013 гг. (2014). Государственная миграционная служба Министерства территориального управления РА. Режим доступа: http://www.smsmta.am/?menu_id=52
2. Статистический ежегодник Армении, Занятость (2013). Режим доступа: <http://www.armstat.am/file/doc/99477298.pdf>
3. Статистический ежегодник Армении, Уровень жизни населения (2013). Режим доступа: <http://www.armstat.am/file/doc/99478608.pdf>
4. Acharya, A. (2001). Human Security: East versus West. *International journal*, 56 (3), 442-460.
5. Annan, K. (1999, Oct. 15). Human Security and Intervention. Individual Sovereignty. *Vital Speeches of the Day*, p. 5.
6. Atanesyan, A. (2014). Human security and securitization: the role of international media in accumulation of public expectations and public protest. *Digest of World Politics of the XXI Century, Annual Review*, 7, 527-542.
7. Buzan, B., Wæver, O. & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, Inc.

8. South Caucasus Countries (2014). Some findings from the CRRC 2013 data. April 18, Yerevan, CRRC Armenia, Retrieved from http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2013/CB2013_public%20presentation_English.pdf
9. Gasper, D. (2010). The Idea of Human Security. Retrieved from http://www.unhistory.org/reviews/Garnet_HumanSecurity.pdf
10. Human Development Report. (1994). United Nations, NY, UNDP.
11. Kaldor, M., Martin, M. & Selchow, S. (2008). Human Security: A European Strategic Narrative. Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/05172.pdf>
12. King, G. & Murray, Ch.J. L. (2001). Rethinking Human Security. *Political Science Quarterly*, 116 (4), 585-610.
13. Migration and Skills in Armenia (2013). Retrieved from http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/projects/Migration_and_skills_2011/Migration_and_skills_Armenia.pdf
14. Nikoghosyan, H. (2011). International Legal Status of Humanitarian Interventions. Retrieved from <http://ssrn.com/abstract=1940383> or doi:10.2139/ssrn.1940383
15. Nye, J. S. (2002). *The Paradox of American Power*. Oxford: Oxford University Press.
16. Paris, R. (2011). Human Security. In Ch. W. Hughes & L. Y. Meng (Eds.). *Security Studies: a Reader* (pp. 71-79). NY and London: Routledge.
17. Ramcharan, B. (2004). Human Rights and Human Security. Strengthening Disarmament and Security. *Disarmament Forum*, (1), 39-47.
18. Sahakyan, V. & Atanesyan, A. (2006). Democratization in Armenia: Some Trends of Political Culture and Behavior. *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet democracies*, 14 (3), 347-354.
19. Sotirovic, M. (2003). How Individuals Explain Social Problems: The Influences of Media Use. *Journal of Communication*, 53 (1), 122-137.
20. Statistical Annex (2013). Retrieved from http://www.armstat.am/file/article/poverty_2013e_7.pdf
21. Steiner, H., Alston, Ph. & Goodman R. (Eds.). (2008). *International Human Rights in Context: Law, Politics, Morals*. Oxford: Oxford University Press.
22. Zajadlo, J. (2005). Legality and Legitimization of Humanitarian Intervention. *The American Behavioral Scientist*, 48 (6), 653-670.

Статья поступила в редакцию 23.09.2014.

.....

«HUMAN SECURITY»: CONCEPTUAL APPROACHES AND LOCAL MEASUREMENTS (ON EXAMPLE OF ARMENIA)

A. V. Atanesyan

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Science (Political Science), Professor, Head of Applied Sociology Department, Yerevan State University, Yerevan, Armenia. E-mail: atanesyan@yandex.ru

Human Security is one of those broad terms brought about by the policy-making disputes over the need to create an explanation, or a universal basis for treating people and issues of human nature and with human participation in the context of respecting human rights and human dignity. Among numerous modern terms concerning security (a part of which is more political and populist than scientific) the term Human Security tends to have both of the

meanings – scientific one represented by a large number of modern publications devoted to its explanation and analysis since the early 1990th, and the political one, used in terms of political motivation, and/or justification to help people, to protect human rights, to stop violence, poverty, etc.

But, as it appears to be today, the content of the term could not be unbiased while having links to the more policy-directed and appropriately more biased brands of military conflict and war, intervention, terrorism, trafficking, etc.

The article is devoted to discussion of the currently used varieties of the term “Human security” within academic and political discourse, as well as applications of the term and its meanings to the various domestic issues, examined on case of the current situation in Armenia.

Kew words: human security, human development, security studies, securitization, institutes of political power, migration.

References

1. Ob#emy denezhnyh perevodov v 2005-2013 gg. (2014). Gosudarstvennaja migracionnaja sluzhba Ministerstva territorial'nogo upravlenija RA [Inflow of remittances in 2005-2013. State Migration Service of the Ministry of Territorial Administration, Republic of Armenia]. Retrieved from http://www.smsmta.am/?menu_id=52
2. Statisticheskij ezhegodnik Armenii, Zanjatost' (2013). [Statistical Yearbook of Armenia, Employment]. Retrieved from <http://www.armstat.am/file/doc/99477298.pdf>
3. Statisticheskij ezhegodnik Armenii, Uroven' zhizni (2013). [Statistical Yearbook of Armenia, Living conditions] Retrieved from <http://www.armstat.am/file/doc/99478608.pdf>
4. Acharya, A. (2001). Human Security: East versus West. *International journal*, Vol. 56, N. 3, Summer, pp. 442-460.
5. Annan, K. (1999, Oct. 15). Human Security and Intervention. Individual Sovereignty. *Vital Speeches of the Day*, p. 5.
6. Atanesyan, A. (2014). Human security and securitization: the role of international media in accumulation of public expectations and public protest. *Digest of World Politics of the XXI Century, Annual Review*, Volume 7, pp. 527-542. St. Petersburg, St. Petersburg State University, School of International Relations.
7. Buzan, B., Wæver, O. & de Wilde, J. (1998). *Security: A New Framework for Analysis*. London: Lynne Rienner Publishers, Inc.
8. South Caucasus Countries (2014). Some findings from the CRRC 2013 data. April 18, Yerevan, CRRC Armenia, Retrieved from http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/barometer/2013/CB2013_public%20presentation_English.pdf
9. Gasper, D. The Idea of Human Security. *Institute for Social Studies, The Hague, Garnet Working Paper*, N. 28/08, Retrieved from http://www.unhistory.org/reviews/Garnet_HumanSecurity.pdf
10. Human Development Report. (1994). United Nations, NY, UNDP.
11. Kaldor, M., Martin, M. and Selchow, S. (2008). Human Security: A European Strategic Narrative. *International Policy Analysis*, Friedrich Ebert Stiftung, Feb., Retrieved from <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/05172.pdf>
12. King, G. & Murray, Ch.J. L. (2001). Rethinking Human Security. *Political Science Quarterly*, Vol. 116, N. 4.

13. Migration and Skills in Armenia (2013). Results of the 2011/12 Migration Survey on the Relationship between Skills, Migration and Development. European Training Foundation, Retrieved from http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/projects/Migration_and_skills_2011/Migration_and_skills_Armenia.pdf
14. Nikoghosyan, H. (2011). International Legal Status of Humanitarian Interventions. May 7, Retrieved from <http://ssrn.com/abstract=1940383> or doi:10.2139/ssrn.1940383
15. Nye, J. S. (2002). *The Paradox of American Power*. Oxford: Oxford University Press.
16. Paris, R. (2011). Human Security. In Ch. W. Hughes & L. Y. Meng (Eds.). *Security Studies: a Reader* (pp. 71-79). NY and London: Routledge.
17. Ramcharan, B. (2004). Human Rights and Human Security. Strengthening Disarmament and Security. *Disarmament Forum*, N. 1, pp. 39-47.
18. Sahakyan, V., Atanesyan, A. (2006). Democratization in Armenia: Some Trends of Political Culture and Behavior. *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet democracies*. Washington DC, Vol. 14, No. 3, pp. 347-354.
19. Sotirovic, M. (2003). How Individuals Explain Social Problems: The Influences of Media Use. *Journal of Communication*, March 1, 53, 1, pp. 122-137.
20. Statistical Annex (2013). Режим доступа http://www.armstat.am/file/article/poverty_2013e_7.pdf
21. Steiner, H., Alston, Ph. & Goodman R. (Eds.). (2008). *International Human Rights in Context: Law, Politics, Morals*. Oxford: Oxford University Press.
22. Zajadlo J. (2005). Legality and Legitimization of Humanitarian Intervention. *The American Behavioral Scientist*, 48, 6.

СИСТЕМНАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ПРОБЛЕМА КОЛЛЕКТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ПОСТАНОВКА ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

.....

М. С. Нистоцкая¹

На протяжении последних нескольких десятилетий модель «принципал-агент» была основной теоретической базой для исследований причин и последствий коррупции и определила содержание антикоррупционных реформ во многих странах мира. Однако, оценив результаты этих реформ скорее как провал, чем успех, многие исследователи стали ставить под сомнение применимость теории «принципал-агент» к феномену коррупции. В статье рассматриваются основные положения новой, набирающей популярность теоретической трактовки коррупции как проблемы коллективного действия. Эта теория предполагает, что поведение людей зависит не от тщательности мониторинга и суровости наказания, установленного принципалом, а от того, что большинство людей думают о наиболее вероятных действиях других членов общества. Только тогда, когда подавляющее большинство полагает, что другие «не дают» и «не берут», новый низкорепутационный эквilibrium может быть достигнут. Утверждается, что для достижения такого переломного момента антикоррупционные реформы должны быть революционными по своему характеру и проведены в достаточно короткий срок. Новые направления исследований о коррупции, открывающиеся в свете теории коллективного действия, обсуждены кратко.

Ключевые слова: коррупция, модель принципал-агент, теория проблем коллективного действия.

Как мир борется с коррупцией

По мере роста понимания того, что коррупция — это все же не «смазочное вещество» торговли и экономического роста, а сугубо негативное социальное явление, борьба с коррупцией (по общепринятому определению понимаемая как злоупотребление служебным положением с целью личного обогащения) стала важнейшим пунктом политической повестки для многих стран и международных организаций. На протяжении последних 15 лет страны, пораженные масштабной коррупцией и в основной своей массе относящиеся к развивающимся регионам мира, инициировали антикоррупционные реформы, поддержанные международным сообществом. Хотя на уровне риторики много

¹ Нистоцкая Марина Сергеевна — Ph.D., сотрудник Института качества государства факультета политологии Гетеборгского университета, Швеция. Эл. почта: marina.nistotskaya@gu.se

говорилось об адаптации антикоррупционных реформ к специфическим условиям конкретных обществ, на практике наиболее частый подход к борьбе с коррупцией заключался в использовании стандартного набора рекомендаций, основанных на выводах исследований, применяющих теоретическую модель «принципал-агент» (ПА).

ПА-модель базируется на двух ключевых допущениях: 1) конфликте интересов между так называемыми принципалами, которые обычно рассматриваются как выразители общественного интереса, т.е. теми, кто заинтересован в минимизации коррупции, и агентами, которые склоняются к коррупционному поведению тогда, когда выгоды от такого поведения превосходят издержки; 2) информационной асимметрии, при которой агенты обладают более полным объемом информации, чем принципалы. Более того, принципалы делегируют выполнение определенных государственных функций агентам. Согласно ПА-теории, коррупция возникает тогда, когда агент, стремясь удовлетворить свои корыстные интересы, злоупотребляет властью и ресурсами, доверенными ему принципалом, тем самым предавая интересы принципала (Klitgaard, 1988; Rose-Askerman, 2004). Такое поведение агента возможно благодаря тому, что принципалы не владеют полной информацией о ходе исполнения делегированных полномочий.

Ответ на вопрос, кто принципал, а кто агент, зависит от специфического научного дискурса. Так, например, в классической литературе о чиновничьей коррупции политики рассматриваются как принципалы, а чиновники — как агенты (см., например, McCubbins, Noll & Weingast, 1987). В других источниках рассматриваются все должностные лица с государственными полномочиями — политики и чиновники — трактуются как агенты граждан-принципалов (см., например, Przeworski, Stokes & Manin, 1999). Вне зависимости от этих нюансов, исследователи, придерживающиеся ПА-модели, полагают, что проблема коррупции — это исключительно проблема агента, в то время как принципал — всегда сторонник борьбы с коррупцией. Однако, если сделать вполне правдоподобное допущение, что принципал также коррумпирован и интересы общества не являются его единственным побудительным мотивом, тогда вся аналитическая конструкция становится бесполезной, поскольку мы теряем актора, заинтересованного в отслеживании и наказании коррумпированного поведения. Кто будет отслеживать и наказывать коррумпированных агентов, если принципалы с принципами отсутствуют?

Практические рекомендации, вытекающие из теории «принципал-агент», заключаются в пресечении мотивации агентов вступать в коррупционные отношения: через снижение уровня свободы их действий (например, через детальные должностные регламенты); сокращение поля их деятельности (например, через дерегуляцию экономической деятельности); ограничение монополии агентов на исполнение государственных функций (например, через

приватизацию отдельных госуслуг и функций) и повышения подотчетности (accountability) во всей системе властных отношений (через децентрализацию власти, повышение прозрачности в процессе принятия решений, развитие независимой прессы и системы институтов общественного контроля). Эти рекомендации были транслированы многими международными организациями в качестве «целостной антикоррупционной стратегии», направленной «на устранение лазеек для коррупции» (UNDP, 2004, 9).

Отдавая должное тому, что все эти меры, безусловно, привлекли внимание к коррупции как проблеме экономического развития и уровня человеческого благосостояния, большинство обозревателей все же соглашались, что этот целостный антикоррупционный пакет реформ не принес желаемых результатов (Batory, 2012; Booth & Cammack, 2013; Della Porta & Vannucci, 2007; Karklins, 2005; Mungiu-Pippidi, 2006). Например, если посмотреть на тропическую Африку — самый коррумпированный регион мира, где антикоррупционная работа различных доноров была весьма активной — в большинстве стран региона создан правовой и институциональный каркас, который соответствует самым высоким антикоррупционным стандартам (Global Integrity, 2008). Однако реальность свидетельствует о другом: например, среднее значение индекса восприятия коррупции (Corruption Perception Index) в странах тропической Африки за 10 лет с начала наблюдений в 1998 г. изменилось в худшую сторону. Такая ситуация — удел не только развивающихся стран. По мнению Della Porta & Vannucci (2007), в Италии коррупция фактически достигла еще больших масштабов, чем она была до начала серии антикоррупционных реформ «Чистые руки» в 1990-е гг. Далеко не всем посткоммунистическим странам также удалось избавиться от системной коррупции (Batory, 2012).

Таким образом, антикоррупционные реформы не избавили от коррупции страны, пораженные этим недугом на системном уровне. Стандартные пакеты реформ, проведенные по рекомендациям международных организаций, на практике провалились. Они не только не улучшили ситуацию, но в некоторых случаях даже ухудшили ее, создав новые стимулы и возможности для коррупционного поведения. В чем же причина провала антикоррупционных реформ?

Почему антикоррупционные реформы провалились?

Ключевая причина провала антикоррупционных реформ, по мнению многих ученых и практиков, заключается в отсутствии политической воли, точнее, в отсутствии политических акторов, желающих принять на себя роль принципала и в этом качестве контролировать исполнение антикоррупционных законов. Хотя в большинстве стран мира борьба с коррупцией стала стандартным пунктом предвыборных обещаний и политические деятели неизменно заявляют о себе как о «принципалах с принципами», коррупция остается неизменным атрибутом внутривнутриполитического ландшафта многих стран мира (Bågenholm,

2013; Mingiu-Pippidi, 2006; Persson, Rothstein & Teorell, 2013). То есть на практике поведение политиков далеко от действий идеального принципала, который систематически отслеживает и наказывает коррупцию. Некоторые исследователи вообще полагают, что в силу своего структурного положения в процессе производства публичных благ (Miller & Hammond, 1994) политические элиты — самые большие бенефициары коррупционной системы, поэтому они не имеют стимулов для ее изменения (Johnston, 2005).

Граждане также далеки от идеального принципала, описанного в теоретических моделях. Вопреки предсказаниям теории демократии, электоральные издержки для коррумпированных политиков невысоки. Эмпирические исследования показывают высокий процент переизбрания коррумпированных политиков не только в становящихся демократиях, но и в полностью консолидированных демократических режимах (Bågenholm, 2013; Chang, Golden, Hill, 2010; Costas-Perez, Solé-Ollé, Sorribas-Navarro, 2012; Welch, Hibbing, 1997). Кроме того, количество заявлений граждан о фактах коррупции в странах с системной коррупцией остается крайне низким (Kpundeh, 2004), что также свидетельствует о том, что, вопреки ожиданиям, вытекаемым из ПА-модели, граждане редко используют доступные им каналы контроля коррупции.

Одним словом, реальные политики и граждане далеки от тех принципов с принципами, описанных в популярной теоретической модели. И поскольку успешная реализация антикоррупционных реформ, выполненных по шаблону ПА-модели, напрямую зависит от существования таких акторов, провал антикоррупционных реформ не является таким уж большим сюрпризом (Persson et al., 2013).

Для успешной борьбы с коррупцией необходимо понять мотивы, по которым люди продолжают быть частью коррупционных отношений. До недавнего времени в литературе доминировал подход, согласно которому основной мотив — это культурные нормы: то, что в одних странах понимается как взятка, в других воспринимается как подарок (Hasty, 2005; Rose-Ackerman, 1999). Однако новейшие исследования, базирующиеся на эмпирическом материале из стран Африки (Persson et al., 2013), регионов Европы (Charron, Lapuente & Rothstein, 2013), Индии (Widmalm, 2008) и доиндустриальных обществ (Rothstein & Torsello, 2014), показывают, что этические стандарты в отношении того, что должно пониматься как коррупция, не различаются в странах с разным уровнем коррупции. Несмотря на такое универсальное осуждение коррупции гражданами, типичный гражданин страны с системной коррупцией обычно воздерживается от активной борьбы с ней. Этот эмпирический парадокс дал толчок новой теоретической интерпретации проблемы коррупции, основой которой послужила новаторская работа исследователей из Института качества управления, Гетеборгского университета (Persson et al., 2013).

Коррупция как проблема коллективного действия

Новый теоретический подход к коррупции как к проблеме коллективного действия ставит под сомнение одно из основополагающих допущений ПА-модели — существование бенеvolentного принципала (политика или гражданина), озабоченного проблемой коллективного блага, который работает на искоренение коррупции. Теория коллективного действия гласит: в отсутствие такого социального актора поведение людей зависит от того, что они думают о наиболее вероятных действиях других членов общества в сходных ситуациях. В формулировке Fehr & Fischbacher (2005: 259): «если люди считают, что уход от налогов, коррупция и злоупотребления в сфере социального обеспечения широко распространены, они сами, скорее всего, станут ловчить с налогами, брать взятки, или злоупотреблять услугами организаций социального обеспечения». Соответственно, в отношении коррупции, выбор между вступлением в коррупционные отношения или отказом от них в решающей степени зависит от ожидаемого количества людей, готовых вступить в коррумпированный обмен. Именно это, кстати, объясняет сильные статистические связи между уровнем доверия в обществе (*generalised trust*) и коррупцией, продемонстрированные в многочисленных исследованиях (Rothstein & Uslander, 2005).

Когда коррупция — ожидаемое явление, люди действуют по принципу: «Если все коррумпированы, почему я должен оставаться «чистым»?» (Myrdal, 1968, 409). При таких условиях наладка механизмов мониторинга и наказания коррумпированных должностных лиц (по рецептам ПА-модели) крайне неэффективна (Persson et al., 2013, 457). Как пишет в одной из своих более поздних публикаций один из самых авторитетных сторонников ПА-модели в коррупции Роберт Клитгаард (Klitgaard, 2006, 300), «призывы к более совершенным агентам, более изощренным стимулам, улучшенной информации, расширению конкурентоспособности, снижению уровня свободы действий для должностных лиц и повышению экономической и социальной цены (за коррумпированное поведение — МН) — это все, конечно, хорошо. Но кто будет ко всему этому прислушиваться? Кто будет действовать?» В ситуации когда «все берут и дают» невозможно найти истинного принципала, а те, кого «назначили» принципалами (как, например, многочисленные антикоррупционные комитеты и комиссии), неизбежно выполняют свои обязанности неэффективно. Кроме того, даже те люди, для которых коррупция — морально неприемлемое явление, становятся ее участниками, потому что они просто не видят смысла или не могут себе позволить вступить в борьбу с системой (Della Porta & Vannucci, 1999; Karklins, 2005). Другими словами, коррупция в таких обстоятельствах является самонастраивающимся равновесием (Aidt, 2003).

Понимание системной коррупции как проблемы коллективного действия имеет важные последствия для стратегии антикоррупционных реформ. С этой точки зрения самое важное — изменить убеждения людей относительно

того, как другие люди себя ведут, когда дело касается коррупции. Только когда большинство людей будет полагать, что большинство других людей воздерживаются от коррупции, она будет побеждена как системное явление. Чтоб обеспечить низкор腐ruptionное равновесие, нужно достичь определенного переломного момента с точки зрения количества людей, не верящих в тотальную коррупцию. Это указывает на то, что поэтапный подход к антикоррупционным реформам вряд ли будет эффективен, требуется что-то, подобное «большому взрыву».

«Большой взрыв»

На основании накопленных знаний о различных разновидностях проблемы коллективного действия исследователи полагают, что успешная борьба с коррупцией требует революционных изменений (Diamond, 2007; Rothstein, 2011). Так, например, Лари Даймонд (2007, 119) пишет: «Системная коррупция не является изъяном, который можно скорректировать с помощью технического решения или политического толчка. Это положение вещей, при котором система работает, и оно глубоко укоренено в нормах и ожиданиях политической и общественной жизни. Снижение системной коррупции до менее деструктивных уровней и удержание ее там требуют революционных институциональных изменений».

Эмпирические исследования успешных переходов от системной коррупции к значительно менее коррумпированным системам в Швеции, Дании, а также Гонконге и Сингапуре подтверждают, что эти переходы включали в себя широкомасштабные экономические, политические и социальные реформы (Frisk Jensen, 2014; Root, 1996; Rothstein, 2011). Например, если еще в начале XIX в. Швеция была страной с системной коррупцией (Heckscher, 1952), то к концу века ситуация изменилась коренным образом. В период между 1840 и 1875 г. в Швеции было проведено более 20 масштабных реформ практически во всех сферах политической и общественной жизни, включая парламент, среднее и высшее образование, религию, гражданское, коммерческое и уголовное право, средства массовой информации (Rothstein, 2011, 243-244). Временные рамки шведского прецедента примерно совпадают с периодом перехода от системы «закрытого доступа» к системе «открытого доступа», которая, среди всего прочего, характеризуется низкой коррупцией. Например, по оценке North, Wallis & Weingast (2009, 27), Великобритания, Франция и США прошли путь от «закрытого» до «открытого доступа» примерно за 50 лет. Для Дании путь на вершину мирового рейтинга стран, свободных от коррупции, занял примерно 90 лет (Frisk Jensen, 2014).

По замечанию одного из ведущих исследователей в области коррупции Бу Роштейна, во всех этих странах борьба со взяточничеством в государственном аппарате была только малой частью повестки реформаторов (Rothstein, 2011,

245). Реформы затронули все основные политические и общественные «правила игры», цель которых сегодня понимается как искоренение фаворитизма и партикуляризма и утверждение беспристрастности и других универсальных норм в осуществлении государственной власти, особенно в сфере исполнения законов (Rothstein, 2011; Rothstein & Teorell, 2008). В итоге этот косвенный подход к искоренению коррупции коренным образом изменил не только формальные институты, но, что более важно, и ожидания большинства людей сначала в отношении поведения государства (Rothstein, 2000), а потом и членов общества. Когда «переломный момент» (большинство членов сообщества полагают, что большинство других людей воздерживаются от дачи/получения взяток и фаворитизма всех сортов) достигнут, коррупция как системное явление перестает существовать. Насколько сложно этого добиться, демонстрирует тот факт, что количество стран, живущих в состоянии системной коррупции, в разы превосходит количество стран, вышедших на новое качество социального равновесия.

Заключение

Системная коррупция, рассматриваемая с точки зрения теории коллективного действия, обнаруживает радикально иные характеристики, нежели те, которые были выявлены через призму теории «принципал-агент». Соответственно и борьба с недугом системной коррупции требует совершенно иного «курса лечения», чем предписан ПА-моделью.

В сообществах, где «все берут и дают», нет принципиальных принципалов, описанных ПА-моделями, поэтому набор инструментов для преодоления коррупции, выработанный в рамках ПА-подхода, а именно тщательный мониторинг поведения должностных лиц и суровые наказания, крайне неэффективны. Ситуация усугубляется тем, что даже те люди, для которых коррупция — морально неприемлемое явление, становятся ее участниками, потому что они просто не видят смысла поступать иначе, когда «все другие дают» и/или берут».

Видение коррупции как проблемы коллективного действия предполагает, что самое важное — это изменить ожидания людей относительно поведения «других». С чего же начать? С изменения ли моральных стандартов, как призывает один из корифеев современных коррупционных исследований Алина Мунгиу-Пиппиди (Mungiu-Pippidi, 2013)? С мотивации ключевых политических игроков, как предлагают Бусыгина и М. Филиппов (Бусыгина, Филиппов, 2013)? Или с развития организаций взаимопомощи по узкому кругу вопросов (Booth, Sammak, 2013)? А почему не с реформы судов? Или с развития гражданского общества, или свободы средств массовой информации?

Сторонники подхода «большого взрыва» полагают, что задача изменения общественных ожиданий полицентрична, поэтому ставка на реформирование

каких-то отдельных политических или общественных институтов, которые могут внести критический вклад в такое изменение, неправильна. Задача требует революционного подхода: масштабных политических, экономических и общественных реформ за сравнительно короткое время. Кроме того, реформы, нацеленные только на типичные места коррупционного обмена (строгая формализация системы государственных закупок или кампания по искоренению взяточничества в системе здравоохранения), имеют мало шансов убедить необходимую критическую массу людей, что «все» перестали «брать и давать». Если «критическая масса» не будет достигнута, то скорее всего даже какие-то частичные успехи, которые были достигнуты в деле борьбы с коррупцией, будут со временем утрачены.

Таким образом, видение коррупции как проблемы коллективного действия, указывает на то, что косвенный (не нацеленный непосредственно на коррупцию) революционный подход — самый многообещающий для решения проблемы коррупции. Однако до настоящего времени вопрос, при каких условиях такие революционные изменения могут быть достигнуты, остается открытым, и литература в области коррупции нуждается в новых эмпирических изысканиях о причинах удачных и неудачных переходов к низкор腐уционным равновесиям.

Библиографический список

1. Бусыгина, И. М., Филиппов, М. Г. (2013). «Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивации?» *Полис: Политические исследования*, 1, 50-71.
2. Aidt, T. (2003). Economic analysis of corruption: a survey. *The Economic Journal*, 113 (491), 632-652.
3. Bågenholm, A. (2013). Throwing the rascals out? The electoral effects of corruption allegations and corruption scandals in Europe 1983-2007. *Crime Law and Social Change*, 60, 595-609.
4. Batory, A. (2012). Why do anti-corruption laws fail in Central and Eastern Europe: a target compliance perspective. *Regulation and Governance*, 6 (1), 66-82.
5. Booth, D. & Cammack D. (2013) *Governance for development in Africa: solving Collective action problems*. London: Zed Books.
6. Chang, E. C., Golden, M. A., & Hill S.J. (2010). Legislative malfeasance and political accountability. *World Politics*, 62, 177-220.
7. Charron, N., Lapuente, V. & Rothstein, B. (2013). *Quality of government and corruption from a European perspective: a comparative study of good government in EU regions*. Cheltenham: Edward Elgar.
8. Costas-Pérez, E., Solé-Ollé, A. & Sorribas-Navarro, P. (2012). Corruption scandals, voter information, and accountability. *European Journal of Political Economy*, 28, 469-484.
9. Della Porta, D. & Vannucci, A. (2007). Corruption and anti-corruption: the political defeat of "Clean Hands" in Italy. *West European Politics*, 30 (4), 830-853.

10. Della Porta, D. & Vannucci, A. (1999). *Corrupt exchanges: actors, resources and mechanisms of political corruption*. New York: Aldine de Gruyter.
11. Diamond, L. (2007). A quarter century of promoting democracy. *Journal of Democracy*, 18 (4), 118-120.
12. Fehr, E. & Fischbacher, U. (2005). The economics of strong reciprocity. In H. Gintis, S. Bowles, R. Boyd and E. Fehr (eds.) *Moral sentiments and material interests: the foundations of cooperation in economic life* (pp. 151-192). Cambridge, MA: MIT Press.
13. Przeworski, A., Stokes, S. C. & Manin, B. (1999). *Democracy accountability and representation*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Frisk Jensen, M. (2014). Getting to Denmark — the process of state-building, establishing rule of law and fighting corruption in Denmark 1660-1900. Retrieved from http://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1484/1484489_2014_06_frisk-jensen.pdf
15. Global Integrity. (2008). *Global integrity Report 2008*. Washington D. C.: Global Integrity.
16. Hasty, J. (2005). The pleasure of corruption: desire and discipline in Ghanaian political culture. *Cultural Anthropology*, 20 (2), 271-301.
17. Heckscher, G. (1952). *Svensk statsförvaltning i arbete*. Stockholm: SNS Förlag.
18. Johnston, M. (2005). *Syndromes of corruption: wealth, power, and democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Karklins, R. (2005). *The system made me do it: corruption in post-communist societies*. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
20. Klitgaard, R. (2006). Subverting corruption. *Global Crime*, 7 (3–4), 299-307.
21. Klitgaard, R. (1988). *Controlling corruption*. Berkeley: University of California Press.
22. Kpundeh, S. J. (2004). *Building state capacity in Africa*. Washington D. C.: World Bank Publications.
23. McCubbins, M., Noll R. G. & Weingast, B. (1987). Administrative procedures as instruments of political control. *Journal of Law, Economics and Organizations*, 3 (2), 243-277.
24. Miller, G. & Hammond, T. (1994). Why politics is more fundamental than economics: incentive-compatible mechanisms are not credible. *Journal of Theoretical Politics*, 6 (1), 5-26.
25. Mungiu-Pippidi, A. (2013). Controlling corruption through collective action. *Journal of Democracy*, 24 (1), 101-115.
26. Mungiu-Pippidi, A. (2006). Corruption: diagnoses and treatment. *Journal of Democracy*, 17 (3), 86-99.
27. Myrdal, G. (1968). *Asia drama: an inquiry into the poverty of nations*. London: Allen Lane.
28. North, D. C., Wallis, J. & Weingast, B. (2009). *Violence and social order: a conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York: Cambridge University Press.
29. Persson, A., Rothstein, B. & Teorell, J. (2012). Why anti-corruption reforms fail: systemic corruption as a collective action problem. *Governance*, 26 (3), 449-471.
30. Root, H. R. (1996). *Small countries, big lessons: governance and rise of East Asia*. Hong Kong: Oxford University Press.

31. Rose-Ackerman, S. (2004). Governance and corruption. In B. Lomborg (ed.). *Global crises, global solutions* (pp. 301-344). Cambridge: Cambridge University Press.
32. Rose-Ackerman, S. (1999). *Corruption and government: causes, consequences, and reform*. New York: Cambridge University Press.
33. Rothstein, B. & Torsello, D. (2014). Bribery in preindustrial societies: understanding the universalism-particularism puzzle. *Journal of Anthropological Research*, 70 (2), 263-284.
34. Rothstein, B. (2011). Anti-corruption: the indirect "big bang" approach. *Review of International Political Economy*, 18 (2), 228-250.
35. Rothstein, B. & Teorell, J. (2008). What is quality of government: a theory of impartial political institutions. *Governance*, 21 (2), 165-190.
36. Rothstein, B. & Uslaner, E. M. (2005). All for all: equality, corruption and social trust. *World Politics*, 58 (1), 41-72.
37. Rothstein, B. (2000). Trust, social dilemmas and collective memories. *Journal of Theoretical Politics*, 12 (4), 477-501.
38. United Nations Development Program (UNDP). (2004). *Anti-corruption practice note*. New York: UNDP.
39. Welch, S. & Hibbing, J. R. (1997). The effects of charges of corruption on voting behavior in congressional elections 1982-1990. *The Journal of Politics*, 59, 226-239.
40. Widmalm, S. (2008). *Decentralisation, corruption and social capital: from India to the West*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications.

Статья поступила в редакцию 15.09.2014.

.....

SYSTEMIC CORRUPTION AS A PROBLEM OF COLLECTIVE ACTION: A LITERATURE REVIEW AND RESEARCH AGENDA

M. S. Nistotskaya

Marina S. Nistotskaya, Ph.D., Research Fellow The Quality of Government Institut Department of Political Science University of Gothenburg, Sweden. E-mail: marina.nistotskaya@gu.se

Over the last several decades the principal-agent (PA) theory has dominated the research on causes and consequences of corruption and informed much of the content of anti-corruption reforms in countries around the world. However, with almost universal evaluation of those reforms as rather a failure than a success, researchers began to question the applicability of the principal-agent theory to the phenomenon of corruption. The article discusses the tenets of the emerging theoretical characterization of corruption as a collective action problem. Specifically, the new theory suggests that people's behavior depends not on the extent of the monitoring and severity of the punishment set up by the principal, but what most people think about the most likely behavior of other members of the society when it comes to corruption practices. Only when the overwhelming majority of citizens hold that others do not give and accept bribes, a new low-corruption equilibrium is achieved. It is argued that in order to achieve such a "tipping point", anti-corruption reforms must be revolutionary in their character and conducted within a relatively short period of time. New research avenues opened up by the collective action theory of corruption are briefly discussed.

Key words: corruption, principal-agent model, theory of collective action problem.

References

1. Busygina, I. M. & Filippov M. G. (2013). To curb corruption: find new people or change incentives? (in Russian), *Polis: Political Studies*, (1), 50-71.
2. Aidt, T. (2003). Economic analysis of corruption: a survey. *The Economic Journal*, 113 (491), 632-652.
3. Bågenholm, A. (2013). Throwing the rascals out? The electoral effects of corruption allegations and corruption scandals in Europe 1983-2007. *Crime Law and Social Change*, 60, 595-609.
4. Batory, A. (2012). Why do anti-corruption laws fail in Central and Eastern Europe: a target compliance perspective. *Regulation and Governance*, 6 (1), 66-82.
5. Booth, D. & Cammack D. (2013) *Governance for development in Africa: solving Collective action problems*. London: Zed Books.
6. Chang, E. C., Golden, M. A., & Hill S.J. (2010). Legislative malfeasance and political accountability. *World Politics*, 62, 177-220.
7. Charron, N., Lapuente, V. & Rothstein, B. (2013). *Quality of government and corruption from a European perspective: a comparative study of good government in EU regions*. Cheltenham: Edward Elgar.
8. Costas-Pérez, E., Solé-Ollé, A. & Sorribas-Navarro, P. (2012). Corruption scandals, voter information, and accountability. *European Journal of Political Economy*, 28, 469-484.
9. Della Porta, D. & Vannucci, A. (2007). Corruption and anti-corruption: the political defeat of "Clean Hands" in Italy. *West European Politics*, 30 (4), 830-853.
10. Della Porta, D. & Vannucci, A. (1999). *Corrupt exchanges: actors, resources and mechanisms of political corruption*. New York: Aldine de Gruyter.
11. Diamond, L. (2007). A quarter century of promoting democracy. *Journal of Democracy*, 18 (4), 118-120.
12. Fehr, E. & Fischbacher, U. (2005). The economics of strong reciprocity. In H. Gintis, S. Bowles, R. Boyd and E. Fehr (eds.) *Moral sentiments and material interests: the foundations of cooperation in economic life* (pp. 151-192). Cambridge, MA: MIT Press.
13. Przeworski, A., Stokes, S. C. & Manin, B. (1999). *Democracy accountability and representation*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Frisk Jensen, M. (2014). Getting to Denmark — the process of state-building, establishing rule of law and fighting corruption in Denmark 1660-1900. Retrieved from http://www.qog.pol.gu.se/digitalAssets/1484/1484489_2014_06_frisk-jensen.pdf
15. Global Integrity. (2008). *Global integrity Report 2008*. Washington D. C.: Global Integrity.
16. Hasty, J. (2005). The pleasure of corruption: desire and discipline in Ghanaian political culture. *Cultural Anthropology*, 20 (2), 271-301.
17. Heckscher, G. (1952). *Svensk statsförvaltning i arbete*. Stockholm: SNS Förlag.
18. Johnston, M. (2005). *Syndromes of corruption: wealth, power, and democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Karklins, R. (2005). *The system made me do it: corruption in post-communist societies*. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
20. Klitgaard, R. (2006). Subverting corruption. *Global Crime*, 7 (3-4), 299-307.
21. Klitgaard, R. (1988). *Controlling corruption*. Berkeley: University of California Press.

22. Kpundeh, S. J. (2004). *Building state capacity in Africa*. Washington D. C.: World Bank Publications.
23. McCubbins, M., Noll R.G. & Weingast, B. (1987). Administrative procedures as instruments of political control. *Journal of Law, Economics and Organizations*, 3 (2), 243-277.
24. Miller, G. & Hammond, T. (1994). Why politics is more fundamental than economics: incentive-compatible mechanisms are not credible. *Journal of Theoretical Politics*, 6 (1), 5-26.
25. Mungiu-Pippidi, A. (2013). Controlling corruption through collective action. *Journal of Democracy*, 24 (1), 101-115.
26. Mungiu-Pippidi, A. (2006). Corruption: diagnoses and treatment. *Journal of Democracy*, 17 (3), 86-99.
27. Myrdal, G. (1968). *Asia drama: an inquiry into the poverty of nations*. London: Allen Lane.
28. North, D. C., Wallis, J. & Weingast, B. (2009). *Violence and social order: a conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York: Cambridge University Press.
29. Persson, A., Rothstein, B. & Teorell, J. (2012). Why anti-corruption reforms fail: systemic corruption as a collective action problem. *Governance*, 26 (3), 449-471.
30. Root, H. R. (1996). *Small countries, big lessons: governance and rise of East Asia*. Hong Kong: Oxford University Press.
31. Rose-Ackerman, S. (2004). Governance and corruption. In B. Lomborg (ed.). *Global crises, global solutions* (pp. 301-344). Cambridge: Cambridge University Press.
32. Rose-Ackerman, S. (1999). *Corruption and government: causes, consequences, and reform*. New York: Cambridge University Press.
33. Rothstein, B. & Torsello, D. (2014). Bribery in preindustrial societies: understanding the universalism-particularism puzzle. *Journal of Anthropological Research*, 70 (2), 263-284.
34. Rothstein, B. (2011). Anti-corruption: the indirect "big bang" approach. *Review of International Political Economy*, 18 (2), 228-250.
35. Rothstein, B. & Teorell, J. (2008). What is quality of government: a theory of impartial political institutions. *Governance*, 21 (2), 165-190.
36. Rothstein, B. & Uslaner, E. M. (2005). All for all: equality, corruption and social trust. *World Politics*, 58 (1), 41-72.
37. Rothstein, B. (2000). Trust, social dilemmas and collective memories. *Journal of Theoretical Politics*, 12 (4), 477-501.
38. United Nations Development Program (UNDP). (2004). *Anti-corruption practice note*. New York: UNDP.
39. Welch, S. & Hibbing, J. R. (1997). The effects of charges of corruption on voting behavior in congressional elections 1982-1990. *The Journal of Politics*, 59, 226-239.
40. Widmalm, S. (2008). *Decentralisation, corruption and social capital: from India to the West*. Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ОБЛАСТНЫМИ ЦЕНТРАМИ В УСЛОВИЯХ МУНИЦИПАЛЬНОЙ РЕФОРМЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РЕГИОНА)

.....

В. Б. Слатинов, К. Г. Меркулова¹

В статье на основе методов неoinституционального анализа исследованы особенности институциональной трансформации систем городского управления региональными столицами областей Центрального Черноземья России. Установлено, что реформирование местного самоуправления, осуществляемое в рамках реализации Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», принятого в 2003 г., предполагало осуществление институционального выбора между тремя вариантами организации местной власти в городах. Указанный институциональный выбор определялся различными факторами, включая влияние федеральных политических процессов, характер регионального политического режима, интересы, идеологические предпочтения и стратегии региональных и локальных игроков. В результате в различных региональных центрах Черноземья сформировалось два варианта организации системы управления — с сильным мэром, избираемым на муниципальных выборах и возглавляющим местную администрацию, и с сити-менеджером — главой администрации, нанятым избранными на выборах депутатами представительного органа города. При этом модель с сити-менеджером более адекватно вписывается в процессы централизации политической власти в стране, а также служит важным институциональным инструментом усиления политического контроля за деятельностью местной власти со стороны исполнительных структур регионов и губернаторов. Отмечено, что доминирующим трендом политических изменений на федеральном, региональном и местном уровнях в настоящий момент является углубление политического контроля вышестоящих уровней властной иерархии над нижестоящими, включая расширение полномочий региональных органов власти по формированию институционального дизайна и определению объема полномочий органов местного самоуправления в рамках, установленных федеральным законодателем.

Ключевые слова: местное самоуправление, политический режим, институты, муниципальная автономия, политический контроль.

¹ Слатинов Владимир Борисович — доктор политических наук, доцент, директор Центра «Высшая школа регионального управления» Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Эл. почта: slatinov@yandex.ru.

Меркулова Ксения Геннадьевна — соискатель кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета. Эл. почта: kseniia.merkulova@gmail.com.

В 2014 г. законодательство о местном самоуправлении в стране подверглось глубокой корректировке. Последняя объяснялась ее авторами тем, что десятилетнее применение принятого в 2003 г. Федерального закона № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (далее — Закон № 131-ФЗ) сформировало соответствующий опыт функционирования местной власти и создало необходимые условия для внесения существенных изменений в территориальную и структурную организацию муниципалитетов с целью приближения их деятельности к интересам населения. О необходимости подобных изменений заявил Президент РФ в очередном Послании Федеральному Собранию в декабре 2013 г. [Послание Президента, 2013] — с этого момента внесение соответствующих изменений в институциональный дизайн местного самоуправления стало вопросом времени. Весной 2014 г. поправки в Закон № 131-ФЗ, существенным образом трансформирующие территориальную организацию и порядок наделения полномочиями муниципалитетов, а также структурное построение их органов власти, были приняты.

В настоящий момент в регионах идет активная работа по адаптации законодательных новелл к сложившейся практике организации местной власти. Говорить об институциональных эффектах принятых нормативных изменений преждевременно, однако, прогнозируя их, критически важно оценить последствия уже произведенной коренной институциональной трансформации местного самоуправления в течение десяти лет применения Закона № 131-ФЗ — с 2003 по 2013 г. В данной статье мы остановимся на институциональных эффектах реализованных в последнее десятилетие преобразований систем управления областными центрами. Именно они, по мнению экспертов, располагают в постсоветской России максимальным ресурсным потенциалом для создания муниципальной автономии [Автономия или контроль..., с. 31], рассматриваемой как критически важное условие для формирования полноценных практик местного самоуправления [Goldsmith, 1990, pp. 15-35]. За этим стоит фундаментальное для России и ее регионов противостояние модернизационных центров, в роли которых выступают в первую очередь крупные города и их агломерации, и остальных периферийных и полупериферийных зон [Ioffe, pp. 31-79]. Далее будут проанализированы последствия изменений в системах муниципального управления областных столиц регионов Центрального Черноземья.

Условия и факторы институционального выбора моделей управления областными центрами регионов Черноземья: сравнение случаев

Глубокие институциональные изменения, вызванные реализацией принятого в 2003 г. Закона № 131-ФЗ, непосредственным образом затронули структурную организацию муниципальных органов власти. В ряду наиболее значимых инноваций, предложенных законом, следует выделить ограниченную

вариативность моделей организации муниципальной власти в муниципалитетах, представленную в виде трех позиций. В рамках первой позиции (модели) должности главы муниципалитета и главы местной администрации совмещались, при этом его избрание осуществлялось на выборах наряду с избранием представительного органа муниципального образования (сильный мэр). Во второй модели на всеобщих муниципальных выборах избирался только представительный орган муниципального образования, который, в свою очередь, избирал из своего состава председателя, наделяемого одновременно полномочиями главы муниципалитета, а глава администрации (сити-менеджер) нанимался представительным органом после проведения конкурса, где в составе конкурсной комиссии (формируемой представительным органом) одна треть принадлежала представителям государственной власти субъекта РФ. Наконец, третья позиция (модель) в целом была сходна со второй (в части найма сити-менеджера), но отличалась тем, что глава муниципального образования, возглавляющий представительный орган, избирался населением на выборах.

Подобный набор вариантов в Законе № 131-ФЗ, предложенный законодателем, отражал несколько целей федерального центра, запустившего в 2003 г. масштабную муниципальную реформу. Как отмечают эксперты, сама идея Закона № 131-ФЗ отражала стремление к бюрократической рационализации местного самоуправления [Гельман, 2001, с. 78], поскольку предыдущий федеральный закон 1995 г. содержал немало расплывчатых формулировок, способствующих «расползанию» институциональных форм осуществления местной власти в стране, начиная с моделей ее территориальной организации и заканчивая полномочиями и предметами ведения муниципалитетов. В этом смысле Закон № 131-ФЗ вносил определенную упорядоченность в значительную часть вопросов организации и функционирования местного самоуправления.

Еще одним важным обстоятельством стала встроенность муниципальной реформы в процессы рецентрализации и «вертикализации» российского политического пространства, повлекших за собой существенную трансформацию региональных и локальных (городских) режимов политико-экономического управления (governance). В этом отношении определяющее влияние на формирование моделей городского управления оказала отмена выборности губернаторов и переход к их «наделению полномочий» по предложению Президента РФ, а также радикальное сокращение численности политических партий и последовательное сужение политической конкуренции на федеральном, региональном и местном уровнях.

Городские системы политико-экономического управления (локальные режимы) формируются и функционируют под воздействием следующих факторов: 1) внешних по отношению к локальным режимам структурных характеристик (географическое положение, ресурсы, социально-экономическая структура, общий контекст развития страны и глобальной экономики); 2) политиче-

ских возможностей, задающих политическую и институциональную среду для локальных режимов и стимулы-ограничения для их акторов; 3) механизмов политико-экономического управления, осуществляемого на вышестоящих уровнях посредством политического курса [Stone, 1989]. В свою очередь, результаты деятельности городских систем политико-экономического управления (локальных режимов) возникают как следствие взаимодействия акторов в рамках, задаваемых локальными институтами (формальными и неформальными). Эти результаты проявляются на трех взаимосвязанных аренах локального уровня — политической власти (local politics), политических курсов (local policies) и политико-экономического управления (local governance) [Гельман, Рыженков, 2010, с. 132-133].

Выбор формальной структурной модели организации муниципальной власти в городских округах в рамках предложенных Законом № 131-ФЗ вариантов, представлял собой важный элемент институциональной трансформации локальных режимов, поэтому испытывал активное влияние трех обозначенных выше факторов. Определяющими стали политические возможности и тренды, формируемые на федеральном уровне, сочетающиеся с трансформацией региональных режимов (отмена губернаторских выборов, внутрирегиональная «вертикализация», угасание политической конкуренции как продолжение федеральных трендов, широкое привлечение на губернаторские посты «варягов»), а также расстановка сил акторов на локальном уровне.

Относительно последней следует особо отметить, что экономический рост 2000-2008 гг. качественно трансформировал мотивации локальных акторов. В административных центрах регионов сформировались «режимы роста и развития», которые подкреплялись бумом в сферах строительства, розничной торговли, сервиса, инфраструктуры (отчасти) и связанных с ними секторах экономики. Указанные процессы повлияли на характер локального политико-экономического управления, которое столкнулось с проблемами, отчасти сходными с некогда стоявшими в повестке дня городских режимов американских и европейских городов [Гельман, Рыженков, 2010, с. 135]. В частности, наблюдалось повышение абсолютной и относительной ценности земли и недвижимости как ресурсов развития, а также усиление влияния бизнеса (местного, регионального, реже — федерального) на процессы принятия решений в сфере городского управления. Последнее обстоятельство особенно ярко проявилось через массовое участие представителей бизнес-сообщества в выборах в представительные органы городов и вытеснение ими оттуда представителей интеллигенции.

Трансформация общероссийского политического режима в модель «навязанного консенсуса в условиях экономического роста», основанного на притоке капитала с сырьевых рынков и внутреннем спросе [Рогов, 2009, с. 21] на локальном уровне способствовала формированию «коалиций роста» [Гельман,

Рыженков, 2010, с. 134], когда издержки оппортунистического поведения для большинства бизнес-игроков (например, политическое оппонирование региональной и местной власти) были выше встраивания в «вертикаль» и «партию власти». Таким образом, формировались условия, когда резкое снижение политической конкуренции на региональном и муниципальном уровне «компенсировалось» для заинтересованных игроков участием в «партии власти», превратившейся в механизм сопряжения интересов различных заинтересованных групп, включая представителей публичной власти и основных экономических игроков. В тех регионах, где управляемость политического пространства достигла особенно высокой величины, под контроль исполнительной власти попадали и отделения оппозиционных политических партий; в этом смысле вхождение региональных или местных бизнес-игроков в оппозиционные структуры также санкционировалось, то есть участие в оппозиции не исключало их из «коалиций роста».

В этих условиях наиболее предпочтительным вариантом функционирования органов местного самоуправления в административных центрах субъектов РФ становится модель с нанимаемым сити-менеджером (главой администрации) и избранным из состава представительного органа главой муниципального образования. Указанная модель позволяет решить сразу несколько обозначившихся в процессе рецентрализации и политической «вертикализации» ключевых проблем. Во-первых, избежать «конфликта легитимностей», поскольку после отмены губернаторских выборов наличие в административном центре субъекта РФ руководителя, получившего мандат на всенародных выборах, делало его более легитимным, нежели главу субъекта РФ. Во-вторых, логика «вертикализации» требовала встраивания глав администраций городов в новую управленческую конструкцию, а найм сити-менеджера представительным органом муниципалитета представлял собой именно такой механизм интеграции. В-третьих, появление на должности сити-менеджера согласованного кандидата большинства городского представительного органа и областной исполнительной власти (чаще даже — прямого представителя исполнительной власти региона, одобренного депутатами) позволяло перевести политико-управленческую коммуникацию руководства областных центров и региональных властей в русло активных неформальных контактов по решению проблем использования городских активов и иных ресурсов столицы региона, а также бюджетных ресурсов субъекта РФ, идущих на поддержку бюджета региональной столицы. В целом можно согласиться, что внедрение указанной модели организации муниципальной власти, рекомендованной для уровня городских округов и муниципальных районов на совещании губернаторов Центрального федерального округа в 2008 г. в Курске [Вишневская, 2008], отвечало политической логике «бюрократического упрощения» местного самоуправления [Кынев, 2010] в рамках федеральной политики, начиная с середины 2000-х гг.

Осуществление указанных закономерностей в практике функционирования и в процессе эволюции городских систем политико-экономического управления в регионах Центрального Черноземья в значительной степени было связано с особенностями и специфическими характеристиками региональных политических режимов, с расстановкой сил акторов на региональном и локальном уровнях [Слатинов, 2009, с. 17]. Здесь проявлялись свои структурные и ситуативные особенности.

В регионах, где к началу 2000-х гг. сформировались моноцентрические политические режимы (Белгород, Тамбов) с наличием отстроенной региональной «вертикали власти», переход к модели управления областным центром с наемным сити-менеджером и главой города, избираемого из состава депутатов, прошел быстро и безболезненно. В Липецкой области (региональный режим ближе к моноцентрическому типу) наличие в регионе крупного экономического игрока федерального уровня в лице Новолипецкого металлургического комбината, отстаивающего собственные интересы в региональной и муниципальной политике, делало для региональных властей в качестве более предпочтительной стратегии сохранение выборности главы областного центра. Переход к модели с сити-менеджером создавал риск найма на эту должность представителя НЛМК, активно влияющего на городскую политику, а не областных властей. Наличие выборного мэра, фигура которого является компромиссной между комбинатом и региональной властью, стало своеобразной гарантией сохранения баланса сил в региональной столице. Липецкий губернатор О. Королев, очевидно, по этой причине является последовательным противником института сити-менеджеров, выступая за выборность глав муниципальных образований [Хлебников, 2011].

В режимах «сообщества элит» переход к модели с сити-менеджером становится следствием формирования элитного консенсуса в условиях параллельно протекающих процессов образования «коалиций роста» и усиления политического и административного потенциала региональной исполнительной власти как доминирующего игрока. Наиболее типичный пример в этом отношении — Курск. В Курске «бизнес-большинство» в Горсобрании, представленное «партией власти», после некоторых колебаний приняло предложенную областной властью модель с сити-менеджером, а выборы в городской представительный орган в 2007 г. еще более упрочили в нем долю представителей «партии власти» (практически полностью представленную бизнес-сообществом) и закрепили сложившийся консенсус.

Следует отметить, что федеральный центр в рамках «вертикализации» российской системы управления фактически поддерживал повсеместное распространение модели с сити-менеджером. В 2009 г. в Закон № 131-ФЗ были внесены изменения, согласно которым поправки в уставы муниципальных образований в части полномочий, срока полномочий и порядка избрания выборных

должностных лиц местного самоуправления могли вноситься до окончания срока полномочий муниципального органа, принявшего эти поправки. Иначе говоря, переход к модели с сити-менеджером можно было осуществлять «по ходу», например, в случае отставки избранного мэра.

В Воронежской области в региональном «сообществе элит» не складывался консенсус относительно модели с сити-менеджером, а избранный в 2004 г. мэр Б. Скрынников активно конфликтовал с областным руководством, которое не располагало достаточным авторитетом и ресурсами для подавления городской автономии. В 2008 г. на выборах мэра победил представитель «партии власти» С. Колиух, имеющий глубокие связи и влияние среди ключевых городских экономических игроков. В 2009 г. губернатором региона стал бывший вице-премьер и министр федерального правительства А. Гордеев, быстро занявший позиции доминирующего игрока в региональной политике. В начале своего правления он высказался за переход региональной столицы к модели с сити-менеджером [Инютин, 2009б], однако традиции муниципальной автономии и осознание потребности в публичной легитимации должностного лица, управляющего городом-миллионником, привели к пересмотру прежней позиции. В то же время задачу установления политического контроля над региональной столицей воронежский губернатор решил другим путем. Выступив в 2012 г. с жесткой критикой положения дел в мэрии, где губернатор обнаружил «коррупционный клубок», А. Гордеев в ультимативной форме потребовал реструктуризации городской власти и кадровой чистки в администрации Воронежа [Клявина, 2013]. Для выполнения этого требования при областном правительстве была создана специальная комиссия во главе с вице-губернатором по пересмотру структуры администрации Воронежа и оценке профессионального уровня ее ключевых должностных лиц. Очевидное нарушение фактом создания этой комиссии принципа автономии местного самоуправления от государственной власти не нашло отклика в надзорных и правоохранительных структурах, хотя в постановлении губернатора о создании комиссии ее решениям придавался «рекомендательный характер» [Лукьянов, 2012]. Согласился с созданием комиссии и мэр С. Колиух, тем более что параллельно против близких к нему бизнесменов были заведены уголовные дела [Смирнов, 2012].

Деятельность созданной губернатором А. Гордеевым комиссии фактически означала введение «внешнего управления» областным центром. Не выдержав давления, избранный мэр С. Колиух в марте 2013 г. ушел в отставку, а исполняющим обязанности мэра стал поддерживаемый губернатором молодой бизнесмен, владелец воронежского мебельного холдинга «Ангстем» Г. Чернушкин. Впрочем, выбор последнего оказался не совсем удачным. Проработав с марта по июль 2013 г., Г. Чернушкин заявил о своей отставке. Лихорадочный поиск кандидата в мэры за полтора месяца до единого дня голосования привел губернатора к идее рекомендовать к назначению временно исполняющим

обязанности главы администрации Воронежа своего первого заместителя А. Гусева, возглавлявшего комиссию по повышению эффективности работы мэрии [Федяшева, 2013].

Несмотря на неблагоприятные прогнозы экспертов о возможном поражении не обладающего яркой харизмой А. Гусева в оппозиционно настроенном Воронеже, активная поддержка губернатора, проведение выборов в единый день голосования, административная мобилизация лояльного электората и раскол среди оппозиционных кандидатов привели к победе губернаторского выдвиженца. Правда, ценой выигрыша стала крайне низкая легитимность нового градоначальника — А. Гусев получил 43,6% голосов при явке в 23% избирателей [Карabut, 2013]. Своей победой А. Гусев продолжил обозначившуюся с началом муниципальной реформы в рамках реализации Закона № 131-ФЗ в Черноземье тенденцию прихода на должности глав администраций региональных столиц заместителей губернаторов, но в отличие от него — в качестве сити-менеджеров: в 2005 г. заместитель губернатора Тамбовской области М. Косенков стал главой администрации Тамбова, в 2008 г. сити-менеджером Курска назначен заместитель губернатора Н. Овчаров, в 2011 г. на должность главы администрации Белгорода был нанят заместитель губернатора области С. Боженков. Формирование, таким образом, неформального института «заместителя губернатора по областному центру» в регионах Черноземья стало существенным элементом неформальной институционализации политического контроля за региональными столицами со стороны областных властей в дополнение к законодательно закрепляемым дополнительным механизмам подотчетности городских властей перед региональными руководителями.

Выбор модели организации органов местного самоуправления в Орле оказал существенное влияние на эволюцию регионального политического режима. Институциональное решение на старте реализации Закона № 131-ФЗ о переходе к модели с выборным мэром было принято в рамках существования моноцентрического политического режима губернатора Е. Строева, терявшего, однако, потенциал для подавления автономных игроков. В 2006 г. поражение вице-губернатора на выборах мэра кандидата «партии власти» и победа кандидата, поддерживаемого КПРФ, нанесли болезненный удар по моноцентрической системе. Возник конфликт по линии областная власть — власть областного центра, приведший к формированию политически автономного центра силы. И хотя в 2007 г. глава Орла был формально инкорпорирован в «Единую Россию», структурные противоречия между уровнями власти и автономия областного центра сохранились. Против мэра было возбуждено уголовное дело за уклонение от уплаты налогов в бытность руководителем коммерческой организации. В мае 2008 г. последовало решение суда о его задержании. Впрочем, градоначальник тут же ушел в отпуск, в котором находился более года [Инютин, 2009а].

Поражение выдвиженца губернатора и последующее развитие конфликта между областной и городской властями сыграли роль катализатора распада орловского моноцентрического режима, закончившегося в феврале 2009 г. добровольно-принудительной отставкой Е. Строева. Новый губернатор-«варяг» А. Козлов был вынужден осуществлять переформатирование региональной системы управления, которая утратила прежний моноцентрический характер и превратилась в «сообщество элит». Находящийся под следствием и «в отпуске» мэр Орла А. Касьянов добровольно сдался в руки правосудия и ушел в отставку весной 2009 г. Выборы мэра, проведенные в феврале 2010 г., потребовали от областной исполнительной власти и «Единой России» серьезной мобилизации ресурсов для победы своего представителя — бывшего руководителя ГУ МЧС по Орловской области В. Сафьянова в противостоянии с кандидатом от КПРФ. Впрочем, наличие уже сформировавшейся городской автономии, обширные связи нового мэра в местной элите наряду с быстро возникшими противоречиями относительно использования городских активов в короткий срок сформировали атмосферу постоянно усугубляющейся конфликтности между двумя уровнями власти [Сафьянов, 2012]. Низкий результат «партии власти» в городе Орле на выборах в Государственную Думу 4 декабря 2011 г. позволил губернатору перейти в политическое наступление на мэра, обвиненного в нецелевом расходовании бюджетных средств. Воспользовавшись поправками, внесенными в Закон № 131-ФЗ в 2009 г. в части возможности отставки избранных мэров, в том числе по инициативе руководства региональной исполнительной власти, орловский губернатор инициировал отрешение, которое было осуществлено со второй попытки в январе 2012 г. при поддержке фракции КПРФ, составляющей почти половину депутатов в представительном органе Орла [Инютин, 2012]. Ранее, осенью 2010 г. при согласии А. Сафьянова были приняты поправки к уставу города, вводящие со следующего срока полномочий муниципальных органов модель с сити-менеджером [Инютин, 2010]. Данные поправки после удаления В. Сафьянова в отставку были введены в действие, и в административном центре Орловской области появился институт сити-менеджера. При этом между двумя доминирующими фракциями в городском Совете Орла (фракцией «Единой России» и КПРФ) было заключено соглашение о распределении ролей: должность главы Совета — главы города досталась представителю КПРФ, а на должность сити-менеджера был нанят представитель «партии власти». В рамках полицентрической конструкции городского управления автономия муниципальных акторов в Орле существенно возросла. На это не замедлил обратить внимание назначенный в феврале 2014 г. временно исполняющий обязанности губернатора области представитель КПРФ В. Потомский. Выразив крайнее неудовлетворение результатами деятельности администрации Орла, он потребовал от сити-менеджера коренным образом улучшить качество работы [Потомский протестировал..., 2014]. В окружении губернатора заявили, что в городе слишком высок уровень автоно-

мии от областной власти, пагубно влияющий на эффективность муниципальных органов, и после выборов 14 сентября 2014 г. губернатором будет поставлен вопрос об удалении сити-менеджера в отставку. В качестве наиболее предпочтительного претендента на должность сити-менеджера был назван заместитель губернатора (в этом случае Орел станет пятым регионом Черноземья, где появится заместитель губернатора по областному центру). И хотя позже сам исполняющий обязанности губернатора заявил, что, возможно, сохранит главу администрации Орла «в своей команде» [Прах, 2014], перспектива уменьшения муниципальной автономии и усиления политического контроля над областным центром Орловской области после получения В. Потомским статуса избранного губернатора выглядит как наиболее вероятная.

Эффекты институционального выбора и перспективы трансформации систем управления городами в условиях нового витка муниципальной реформы

Рассмотренные случаи убедительно показывают взаимообусловленность институциональных изменений систем городского управления и расстановки сил акторов, их ресурсов и стратегий в рамках региональных режимов. При этом очевидно, что «шаблонно-эффективной» модели управления выделить не удастся. Для обеспечения успешности муниципального развития важно «попадание» в приемлемый набор институциональных условий и особенностей расстановки сил в регионе. С этой точки зрения модель с сити-менеджером позволяет в условиях моноцентрических режимов и режимов «сообщества элит» при наличии внутриэлитного консенсуса, обеспечить малоконфликтное сосуществование городской и областной властей и возможность путем активных, преимущественно, неформальных коммуникаций, достигать договоренностей относительно распределения ресурсов, управления активами и планирования муниципального развития. Важно и то, что модель с сити-менеджером практически исключает возможность попадания на должность главы администрации города популиста.

В то же время в 2011 г. и первой половине 2012 г. в политической жизни страны начала проявляться растущая гражданская активность среднего класса, сосредоточенного в крупных городах, численность и доля которого напрямую зависит от успешности экономического развития регионов. Среди основных требований «рассерженных горожан» выдвигались обеспечение большей прозрачности и подотчетности публичной власти, рост политической конкуренции и возможности более активно влиять на принятие управленческих решений [Попова, 2012, с. 60-61].

В этом контексте широкое распространение модели с сити-менеджером в административных центрах регионов воспринималось представителями среднего класса скорее как исключение городской исполнительной власти из поля

непосредственной подотчетности населению муниципалитета, и как умаление публичной легитимности муниципальной исполнительной власти в городах.

Закрепление подотчетности наемного главы администрации перед представительным органом муниципалитета, усиленное поправками в Закон № 131-ФЗ 2009 г. о его ежегодном обязательном отчете и возможностью депутатов удалить его в отставку по своей инициативе или предложению главы субъекта РФ, скорее, формализовало практику «вертикальной» зависимости сити-менеджера от губернатора, а «горизонтальной» — от городских лоббистов, доминирующих в представительных органах областных столиц. Региональным властям сохранение модели с сити-менеджером дает возможность поддерживать наиболее удобно организованную систему политического контроля за областным центром. Возвращение губернаторских выборов мало изменило мотивацию руководителей регионов — минимизация муниципальной автономии региональной столицы и контроль над системой управления в ней остаются приоритетными задачами. В Курске в 2012 г. незадолго до истечения срока полномочий Городского собрания его главой были инициировано принятие поправок в Устав о возвращении модели с избираемым населением главой города, возглавляющим администрацию («сильного мэра»). В поддержку инициативы высказались ряд представителей региональной элиты, включая спикера регионального парламента, возглавлявшего местное отделение «Единой России». Категорическим противником перехода к выборности руководства исполнительной власти областного центра выступил губернатор. На инициированных для обсуждения поправок в Устав публичных слушаниях лояльное региональной власти большинство, образованное бюджетниками и муниципальными служащими, отвергло предложенные изменения [Валагин, 2012]. Весной 2014 г. ушел в отставку и спикер областной Думы, заявив о «спекуляциях на якобы имеющихся его разногласиях с областным руководством» [Инютин, 2013]. Таким образом, вопрос о сохранении выгодной областной исполнительной власти модели управления областным центром превратился в маркер влияния и индикатор уровня контроля губернатора над политическими процессами в регионе и над региональной элитой.

В рамках политической реформы, осуществленной после протестов представителей городского класса в конце 2011 — начале 2012 г., помимо возвращения губернаторских выборов с применением «муниципального фильтра» предполагалось углубление децентрализации власти, а также расширение «перечня выборных муниципальных должностей». Последнее предусматривал Указ Президента РФ № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», подписанный 7 мая 2014 г.

В рамках реализации указа Правительством РФ в Государственную Думу был внесен законопроект, предусматривающий исключение из Закона № 131-ФЗ модели, где глава муниципального образования избирался из состава

депутатов. Итак, модель с сити-менеджером сохранялась как вариант (наряду с моделью сильного мэра), но при условии, что глава муниципалитета избирается населением и возглавляет представительный орган (в настоящий момент данная модель действует в Екатеринбурге и ряде других городов).

Законопроект отменял наиболее удобную для губернаторов и адекватную «вертикализации» местного самоуправления конструкцию управления муниципалитетами, поэтому федеральный парламент не торопился его рассматривать [Винокурова, 2013]. Изменения в политической системе страны, обозначившиеся в 2012-2013 гг., демонстрировали противоположный тренд — усиление контроля «вертикали» над всеми акторами российской политики. Происходящая «авторитарная коррекция» политической реформы усиливала институты прямого влияния федеральной власти на губернаторов, федеральный центр активно задействовал антикоррупционные механизмы и роль полномочных представительств в федеральных округах для усиления политического контроля над структурами власти на региональном и местном уровнях. Одновременно происходила локальная децентрализация — передача части федеральных полномочий на уровень субъектов Федерации. Стратегия одновременного усиления политического контроля, возвращения внешней (при этом подконтрольной) процедуры всенародных выборов губернаторов и некоторое расширение их полномочий определяется экспертами как «регионализация вместо федерализации» [Рогов, 2014, с. 25-27]. Её стержневым моментом стало укрепление власти руководителей субъектов Федерации и их легитимности при углублении институциональной зависимости от федерального центра.

Институциональный дизайн и практики функционирования местного самоуправления в рамках такого политического курса должны были неизбежно трансформироваться в сторону усиления полномочий региональных властей по модерации порядка формирования и характера ресурсного обеспечения местной власти. Одновременно декларировалась необходимость «приближения местного самоуправления к населению», что в сложившихся политических условиях означало сокращение полномочий и обязательств, а также структурную реорганизацию местной власти.

Пакет поправок к Закону № 131-ФЗ, принятых весной 2014 г., решает указанные задачи. Фактически региональным властям передано право самостоятельно формировать институциональный дизайн и определять объемы полномочий органов местного самоуправления в рамках, установленных федеральным законодателем. Законами субъекта РФ могут перераспределяться полномочия между региональным и местным уровнями публичной власти (при этом определен объем неотчуждаемых полномочий муниципалитетов), переформатироваться территориальная организация в городских округах (посредством разделения их на районы как муниципальные образования и наоборот), а также устанавливаться порядок формирования и распределения полномочий орга-

нов власти в муниципальных образованиях. В последнем случае речь идет о статусе главы муниципального образования и главы администрации, порядке их наделения полномочиями, а также порядке формирования представительных органов муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением. В частности, законом субъекта РФ может быть установлен порядок формирования представительных органов муниципальных районов и городских округов с внутригородским делением методом не прямых выборов, а делегирования депутатов с нижестоящего муниципального уровня. При такой организации власти в районах и больших городах в обязательном порядке закрепляется модель управления с сити-менеджером и главой муниципалитета, избираемого из состава депутатов. В остальных случаях сохраняется выбор из прежних трех вариантов организации муниципальной власти, но право на установление такого порядка формально делегировано теперь представительным органам субъектов РФ — на основе принятых ими законов муниципалитеты обязаны скорректировать свои уставы.

Таким образом, в новой конфигурации законодательства о местном самоуправлении за областным парламентом, а фактически, учитывая российские реалии, за губернаторами закрепляется право форматировать институциональную организацию местной власти, исходя из своих интересов и предпочтений, а также представлений об оптимальных моделях построения систем публичного управления. Страна вновь вступает в период крупномасштабной перестройки местного самоуправления, основным содержанием которой станет его дальнейшее встраивание в «вертикаль» и усиление политического контроля над ним со стороны государственной власти, прежде всего исполнительных структур регионального уровня.

Обширные институциональные изменения, ожидаемые на уровне местной власти, будут осуществляться в рамках традиционного цикла реформы — от институционального выбора к институциональным эффектам и последующей корректировке принятых решений. Понятно, что на институциональный выбор будут влиять различные факторы — начальные условия (сложившиеся системы организации муниципальной власти приобрели сегодня известную степень инерции), интересы ключевых акторов (в первую очередь региональной исполнительной власти, заинтересованной в настоящий момент в оптимизации и мобилизации ресурсов на выполнение социальных обязательств, развитие территорий и удовлетворение потребностей аффилированных с ней групп интересов), идеологические представления игроков, принимающих решения. Несложно прогнозировать, что с учетом более широкого контекста изменений в политической системе курс на упрощение и «вертикализацию» местных систем управления в регионах станет преобладать, следовательно, будет и далее широко распространяться модель с сити-менеджером и главой муниципалитета, избираемого из состава представительного органа.

Вместе с тем указанная модель имеет потенциальные внутренние структурные напряжения, связанные с размыванием ответственности, явным дефицитом публичной легитимации и плохо функционирующей подотчетностью перед населением. Многие региональные руководители осознают эти ограничения, в частности, губернатор Воронежской области А. Гордеев осенью 2014 г. заявил, что является сторонником модели сильного мэра [Гордеев, 2014]. В других случаях сохранению и поддержанию указанной модели способствует структура интересов заинтересованных акторов и их стратегии (липецкий случай).

Наблюдаемая в настоящий момент высокая степень подконтрольности избирательного процесса отчасти снимает проблему возможной победы на выборах мэра областного центра кандидата, нелояльного региональной власти. Тем не менее именно поведение жителей региональных столиц для «вертикали», включая губернаторов, является наиболее оппортунистическим и непредсказуемым. В этом контексте модель с сити-менеджером (последние поправки в Закон № 131-ФЗ увеличили долю региональной исполнительной власти в конкурсной комиссии по найму глав муниципальных администраций до половины членов) выглядит менее рискованной и более предсказуемой.

Предоставление федеральным законодателем региональным властям права широко воздействовать на институциональный дизайн местного самоуправления приведет в ближайшем будущем к резкому росту разнообразия подходов к построению местной власти и ее политико-управленческих конфигураций. Для сравнительных исследований местного самоуправления в стране открываются обширные перспективы.

Библиографический список

1. Валагин, А. Курск отказался от прямых выборов градоначальника. Режим доступа <http://www.rg.ru/2012/07/26/reg-cfo/kursk-anons.html>
2. Винокурова, Е. Госдума забыла вернуть выборы. Режим доступа http://www.gazeta.ru/politics/2013/02/15_a_4968725.shtml
3. Вишневская, Т. (2008, Сентябрь 17). Стать хозяином непросто. Главы регионов ЦФО обсудили проблемы местного самоуправления. *Курская правда*, с. 2.
4. Гельман, В., Рыженков, С., Белокурова, Е., Борисова, Н. (2002). *Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991-2001*. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
5. Гельман, В. Я. (2007). От местного самоуправления — к вертикали власти. *Pro et contra*, (1), 6-18.
6. Гельман, В. Я., Рыженков, С. И. (2010). Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти». *Политическая экспертиза*, (4), 130-152.
7. Гордеев, А. (2014, Сентябрь 2). Человек с топором приходит сам. *Коммерсант-Черноземье*, с. 8.
8. Инютин, В. (2013, Апрель 19). Зам по себе. *Коммерсант-Черноземье*, с. 8.

9. Инютин, В. (2010, Октябрь 1). Мэр Орла вынул из-под себя кресло. *Коммерсант-Черноземье*, с. 8.
10. Инютин, В. (2012, Январь 25). Мэра Орла отправили в отставку. *Коммерсант-Черноземье*, с. 8.
11. Инютин, В. (2009а, Март 13). Не повезло с Фемидой. *Коммерсант-Черноземье*, с. 8.
12. Инютин, В. (2009б, Май 14). Равнение на вертикаль. *Коммерсант-Черноземье*, с. 8.
13. Карабут, Т. Мэром Воронежа избран Александр Гусев. Режим доступа http://abireg.ru/n_34573.html.
14. Клявина, Ю. Воронежский губернатор снискал себе врагов, распутывая «коррупционный клубок» в мэрии. Режим доступа http://abireg.ru/n_30956.html.
15. Кынев, А. (2010, Сентябрь 9). Безмэрная власть. Режим доступа http://www.gazeta.ru/comments/2010/09/09_x_3417653.shtml.
16. Лукьянов, В. (2012, Июль 16). Воронежский губернатор подписал постановление о создании комиссии по совершенствованию работы мэрии. Режим доступа <http://36on.ru/news/people/17785-gubernator-podpisal-ukaz-o-sozdanii-komissii-po-sovershenstvovaniyu-raboty-merii>.
17. Попова, О. В. (2012). «Рассерженные горожане»: группа одного интереса? *Политическая экспертиза*, (2), 58-79.
18. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 12 декабря 2013 года. Режим доступа <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>.
19. Потомский протестировал мэра кувалдой. (2014, Март 12). Режим доступа <http://club-rf.ru/57/detail/405>.
20. Прах, А. Потенциальный губернатор Орловской области Вадим Потомский дает шанс сити-менеджеру Орла остаться в своей команде. Режим доступа http://abireg.ru/n_41123.html.
21. Рогов, К. (2009). Демократия — 2010: прошлое и будущее плюрализма в России. *Pro et contra*, (5-6), 6-30.
22. Рогов, К. (ред.). (2014). Основные тенденции политического развития России в 2011-2013 годы. Кризис и трансформация российского авторитаризма. Доклад фонда «Либеральная миссия». Режим доступа <http://www.liberal.ru/articles/6537>.
23. Сафьянов, В. (2012, Январь 11). Мне здесь некому сдаваться. *Коммерсант-Черноземье*, с. 8.
24. Слатинов, В. Б. (2009). Мэр или сити-менеджер: модели функционирования органов местного самоуправления в областном центре. *Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*, (4), 8-17.
25. Смирнов, В. Губернатор Гордеев против муниципальных властей Воронежа. Режим доступа <http://www.apn.ru/opinions/article26959.htm>.
26. Федяшева, Е. Почему главный претендент на кресло мэра Воронежа отказался от участия в выборах. Режим доступа <http://www.kp.ru/daily/26106/3002391/>.
27. Хлебников, А. Региональная политика: краткие итоги 2011 года. (2011, Декабрь 28). Режим доступа <http://club-rf.ru/analytics/regionalnaya-politika-kratie-itogi-2011-goda/>.
28. Goldsmith, M. (1990). *Local Autonomy: Theory and Practice Challenges to Local Government*. London: Sage.

29. Ioffe, G. (2001). *Fragmented Space in the Russian Federation*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.
30. Stone, C. (1989). *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*. Lawrence, KS: University of Kansas Press.

Статья поступила в редакцию 15.09.2014.

.....

THE INSTITUTIONAL EFFECTS OF REGIONAL CENTERS' GOVERNMENT SYSTEMS TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF MUNICIPAL REFORM (AS EXEMPLIFIED IN THE CENTRAL BLACK EARTH REGION)

V. B. Slatinov, K. G. Merkulova

Slatinov Vladimir Borisovich, Doctor of Science (Political Science), Docent, director of the Center "Higher school of regional management" of Oryol branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: slatinov@yandex.ru.

Merkulova Ksenija Gennad'evna, degree-seeking applicant of Social and Political Sciences Chair of Voronezh State University. E-mail: kseniia.merkulova@gmail.com.

On the basis of the neoinstitutional analysis method the article has inquired the peculiarities of the institutional transformation of the city administration systems of the Russian Central Black Earth regional capitals. It has been found that local government reform, carried out within the frameworks of the Federal law no. 131 "On the general principles of organization of local government in the Russian Federation", adopted in 2003, provided the institutional choice to be made between three alternatives of local authorities' organization in cities. This institutional choice was determined by different factors, including federal political processes influence, regional political regime character, regional and local stakeholders' interests, ideological preferences and strategies. It resulted in establishment of two alternatives of government system organization in different regional centers of Black Earth — with "a strong mayor", elected at the municipal elections and heading the local administration, and with "a city manager", heading the administration and hired by elected members of the city representative body. Herewith the city manager alternative fits the processes of political power centralization in Russia more adequately and also represents an important institutional instrument of tightening political control, carried out by regional executive bodies and governors over local authority's activities. It was noted that currently the core trend in political changes at the federal, regional and local levels is the enhancement of political control of higher-level authorities over lower-level ones, including accretion of regional government powers to project institutional design and to define the scope of local government powers in accordance with the federal legislation.

Key words: local government, political regimes, institutions, municipal autonomy, political control.

References

1. Valagin, A. Kursk otkazalsja ot prjamyh vyborov gradonachal'nika [Kursk refused direct mayoral elections]. Retrieved from <http://www.rg.ru/2012/07/26/reg-cfo/kursk-anons.html>
2. Vinokurova, E. Gosduma zabyła vernut' vybory. Retrieved from http://www.gazeta.ru/politics/2013/02/15_a_4968725.shtml.

3. Vishnevskaja, T. (2008, September 17). Stat' hozjainom neprosto. Glavy regionov CFO obsudili problemy mestnogo samoupravlenija [It's difficult to become a master. The CFO regions' heads discussed local government problem]. *Kurskaja Pravda* [Kursk truth], p. 2.
4. Gel'man V., Ryzhenkov S., Belokurova E. & Borisova N. (2002). *Avtonomija ili kontrol'? Reforma mestnoj vlasti v gorodah Rossii, 1991-2001* [Autonomy or control? Reform of local authorities in cities of Russia, 1991-2001]. SPb.; Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge: Letnij sad.
5. Gel'man, V. Ja. (2007). Ot mestnogo samoupravlenija — k vertikal'no vlasti [From local government to vertical power structure]. *Pro et contra*, (1), 6-18.
6. Gel'man, V. Ja & Ryzhenkov, S. I. (2010). Lokal'nye rezhimy, gorodskoe upravlenie i "vertikal' vlasti" [Local regimes, city administration and "vertical power structure"]. *Politicheskaya ekspertiza* [Political expertise], (4), 130-152.
7. Gordeev, A. (2014, September 2). "Chelovek s toporom prihodit sam". Interv'ju s vremenno ispolnjajushhim objazannosti gubernatora Voronezhskoj oblasti [A man with an axe comes himself. The interview with the interim governor of the Voronezh region]. *Kommersant-Chernozem'e* [Merchant-Black Earth], p. 8.
8. Injutin, V. (2013, April 19). Zam po sebe [Deputy on his own]. *Kommersant-Chernozem'e* [Merchant-Black Earth], p. 8.
9. Injutin, V. (2010, October 1). Mjer Orla vynul iz-pod sebja kreslo [Oryol's mayor took out the seat from under him]. *Kommersant-Chernozem'e* [Merchant-Black Earth], p. 8.
10. Injutin, V. (2012, January 25). Mjera Orla otpravili v otstavku [Oryol's mayor was dismissed]. *Kommersant-Chernozem'e* [Merchant-Black Earth], p. 8.
11. Injutin, V. (2009, March 13). Ne povezlo s Femidoj [Tough luck with Themis]. *Kommersant-Chernozem'e* [Merchant-Black Earth], p. 8.
12. Injutin, V. (2009, May 14)/Ravnenie na vertikal' [Dressing on vertical]. *Kommersant-Chernozem'e* [Merchant-Black Earth], p. 8.
13. Karabut, T. Mjerom Voronezha izbran Aleksandr Gusev [Aleksandr Gusev was elected the mayor of Voronezh]. Retrieved from // http://abireg.ru/n_34573.html.
14. Kljavina, Ju. Voronezhskij gubernator sniskal sebe vragov, rasputyvaja "korrupcionnyj klubok" v mjerii [The governor of the Voronezh region made enemies unravelling "corruption tangle" in the city mayor's office]. Retrieved from http://abireg.ru/n_30956.html
15. Kynev, A. (2010, September 9). Bezmjernaja vlast' [Authority without mayor]. Retrieved from http://www.gazeta.ru/comments/2010/09/09_x_3417653.shtml.
16. Luk'janov V. (2012, July 16). Voronezhskij gubernator podpisal postanovlenie o sozdanii komissii po sovershenstvovaniju raboty mjerii [The governor of the Voronezh region signed the resolution establishment of commission on improvement of the city mayor's office operation]. Retrieved from // <http://36on.ru/news/people/17785-gubernator-podpisal-ukaz-o-sozdanii-komissii-po-sovershenstvovaniju-raboty-merii>
17. Popova, O. V. (2012). "Rasserzhennye gorozhane": gruppа odnogo interesa? ["Angry citizens": the group of common interest?]. *Politicheskaya ekspertiza* [Political expertise], (2), 58-79.

18. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju [State of the Nation Address to the Federal Assembly of the RF]. 12 December, 2013. Retrieved from <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>
19. Potomskij protestiroval mjera kuvaldoj [Potomskij tested the mayor with hammer]. (2014, March 12). Retrieved from <http://club-rf.ru/57/detail/405>
20. Prah, A. Potencial'nyj gubernator Orlovskoj oblasti Vadim Potomskij daet shans siti-menedzheru Orla ostat'sja v svoej komande [Vadim Potomskij, the prospective governor of the Oryol region, gives city manager of Oryol a chance to stay in his team]. Retrieved from http://abireg.ru/n_41123.html
21. Rogov K. 2009. Demokratija — 2010: proshloe i budushhee pljuralizma v Rossii [Democracy — 2010: the past and the future of pluralism in Russia]. *Pro et contra*, (5-6), 6-30.
22. Rogov K. (ed.). (2014). Osnovnye tendencii politicheskogo razvitiya Rossii v 2011-2013 gody. Krizis i transformacija rossijskogo avtoritarizma. Doklad fonda "Liberal'naja missija" [The main political development trends in Russia in 2011-2013. Crisis and transformation of Russian authoritarianism. The report of "Liberal mission" foundation]. Retrieved from // <http://www.liberal.ru/articles/6537>
23. Saf'janov, V. (2012, January 11). "Mne zdes' nekomu sdavat'sja". Interv'ju s mjerom Orla ["There is no one here to whom I may give myself up". The interview with the mayor of Oryol]. *Kommersant-Chernozem'e* [Merchant-Black Earth], p. 8.
24. Slatinov, V. B. (2009). Mjer ili siti-menedzher: modeli funkcionirovanija organov mestnogo samoupravljenja v oblastnom centre [Mayor or city manager: the models of municipalities operation in the regional center]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo)* [The Moscow University Bulletin. Series 21. Management (state and society)], (4), 8-17.
25. Smirnov, V. Gubernator Gordeev protiv municipal'nyh vlastej Voronezha [The governor Gordeev goes against Voronezh municipality]. Retrieved from <http://www.apn.ru/opinions/article26959.htm>
26. Fedjasheva, E. Pochemu glavnyj pretendent na kreslo mjera Voronezha otkazalsja ot uchastija v vyborah [Why did the contender for mayorship refuse to participate in elections?]. Retrieved from <http://www.kp.ru/daily/26106/3002391/>
27. Hlebnikov A. (2011, December 28). Regional'naja politika: kratkie itogi 2011 goda [Regional policy: the 2011 brief results]. Retrieved from <http://club-rf.ru/analytics/regionalnaya-politika-kratkie-itogi-2011-goda/>
28. Goldsmith, M. (1990). *Local Autonomy: Theory and Practice Challenges to Local Government*. London: Sage.
29. Ioffe, G. (2001). *Fragmented Space in the Russian Federation*. Washington, DC: Woodrow Wilson Center Press.
30. Stone, C. (1989). *Regime Politics: Governing Atlanta, 1946-1988*. Lawrence, KS: University of Kansas Press.

СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА «GOVERNANCE» КАК СПОСОБ СИММЕТРИЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

.....

А. В. Абраменко, Т. А. Подшибякина¹

В статье рассматривается проблема симметричности/асимметричности политической коммуникации в условиях сетевого взаимодействия акторов в системе политико-административного управления. Анализируется роль структуры governance в формировании симметричной политической коммуникации.

Governance предстает как особого рода коммуникативные отношения, служащие механизмом поддержания свободы и равенства, а также реализации диалога и кооперации, которые организуют политический процесс по типу симметрии взаимодействия политических субъектов. Симметричные коммуникативные отношения типа governance не иерархичны по своей природе. Они строятся целиком и полностью на коммуникативных моделях, выработанных акторами. В процессе коммуникации политические субъекты разрабатывают правила поведения и распределения ресурсов внутри сети, образуют определенный контекст политического взаимодействия, состоящий из набора приемлемых стратегий поведения и действий участников. Симметричный характер governance способствует появлению определенного сетевого этоса, ключевую роль в котором играют взаимная ответственность за реализацию политических целей и непрерывность процесса развития знания.

Исследуя сетевую структуру governance, авторы выделяют факторы, влияющие на развитие асимметричной политической коммуникации, такие как уровень взаимодействия акторов, характер режима управления в государстве, особенности политического дискурса, предписанная иерархичность системы управления. Значительное внимание уделяется механизмам функционирования политической коммуникации как системы, в частности, коммуникативной рекурсии и реверсии, а также информационно-коммуникативным технологиям, в частности e-governance, стратегическому менеджменту и моделированию.

Авторы приходят к выводу, что политические отношения по типу governance трансформируют политическую коммуникацию из канала для передачи информации в систему, воспроизводящую политические элементы посредством информационного обмена и через интеракции генерирующую саму себя.

Ключевые слова: сетевой подход, governance, симметричная/асимметричная политическая коммуникация.

¹ Абраменко Анна Васильевна – преподаватель кафедры конфликтологии и национальной безопасности Южного федерального университета. Эл. почта: a.v.abramenko@list.ru.

Подшибякина Татьяна Александровна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета. Эл. почта: tan5@bk.ru.

Термин «сеть» — один из самых модных и широко используемых понятий не только в естественных, но и в гуманитарных дисциплинах. Сеть стала новой парадигмой в анализе любой сложной структуры (Kenis, Volker, 1991), будь то социальная, компьютерная или биологическая системы.

В политической науке теория сетей и сетевой подход получили развитие в середине 1960-х гг. Первые попытки определить, что представляет собой политическая сеть, были предприняты одновременно двумя трансатлантическими политическими школами как ответная реакция на изменение политических реалий, отражающих переход от отношений формальной иерархии и подчинения к неформальным группам интересов и расстановке сил. В США понятие «политическая сеть» стало составной частью теории политических подсистем. Именно они характеризовались как «сеть акторов, имеющих свои политические интересы и организующихся для целенаправленного влияния на политические программы и политическую систему в целом» (Enroth, 2011). Политическую сеть, таким образом, начали трактовать как «кластеры индивидуумов, которые эффективно принимают решения в подчиненной им области политики» (Ripley, Franklin, 1981). В этот же период в Великобритании политические сети стали рассматриваться через призму теории государственного управления как «стабильная сеть акторов, разделяющих общие интересы и взгляды в отношении определенных политических задач или областей» (Jordan, 1990).

Развитие сетевого подхода в политике привело к концептуализации самого понятия политической сети как «набора относительно стабильных взаимоотношений, по природе неиерархических и взаимозависимых, связывающих многообразных акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая кооперацию наилучшим способом достижения общих целей» (Borzel, 1997). Это также послужило толчком к введению других релевантных теоретических конструктов, одним из которых стало понятие *governance*. В узком смысле оно представляет собой самоорганизацию межструктурных сетей, характеризующихся взаимозависимостью, ресурсным обменом, наличием «правил игры» и существенной автономией от государства (Rhodes, 1997). Как отмечает М. Бевир (Bevir, Richards, 2009), *governance* возникает, когда два и более политических актора преследуют общий результат и работают вместе для его достижения. В широком смысле *governance* рассматривается как коммуникативные отношения в пространстве политической власти (Bang, 2003).

Governance как коммуникативные отношения предполагает, что политическая власть не всегда является инструментом для создания препятствий или ограничений, она также может содействовать или снимать запреты, выступая единственным механизмом осуществления принципов свободы и равенства в обществе. Именно поэтому реализация диалога и кооперации становится решающим критерием для оценки успеха *governance*. По мнению З. Баумана

(Bauman, 2001), governance создает почву для новых моральных практик в обществе, когда реализация политической свободы каждым индивидом выступает экзистенциальным и этическим проектом, напрямую связанным со стремлением к обретению идентичности. Governance, таким образом, отходит от общепринятого взгляда на политическую власть как иерархического, единообразного и суверенного образования, взамен предлагая рассматривать ее как коммуникативные отношения, позволяющие артикулировать обязательные решения и действия в определенной области политики. Политическая власть больше не ассоциируется только с отношениями подчиненности и односторонним контролем, а воспринимается также как сеть политической коммуникации, где политические институты и отдельные индивиды соединены в разнообразных, основанных на взаимности бинарных отношениях автономности и зависимости. Коммуникативные отношения типа governance не иерархичны по своей природе. Строясь на принципе взаимозависимости, отношения по типу governance формируют в политическом пространстве области симметричной коммуникации.

Первоначальное взаимодействие членов политической сети продиктовано взаимной зависимостью от ресурсов каждого из субъектов, которые являются необходимым условием для реализации политических целей акторов и в то же время обладают ограниченной взаимозаменяемостью, тогда как дальнейшее осуществление governance строится целиком и полностью на коммуникативных моделях, выработанных акторами. В процессе коммуникации политические субъекты разрабатывают правила поведения и распределения ресурсов внутри сети, образуют определенный контекст политического взаимодействия, состоящий из набора приемлемых стратегий поведения и действий участников. Политические взаимодействия такого рода могут быть названы «играми» (Crozier, 2006). Во время «игры» каждый из субъектов имеет собственные представления о характере политической задачи или проблемы, о способе ее решения и о других акторах в сети. На основе этих представлений субъекты выбирают определенную стратегию поведения. Исход игры зависит от взаимодействия стратегий различных игроков. Чем более сложным оно будет, тем больше выигрыша получит каждый из акторов. Таким образом, сама сущность политической коммуникации трансформируется.

Традиционно система политической коммуникации представлялась как конструирование, распространение и прием политической информации для реализации различных политических целей. При таком подходе политическая коммуникация рассматривалась в роли средства или канала, по которому происходит передача и/или обмен сообщениями. Информационные сообщения передавались по линейному закону от отправителя к получателю с презумпцией того, что смысл сообщения оставался сохраненным. При такой линейной логике роль коммуникации в сохранении и развитии политической системы девальвировалась.

Переосмысливая политическую коммуникацию, сторонники сетевого подхода исходят из утверждения того, что, будучи сетью, политическая коммуникация не только воспроизводит политические элементы, осуществляя информационный обмен между ними, но и прямым образом влияет на развитие политической системы. Формальные роли отправителя и получателя политической информации размываются, взаимодействие между ними начинает носить многосторонний характер, который, однако, не обязательно предполагает равенства. Сама посылаемая информация больше не представлена лишь «смыслом», вложенным в нее отправителем, а конструируется через специфическое взаимодействие между двумя сторонами.

Политическая коммуникация превращается в аутопозисную систему (Luhmann, 1992), т.е. такую систему, элементы которой рекурсивно, через свои интеракции генерируют и реализуют ее саму. Идея рекурсии является ключевой для понимания политической коммуникации как аутопозисной системы. В общем виде рекурсия может быть представлена как процесс определения чего-либо на основе самого себя. Согласно Р. Еспейо (Espeyo, 2004), рекурсивные образования основываются на «эффективном участии» — процессе, в котором коммуникативные взаимодействия производят организационные структуры и в то же время создают пространство для самих коммуникативных взаимодействий, делая, таким образом, процесс изобретения и самоконструирования бесконечным. Э. Морин (Morin, 1996), определяя различие между линейной и рекурсивной коммуникацией, замечает, что рекурсия намного больше, чем эффект обратной связи, она есть «петля производства, в которой продукты и сами эффекты производят и вызывают то, что производит их...». Принцип рекурсии, следовательно, позволяет рассматривать динамику и изменения в системе политической коммуникации в ее собственных терминах и/или ценностях.

Следующей важной характеристикой системы политической коммуникации является ее замкнутость. Политическая коммуникация как система устанавливает свои границы не в результате воздействия внешних причин, а посредством внутреннего выбора — внутренних усилий, целенаправленных на самоограничение. Взаимоотношения между элементами такой системы всегда носят симметричный характер, и сама политическая коммуникация, следовательно, становится симметричной. Это значит, что в процессе ее осуществления каждый выбор системы является открытым, получает ответную реакцию от элементов системы, а затем вновь возвращается в обратном направлении, происходит коммуникативная реверсия. Н. Луман (Luhmann, 1992) так поясняет смысл коммуникативной реверсии: «Человек, который передает информацию, дает директивные указания получателям, отменить которые возможно только в том случае если сами получатели начнут воспроизводить свою собственную информацию, то есть начнут действовать».

Можно выделить ряд факторов, нарушающих механизмы функционирования политической коммуникации как системы, элементы которой взаимодействуют на основе принципа симметрии, их действие наиболее наглядно проявляется при внедрении принципов governance в область политической практики. К таким факторам можно отнести предписанную асимметричность взаимодействия субъектов, содержащуюся в самих концептах управления, реализующихся посредством административных реформ; тип взаимодействия акторов — горизонтальный или вертикальный; характер режима управления в стране; особенности политического дискурса по проблемам взаимодействия государства и гражданского общества, необходимости отказа от принципа иерархичности системы управления.

М. Бевир (Bevir, 2013) выделяет три основных теоретических подхода к проблеме сетевого взаимодействия акторов в системе политико-административного управления: управление сетью, metagovernance, управление без правительства. Каждый из них по нашему мнению, основан на различных принципах, от которых зависит симметричность коммуникации.

Первый подход с наивысшей степенью асимметричности коммуникации, опирающийся на принципы управления сетью, исследователи связывают с результатами проведения неолиберальных реформ в государственном управлении, предусматривающих заключение договоров на поставку различных услуг населению, влияющих на формирование новой политики «рынков и сетей». В результате расширилось участие государственных учреждений в оказании услуг населению и возросло их влияние на увеличивающееся число самостоятельных частных субъектов. Особенность управления сетью заключается в рассредоточении государственной власти среди самоорганизующихся сетей, состоящих из различных структур гражданского общества, общественных и частных организаций (Bevir, 2013). Вследствие этого процесса на практике произошла функциональная дифференциация современного государства и маркизация государственного сектора при доминировании государства в сетевых взаимодействиях.

Второй подход, metagovernance, не оспаривая идею сдвига от бюрократии к рынкам и сетям, ставит под сомнение потерю доминирования государственной властью. Metagovernance — способы государственного управления, сочетающие потенциал руководящих структур и инструменты косвенного контроля сетевого взаимодействия. Концепция metagovernance описывает роль государства и его характеристики, принципы и механизмы управления в новом для него поле сетевого управления, в котором управление распределяется между множеством различных частных, общественных, государственных акторов, становится фрагментарной и децентрализованной среди множества сетей. Роль государства смещается от прямого управления обществом посредством бюрократии к

metagovernance из нескольких видов косвенного вмешательства и регулирования деятельности субъектов, имеющих свои интересы (Bevir, 2013).

Концепция metagovernance исходит из того, что государство продолжает осуществлять эффективный контроль над другими организациями, играет значительную роль в обеспечении координации в управлении, в частности, с широким использованием неформальных способов управления. Metagovernance как способ управления предполагает, что государство меньше предоставляет услуги непосредственно, действуя через бюрократические организации, а больше действует, регулируя сеть организаций, которые предоставляют такие услуги. Государство регулирует деятельность организаций, воздействующих на функционирование гражданского общества, поскольку не может применять бюрократические инструменты управления в отношении к самостоятельным, автономным образованиям негосударственного сектора. Направляющая роль государства проявляется в установлении правил игры для всех субъектов отношений, в организации диалога между субъектами, позволяющего последовательно защищать их интересы.

Е. Серенсен и Я. Торфинг (см.: Bevir, 2013) выделили четыре теории metagovernance: теорию взаимозависимости, управляемости, интеграции и системы управления. Теория взаимозависимости фокусируется на регулировании управляемой сети с помощью косвенных политических инструментов. Теория управляемости построена на противоречиях в управлении сетью, связанных со скрытой иерархией. Теория интеграции раскрывает управление через идентичность акторов. Теория власти фокусируется на регулировании и саморегулировании посредством норм, стандартов и целей, которые устанавливают пределы сетям.

Третий подход, максимально учитывающий равноправие акторов, представлен теорией государственной децентрализации, однако и он отрицает переход от государственного управления к сетевому самоуправлению, опираясь на тезис о том, что государство представляет собой «управление без правительства». Государство рассматривается как результат различных социальных практик и действий политической борьбы элит и социальных акторов, определяемых конкуренцией и сложившимися традициями.

Теория децентрализации рассматривает социальную конструкцию государства, в которой отдельные акторы могут осуществлять социально значимые действия, что в принципе изменяет концепцию государства. Новая концепция исходит из того, что индивиды могут влиять на формы правления, институты и нормы, исходя из своей социальной логики, традиций, понимания происходящего, нарративов. Теория децентрализации показывает, что управление снизу вверх возникает как конфликт убеждений, а конкурирующие традиции приводят к разнообразным практикам. Децентрализованный подход заменяет объективные социальные закономерности нарративами, которые объясняют

действия людей, исходя из их убеждений и желаний. Данный подход позволяет исследовать различные способы, при помощи которых акторы изменяют границы государства и гражданского общества через социальные практики.

Искажение симметричных коммуникативных процессов происходит также через механизмы реализации концептов управления в политической практике. В политической деятельности политическая коммуникация как система, формирующая политическую реальность, находит отражение в коммуникативных стратегиях, под которыми мы будем подразумевать выбор форм взаимодействия субъектов управления при реализации различных управленческих проектов. По типу коммуникативной среды их можно условно разделить на управленческие и информационные.

Управленческие коммуникативные стратегии по типу взаимодействия субъектов дифференцируются на иерархические и сетевые. В основе иерархической стратегии лежат принципы командно-административной системы управления, а выстраивание сетевой модели происходит через систему самоуправления. Коммуникационная информационная стратегия направлена на повышение эффективности и системности принятия управленческих решений администрациями разных уровней посредством создания единой информационной системы. Ее созданию препятствуют сохранение ведомственного подхода к информационным ресурсам, недостаток информации, длительные сроки доступа к ведомственным документам и аналитическим данным.

Применительно к политико-управленческим сетям чаще используется в практическом значении понятие «соучастие», или «соуправление». Концепт «соуправление» тесно связан с понятием «режим управления». Абсолютным преимуществом соуправления как режима управления являются открывающиеся возможности институционализации взаимоотношений государства и гражданского общества, что изменяет саму систему администрирования, основанную на иерархическом подчинении, нормах и регламентах. Для режима соуправления характерно появление новых форм, таких как работа в совместных комиссиях, форумах, конференциях, советах, заседаниях гражданских и государственных структур, свободный доступ и обмен информацией. Соуправление позволяет гражданам оказывать влияние на принятие управленческих решений не от случая к случаю, а институционально, действуя на постоянной основе, используя политические нормы и административные правила, придающие взаимодействию структурированность и функциональность.

В политическом дискурсе по проблемам взаимодействия государства и гражданского общества governance прежде всего рассматривается как практика управления, представляющая собой механизм представления и защиты интересов гражданского общества на государственном уровне. Политический характер и острота проблемы взаимодействия объясняется дисперсией власти, перераспределением функций государства между государством и негосудар-

ственными акторами. Ключевая роль в этом процессе принадлежит информационно-коммуникативным технологиям, которые могут быть эффективными при условии институционализации сети, т.е. наличии организованных структур и устойчивых отношений; наличии центра сетевого взаимодействия, налаженного обмена информацией.

Одной из таких информационно-коммуникативных технологий, получившей повсеместное распространение, следует считать e-governance, или электронное правительство. Как отмечает Л. В. Сморгун, «идея электронного правительства находит применение в публичном управлении в том аспекте, который активно развивается с конца 1990-х годов» (Сморгун, 2005). Этим аспектом, по мнению отечественного политолога, выступает трансформация публичного управления в связи с преобразованием информационного общества в общество знания, которое актуализирует коммуникативные компоненты политического взаимодействия.

В обществе знания коммуникация понимается не как совокупность каналов передачи информации, а как «процесс формирования разделяемых участниками организации ментальных моделей» (Сморгун, 2005), способствующий появлению определенного сетевого этоса структуры governance. В этом смысле именно симметричная политическая коммуникация выступает основой для развития таких нравственных регулятивных идей сетевой структуры governance, как: взаимная ответственность за реализацию политических целей, следование общественному благу и сотрудничество государственных и негосударственных политических субъектов, взаимное доверие в процессе обмена знанием, непрерывность процесса обучения и развития знания, а также ряда других, без которых подлинно сетевое взаимодействие и достижение результатов в публичной сфере становятся весьма проблематичными.

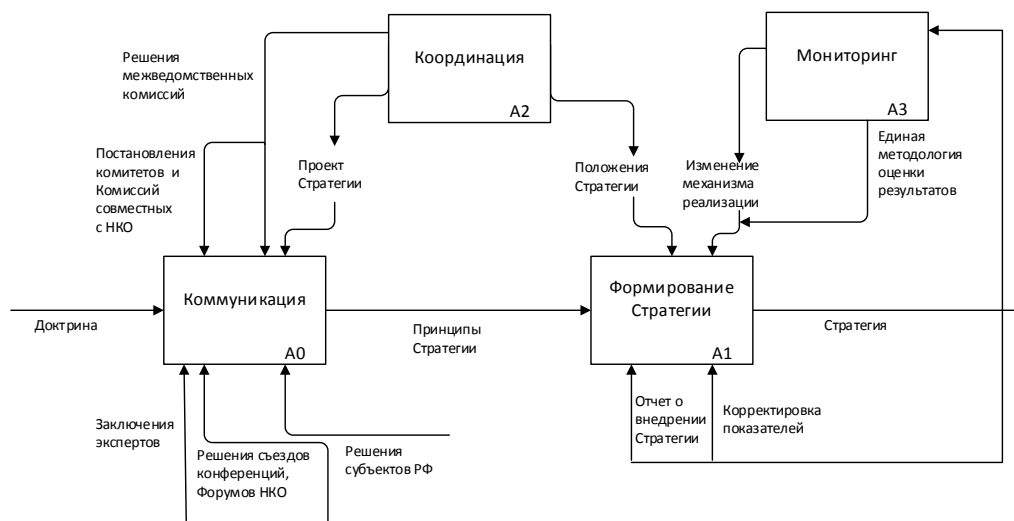
Электронное правительство выступает одной из ключевых технологий, позволяющих поддерживать одновременно три направления коммуникации: «правительство — правительство», «правительство — бизнес», «правительство — граждане» (Сморгун, 2005). Развитие основных элементов электронного правительства, в частности, электронной демократии, электронных производственных сетей и электронных общественных услуг, расширяют пространство симметричной политической коммуникации, включая в него кроме государственных политических акторов и негосударственные.

Одним из направлений, оказывающих влияние на политическую коммуникативную практику, является сетевой менеджмент. Существует множество подходов к анализу сетевого менеджмента как элемента симметричной политической коммуникации в структуре governance, во многом это определяется уровнем управления сетевыми процессами и составом участников сетевой структуры. Мы предлагаем рассмотреть закономерности процесса governance при принятии стратегических решений в сфере отраслевой политики на примере модели

сетевого взаимодействия субъектов политики и формирования стратегии развития морской деятельности. Этот пример показателен, так как, в отличие от многих других отраслей производства, мировая морская или океаническая политика разрабатывается сегодня на основе принципов governance, максимально учитывающих интересы стейкхолдеров, т.е. всех заинтересованных групп. В России в ходе проведения административной реформы только начали внедряться некоторые элементы соуправления через создание морской коллегии, агентств, постоянно действующих комиссий, комитетов для взаимодействия со структурами гражданского общества и гипотетически можно предположить, что это отражается на симметричности процесса коммуникации.

При создании модели были использованы преимущества основных принципов системы менеджмента качества, широко применяемой в производственной и административной сфере для получения на выходе процесса управления качественных товаров и услуг, и технологии моделирования IDEF0, позволяющей воспроизвести структуру связей административных организаций и организаций гражданского общества не в виде привычной иерархии, а как совокупность сетевого взаимодействия.

Модель, представляющая собой совокупность функциональных блоков, переводит «входные» параметры в «выходные». На «вход» поступает исходная информация, содержащаяся в Морской доктрине Российской Федерации на период до 2020 года (Доктрина), документе политического характера, определяющем политические цели и задачи по их достижению, участников морской деятельности. На «выходе» процесса мы получаем Стратегию развития мор-

Модель сетевого взаимодействия субъектов политики в процессе формирования стратегии развития морской деятельности

ской деятельности Российской Федерации до 2030 года (Стратегия), документ, прописывающий механизм реализации политических установок (см. рисунок).

Функциональный блок «Коммуникация» преобразует положения Доктрины в принципы Стратегии. Функциональный блок А0 производными имеет функциональные блоки А1, А2, А3 и служит для них контекстным основанием. На «выходе» из блока мы получаем результат в виде основных принципов Стратегии, сформулированных в процессе коммуникации между участниками процесса, они же являются информацией, получаемой на «входе» в функциональный блок А1.

Вертикально ориентированные стрелки блока «Коммуникация» — это стрелки управления, ответственные за выполнение блоком предписанных ему функций. Как мы видим, в равной степени представлены и решения, принимаемые структурами гражданского общества, носящие скорее рекомендательный характер, и решения институтов власти и сотрудничающих с ними на постоянной основе бизнес-организаций. Таким образом, можно утверждать, что на стадии формирования принципов Стратегии к обсуждению были допущены многие заинтересованные организации, что позволяло легитимировать и саму Морскую доктрину.

Комбинированные стрелки «выхода» и управления функционального блока «Мониторинг» отражают взаимодействие субъектов управления регионального и федерального уровней, а вот влияние структур гражданского общества при реализации этой функции отсутствует. Объясняется это тем, что нет институализированных форм взаимодействия, кроме системы экспертной оценки принятия решений, которые обеспечивали такое участие на постоянной основе, в отличие от функции «коммуникация» (Подшибякина, 2014).

Обобщая, можно утверждать, что коммуникативные связи и взаимодействия участников процесса формирования стратегии интенсивны на этапе выработки морской политики и стратегии, но недостаточны на стадии мониторинга хода реализации принятых документов, что отражается на своевременной корректировке выполнения принятых решений. Основная причина: смешение элементов старой (иерархической) и новой (сетевой) моделей управления, недостаточная институционализация взаимодействия основных участников процесса управления. В России отсутствует Закон об основах государственно-частного партнерства, который бы стал нормативной базой для дальнейшей институционализации взаимодействия крупного и среднего бизнеса, общественных организаций и власти.

Симметричность политической коммуникации в сетевом взаимодействии обеспечивается совокупностью вертикальных и горизонтальных связей между субъектами, поддерживающей равновесие всей политической системы. Асимметричность политической коммуникации возникает прежде всего в системе вертикальных связей и отношений, зависит от того, на каком уровне

происходит взаимодействие: микро-, мезо- или макроуровне. Чем выше уровень, тем больше вероятность доминирования государства как актора сетевых коммуникаций. В настоящее время появляются и новые категории, такие как multi-level governance, отражающие изменения в государственном управлении в условиях глобализации. Вопреки ожиданиям дальнейшего сближения статуса участников на принципах равноправия, в контексте процесса глобализации выдвигается тезис о постсоуправлении (post-governance) и усилении роли государства как основного актора.

Таким образом, преимущество сетевого подхода к анализу современной политической коммуникации представляется в отступлении от конвенциональных рамок рассмотрения данного явления. Сетевой подход позволяет переориентироваться от изучения информационных сообщений (masses) и эффектов, которые они производят на политическую реальность, в сторону политической коммуникации как системы, формирующей саму политическую реальность. Переосмысление политической коммуникации в рамках концепта governance предлагает новый взгляд на анализ возникающих паттернов современной политики, побуждает задуматься, насколько разнообразные и взаимно соразличные политические элементы взаимодействуют в рамках единой политической системы.

Библиографический список

1. Подшибякина, Т. А. (2014). Модель сетевого взаимодействия субъектов политики в процессе формирования стратегии развития морской деятельности. *Инженерный вестник Дона*, (3), 1-13.
2. Сморгун, Л. В. (2005). Электронное правительство, менеджмент знания и административные реформы. *ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза*, (2), 213-225.
3. Bang, H. P. (Eds.) (2003). *Governance as social and political communication*. Manchester University Press.
4. Bauman, Z. (2001). *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Cambridge Polity Press.
5. Bevir, M. (2013). *A theory of Governance*. University of California Press.
6. Bevir, M. & Richards, D. (2009). Decentering policy network: a theoretical agenda. *Public administration*, 87 (1), 3-14.
7. Borzel, T. (1997). What's So Special About Policy Networks? An Exploration of the Concept and Its Usefulness in Studying European Governance. *European Integration online Papers (EIoP)*, 1 (16), 1-24.
8. Crozier, M. (2006). Rethinking political communication as recursive governance. Retrieved from http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5240.pdf.
9. Enroth, H. (2011). Policy network theory. In M. Bevir (Eds.) *The SAGE handbook of Governance* (pp. 19-36). London: SAGE publications Ltd.
10. Espeyo, R. (2004). The footprint of complexity: the embodiment of social systems. *Kybernetes*, 33 (3/4), 671-700.

11. Jordan, G. (1990). Sub-governments, policy community and network: refilling the bottles? *Journal of theoretical politics*, 2 (3), 319-338.
12. Kenis, P. & Volker, S. (1991). Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. In B. Marin, R. Mayntz (Eds.). *Policy networks: empirical evidence and theoretical considerations* (pp. 25-62) Boulder/Frankfurt: Campus/Westview Press.
13. Luhmann, N. (1992). Autopoiesis: What is communication? *Communication Theory*, 2 (3), 251-259.
14. Morin, E. (1996). A new way of thinking. *UNESCO Courier*, 49 (2), 10-14.
15. Rhodes, R.A. W. (1997). *Understanding governance: policy network, governance, reflexivity and accountability*. Buckingham: Open University Press.
16. Ripley, R. & Franklin, G. (1981). *Congress, the bureaucracy and public policy*. Homewood, IL: Dorsey.

Статья поступила в редакцию 20.06.2014.

.....

NETWORK STRUCTURE «GOVERNANCE» AS A METHOD OF SYMMETRICAL POLITICAL COMMUNICATION

A. V. Abramenko, T. A. Podshibyakina

Anna Vasilievna Abramenko, lecturer of the Chair of Conflict Resolution Studies and National Safety, Southern Federal University. E-mail: a.v.abramenko@list.ru.

Tatiana Aleksandrovna Podshibyakina, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Docent of the Chair of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University. E-mail: tan5@bk.ru.

The article is focused on the symmetry/asymmetry of the political communication in the conditions of the network interaction of the actors in the system of the political administration. The role of the structure "governance" for the formation of the symmetrical political communication is analyzed.

Governance appears as communication of a special type, being a mechanism of keeping freedom and equality as well as implementing dialogue and cooperation which organize the political process following the model of political subjects»interaction symmetry. The symmetrical communication of the governance type is not hierarchic by its nature. It is entirely built according to the communication patterns, produced by the actors. Communicating, political subjects produce the rules of conduct and resource allocation within the network and create a certain context of the political interaction, consisting of a set of reasonable conduct strategies and actions of the participants. The symmetrical nature of governance furthers the appearance of a special network ethos, in which the mutual responsibility for the accomplishment of political purposes and the continuity of the knowledge development play the key role.

Studying the network structure "governance", the authors identify the factors, influencing the development of the asymmetrical political communication, e.g., the level of the actors»interaction, nature of the administration form in a state, the peculiarities of the political discourse, and the prescribed hierarchy of the administration system. The significant attention is focused on the mechanisms of the functioning of the political communication as a system, particularly, communicative recursion and reversion, and information and communication technologies, especially, e-governance, strategic management and modelling.

The authors have concluded that the political relationship of the governance type transform the political communication from a channel for the information transfer into the system,

producing the political elements by means of an information exchange and interaction and generating itself.

Key words: network approach, governance, symmetrical/asymmetrical political communication.

References

1. Bang, H. P. (Eds.) (2003). *Governance as social and political communication*. Manchester University Press.
2. Bauman, Z. (2001). *Community: Seeking Safety in an Insecure World*. Cambridge Polity Press.
3. Bevir, M. (2013). *A theory of Governance*. University of California Press.
4. Bevir, M. & Richards, D. (2009). Decentering policy network: a theoretical agenda. *Public administration*, 87 (1), 3-14.
5. Borzel, T. (1997). What's So Special About Policy Networks? An Exploration of the Concept and Its Usefulness in Studying European Governance. *European Integration online Papers (EIoP)*, 1 (16), 1-24.
6. Crozier, M. (2006). Rethinking political communication as recursive governance. Retrieved from http://paperroom.ipsa.org/papers/paper_5240.pdf.
7. Enroth, H. (2011). Policy network theory. In M. Bevir (Eds.) *The SAGE handbook of Governance* (pp. 19-36). London: SAGE publications Ltd.
8. Espeyo, R. (2004). The footprint of complexity: the embodiment of social systems. *Kybernetes*, 33 (3/4), 671-700.
9. Jordan, G. (1990). Sub-governments, policy community and network: refilling the bottles? *Journal of theoretical politics*, 2 (3), 319-338.
10. Kenis, P. & Volker, S. (1991). Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox. In B. Marin, R. Mayntz (Eds.). *Policy networks: empirical evidence and theoretical considerations* (pp. 25-62) Boulder/Frankfurt: Campus/Westview Press.
11. Luhmann, N. (1992). Autopoiesis: What is communication? *Communication Theory*, 2 (3), 251-259.
12. Morin, E. (1996). A new way of thinking. *UNESCO Courier*, 49 (2), 10-14.
13. Podshibyakina, T. A. (2014). Model' setevogo vzaimodejstviya sub'ektov politiki v processe formirovaniya strategii razvitiya morskoy deyatel'nosti [Model of the network interaction of the political subjects during the strategy elaboration of the maritime activity]. *Inzhenernyj vestnik Dona [Engineering Bulletin of the Don region]*, (3), 1-13.
14. Rhodes, R.A. W. (1997). *Understanding governance: policy network, governance, reflexivity and accountability*. Buckingham: Open University Press.
15. Ripley, R. & Franklin, G. (1981). *Congress, the bureaucracy and public policy*. Homewood, IL: Dorsey.
16. Smorgunov, L. V. (2005). Elektronnoe pravitel'stvo, menedzhment znaniya i administrativnye reformy [Electronic governance, knowledge management and administrative reforms]. *POLITEKS: Politicheskaya ekspertiza [POLITEKS: Political expertise]*, (2), 213-225.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛОББИЗМА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДЕФИЦИТА

.....

Д. Э. Руденкова¹

В настоящей статье рассматривается проблема демократического дефицита в Европейском союзе (ЕС) в контексте участия групп интересов в политическом процессе. Целью статьи является проанализировать причины демократического дефицита и сделать вывод о том, может ли принятие мер по регулированию участия лоббистов в процессе принятия решений способствовать преодолению дефицита демократии в ЕС. В центре внимания статьи — взаимоотношения Европейской комиссии (ЕК) с лоббистами, группами интересов, и возникающие в связи с этим проблемы прозрачности и подотчетности в политической системе ЕС. Рассматриваемая тема приобретает особую актуальность в свете формирования Европейской комиссии нового состава, а также вступления в должность первого избранного Президента Комиссии, который в своей программе в качестве одной из целей обозначил курс на повышение прозрачности политической системы ЕС. В качестве избранной концептуальной основы при рассмотрении проблем демократии за основу взята модель демократического дефицита, разработанная Дж. Вейлером, а затем доработанная С. Хиксом. Поскольку меры регулирования могут носить как добровольный, так и обязательный характер, в статье проведено сравнение эффективности и возможных последствий обоих методов. Для операционализации анализа использованы основополагающие понятия демократии: прозрачность и подотчетность. Соединяя теорию демократического дефицита с подходами к регулированию участия групп интересов, в статье дается объяснение, в каких случаях регулирование лоббизма может способствовать повышению уровня прозрачности и подотчетности и, следовательно, может рассматриваться как способ преодоления демократического дефицита.

Ключевые слова: Европейский союз, Европейская комиссия, лоббизм, группы интересов, демократический дефицит, подотчетность, прозрачность.

В настоящее время под лоббистской деятельностью принято понимать совершение действий, направленных на осуществление влияния на должностных лиц, и особенно на государственных должностных лиц, членов законодательных органов, занимающихся разработкой законодательства. Однако не всякая форма влияния может быть отнесена к лоббизму, а лишь такая деятельность, которая соотнобразуется с соответствующими этическими нормами. В со-

¹ Руденкова Дарья Эдуардовна — младший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, Москва, Россия. Эл.почта: rudenkova.daria@gmail.com

временных демократиях лоббизм является важным и необходимым элементом в политической системе, служащим для формирования экономической и социальной политики [Eising, 2005]. Любая демократическая политическая система должна предусматривать правила для участников политического процесса, и ЕС не исключение. Регулирование участия групп интересов особенно важно в свете того, что Евросоюз характеризуется высокой степенью ориентированности на гражданское общество.

Под группами интересов в настоящей статье понимаются организованные акторы, чья профессиональная деятельность не связана с политикой, но которые преследуют политические цели. Например, политическая партия, как и многочисленные неформальные объединения, не является группой интересов, если они не имеют цели отстаивать свои интересы в институтах власти. В качестве равнозначного синонима группам интересов может быть применено понятие «лоббисты», поскольку в данной статье рассматриваются группы интересов, которые пытаются активно повлиять на принятие политических решений.

Европейская комиссия (ЕК) постоянно выступает с инициативами, которые призваны привлечь группы интересов к участию в процессе принятия решений с тем, чтобы получить экспертную информацию, заручиться лояльностью и повысить уровень демократической легитимности. Особенно это касается неправительственных организаций. Вместе с тем ЕК подвергается критике за дефицит демократии, нехватку прозрачности и отсутствие регулирования в том, что касается привлечения групп интересов (как корпоративных, так и гражданских) к консультациям и экспертной деятельности. Таким образом, ЕК находится между молотом и наковальней. Соединяя теорию демократического дефицита с подходами к регулированию участия групп интересов, попытаемся дать объяснение, в каких случаях регулирование лоббизма способствует повышению уровня прозрачности и подотчетности и, следовательно, может рассматриваться как способ преодоления демократического дефицита.

Демократический дефицит в Европейской союзе

Прежде всего следует дать определение понятию «демократия» и «демократический дефицит». Наиболее четкая формулировка была предложена Д. Бифамом, который определил демократию как народный контроль и политическое равенство [Beetham, 1994]. Обе концептуальные составляющие требуют подотчетности, что является ключевым элементом любой демократической системы, будь то национальный или наднациональный уровень. В демократической системе, чиновники и функционеры должны быть ответственны за свои действия и подотчетны, поскольку они отстаивают народные интересы и представляют людей, которые их избрали. Поэтому второй неотъемлемый элемент демократии — это прозрачность, которая служит предпосылкой

для подотчетности. Отсутствие или недостаточная прозрачность ставит под сомнение подотчетность [Persson, 2009]. Разумеется, существует большое количество других более сложных концепций демократической системы в зависимости от интерпретации и мнения ученых. Но, говоря о демократии в ЕС, стремление объять необъятное только усложнит представление о роли групп интересов в демократическом процессе.

Вопрос о демократическом дефиците в ЕС, кажется, никогда не терял своей актуальности. Тем не менее среди исследователей не сформировалось единого мнения и единого подхода к данной проблеме. С одной стороны, такие авторитетные ученые, как Ж. Мажон и А. Моравчик, полагают, что ЕС вовсе необязательно должен отвечать всем тем критериям демократичности, которые используются применительно к суверенным государствам. Более того, Евросоюз уже демократичен настолько, насколько это возможно для наднациональной структуры. Противоположной точки зрения придерживается ученик Ж. Мажона Саймон Хикс, который называет политическое устройство ЕС «просвещенной формой добровольного авторитаризма» [Hix and Follesdal, 2006]. Позиция большинства ученых лежит где-то посередине.

Так называемая стандартная версия демократического дефицита была представлена Вейлером и его коллегами [Weiler and Mayer, 1995], а затем доработана С. Хиксом с учетом европейской специфики и взята им на вооружение. В основе «стандартной версии» лежат пять причин дефицита демократии, которые по-прежнему актуальны для ЕС, несмотря на вступление в силу Лиссабонского договора, который, как ожидалось, будет способствовать преодолению дефицита демократии в ЕС [Hix and Follesdal 2006]. Очевидно, что акценты в политической системе ЕС сместились в сторону «усиления исполнительной власти и ослабления контроля со стороны национальных парламентов» [Hix and Follesdal, 2006; Jans and Piedrafita, 2009], что стало особенно заметно на фоне кризиса зоны евро.

Здесь можно привести контраргумент о том, что усиление роли Европейского парламента (ЕП) есть шаг на пути к более демократичной Европе. С одной стороны, действительно есть четкая тенденция усиления роли ЕП, которая описывается исследователями демократического дефицита, начиная с 1980-х гг. Лиссабонский договор расширил законодательные полномочия ЕП, приравнявая его тем самым к Совету. Кроме важных нововведений в законодательных и бюджетных функциях ЕП — выборы президента Комиссии, что безусловно является важным пунктом для повышения значимости ЕП в институциональном треугольнике Комиссия — Парламент — Совет. Недавно первым избранным президентом Комиссии стал Жан-Клод Юнкер, который будет возглавлять работу кабинета до 2019 г.

Тем не менее наряду с этими позитивными тенденциями в ЕС по-прежнему отсутствуют истинно европейские выборы. Выборы в ЕП 2014 г. поставили во-

прос о вовлеченности групп интересов в избирательный процесс. В отличие от других политических акторов, нет четких статистических данных об их влиянии на результаты голосования и на уровень демократической легитимности. Прошедшие выборы вновь отмечены такими тенденциями, как растущий евроскептицизм, усиление крайне правых партий и, самое главное, устойчивое восприятие выборов в ЕП как второй тур национальных выборов [Nixand Marsh, 2011]. По-прежнему наблюдаются низкая явка избирателей и тенденция протестного голосования против правящих партий. Нехватка чисто европейского элемента в прошедших выборах чревата тем, что позиция граждан ЕС будет иметь минимальное влияние на формирование политической повестки. Поэтому основная проблема — это отсутствие прямой связи между результатами выборов в ЕС и формированием политической повестки ЕС, что в свою очередь имеет последствием кризис легитимности.

Причиной того, что мнение избирателей фактически не имеет связи с формированием политической повестки, является тот факт, что за последние 30 лет возникли абсолютно новые группы интересов, которые не были расценены европейскими политическими партиями в качестве потенциального электората. На первом месте среди таких групп интересов стоят этнические и религиозные сообщества, которые насчитывают около 60 млн чел., что составляет 12% населения Европы. Но, несмотря на тот факт, что данные группы интересов могли бы оказать существенное влияние на результаты выборов в Европейский парламент, мало кто из партий пытался мобилизовать эту часть электората, хотя численно это даже больше, чем электорат всех крайне правых партий вместе взятых. Этнические и религиозные меньшинства, как показывают результаты опросов, отдают свои голоса центристским партиям, как левым, так и правым, пока те способны отстаивать их интересы. Вместе с тем они совершенно не вовлечены в процесс формирования политической повестки дня, поскольку ни одна из партий не считает их своей целевой аудиторией. Конечно, эти группы интересов не могут быть рассмотрены как лоббистские коалиции, однако они могли бы внести свой вклад в демократизацию. На фоне снижения явки избирателей на выборы в ЕП и нездорового внимания СМИ к крайним партиям проевропейски ориентированные избирательные округа кажутся особенно уязвимыми. Налицо необходимость изменения стратегии в привлечении электората. Поэтому ангажирование этнических и религиозных меньшинств вполне может стать частью решения этой задачи.

Другой аспект европейского демократического дефицита — дистанцированность ЕС от своих граждан как в институциональном отношении, так и в психологическом. Несмотря на все попытки ЕС расположить к себе рядовых европейцев, последние результаты опроса «Евробарометр» показывают самую низкую степень доверия среди граждан к институтам Евросоюза с 2004 г. [Eurobarometer, 2014], что красноречиво свидетельствует о нехватке доверия и

легитимности в отношении европейских институтов. И этому есть свои причины. Прежде всего, ЕК и Совет неподотчетны избирателям, и едва ли о главных институтах ЕС можно сказать, что они формируются демократическим путем. Наряду с этим институты и политический процесс ЕС сильно отличаются от национальных институтов и процессов в странах-участницах, что, безусловно, осложняет понимание европейской политики и способствует отдалению рядовых граждан, причем не безосновательно: вся картина распределения функций, полномочий и ответственности между институтами и всей системой комитологии сложна для восприятия с первого раза. Особенно, если учесть, что эта система постоянно меняется и эволюционирует.

Наконец, наблюдается четкая тенденции политического смещения на над-национальный уровень: на уровне ЕС принимаются решения, которые не пользуются популярностью внутри стран-участниц и едва ли могли быть одобрены на национальном уровне. Примером тому может послужить недавний экономический кризис и принятие мер жесткой экономии, к которым европейские институты свыше обязывали национальные правительства. Конечно, это не является общей практикой, но все же институциональная система ЕС позволяет проводить политику, осуществление которой было бы затруднительно на национальном уровне из-за таких сдерживающих факторов, как парламент, судебная система, национальные группы давления. Общая сельскохозяйственная политика и неолиберальное регулирование единого рынка ЕС служат ярким тому подтверждением. Такое явление политического смещения подверглось жесткой критике со стороны социал-демократов за нехватку прозрачности и подотчетности [Chryssochoou, 2010], а также за включенность групп интересов в процесс принятия решений [Scharpf, 1999].

Участие групп интересов в процессе принятия решений

Среди всех европейских институтов наибольшей критике за нехватку прозрачности всегда подвергалась Комиссия [Heard-Laureote, 2010]. Разнородность функций ЕК, с которыми мы сталкиваемся сегодня, своей причиной имеет изначальное стремление Жана Моне соединить в этом органе функциональных представителей из разных стран, оказывающих поддержку техническим экспертам. В дальнейшем технократическая и элитарная природа ЕК вышла на первый план наряду со слабой демократической легитимностью [Featherstone, 1994]. ЕК обвиняли в том, что она стала «черным ящиком», где решения принимают технократы, которых никто не избирал на их должности. Поэтому с конца 1990-х гг. Комиссия запустила ряд новых инициатив с целью решить вопрос с нехваткой легитимности.

Европейская комиссия, безусловно, является лидером среди других институтов ЕС по взаимодействию с группами интересов. Как орган, обладающий правом законодательной инициативы, Комиссия больше других нуждается в

проведении всеобъемлющей экспертной оценки своих предложений, что довольно сложно обеспечить, располагая ограниченными ресурсами и не прибегая к помощи извне. Но открытость Комиссии обусловлена не столько нехваткой ресурсов, сколько стремлением найти компромисс между заинтересованными сторонами. Более того, от участия групп интересов зависит и последующее успешное внедрение или отторжение принятого решения, что напрямую сказывается на легитимности и эффективности работы Комиссии. Именно поэтому Комиссия открыта — зачастую она берет на себя совещательные и консультативные функции, стимулируя игроков всех уровней доводить до Комиссии свое мнение.

Вместе с тем для лоббистов Комиссия привлекательна именно своей ключевой функцией в процессе принятия решений: именно на начальных стадиях выработки предложений, еще до предварительного опубликования, легче всего оказывать влияние и продвигать свои интересы [Greenwood, 2003]. Процесс обсуждения готовящегося предложения начинается в Совещательном комитете (Advisory Committee), в который входят представители национальных, наднациональных и секторальных интересов. Именно на этом этапе Комиссия вовлекает в дискуссию сторонних экспертов, что позволяет подойти к решению вопроса комплексно, учесть максимальное количество позиций. В распоряжении Комиссии также есть такой метод, как проведение открытых консультаций с дальнейшим опубликованием зеленых, а потом и белых книг, о которых стоит сказать отдельно. Так Зеленая книга (Green Paper) выпускается Комиссией и призвана стимулировать дискуссию по заявленной проблеме. Заинтересованные лица приглашаются к участию в обсуждении. На основе внесенных в Зеленую книгу предложений и поправок Комиссия, как правило, выпускает Белую книгу. В Белой книге содержатся конкретные предложения по принятию Сообществом мер в определенных сферах. Если Белая книга получает одобрение Совета, то это может послужить основанием для выработки целой программы действий в какой-либо области. Еще одной возможностью для оказания влияния лоббистами является Ежегодное программное заявление Комиссии, которое содержит программу действий на следующий год.

Стимулируя активность и внимание групп интересов, Комиссия таким образом восполняет собственную потребность в технической экспертизе и информации. На деле число функционеров, работающих в Комиссии, не столь велико — всего около 30000 чел., что гораздо меньше, чем бюрократические системы большинства стран-участниц [Broscheid and Coen, 2007]. Это создает условия, при которых Комиссия испытывает нехватку в сотрудниках и одновременно перегружена (*understaffed and overstressed*) [Greenwood, 2003]. Поэтому Комиссия вынуждена полагаться на представителей корпоративных интересов, общественных организаций, для чего создаются консультативные комитеты, в работе которых лоббисты принимают непосредственное участие

[Greenwood, 2003]. Такая форма взаимодействия с Комиссией дает группам интересов возможность прямого влияния на принятие решений. Комиссия такая форма взаимодействия обеспечивает легитимность «на входе». Она старается укрепить свои отношения с теми группами интересов, которые последовательно снабжают ее ценной информацией. Для этого Комиссия поощряет развитие сетей между группами интересов, чьи позиции имеют точки соприкосновения. Благодаря этому вокруг Комиссии формируется консолидированный круг избранных, чье мнение и потребности, несомненно, имеют большое значение [Richardson, 2001]. Другими словами, Комиссия стремится к тому, чтобы каждое ее предложение было основано на насущных вопросах, которые вызывали бы отклик у как можно более широкой аудитории. Именно из-за нехватки человеческих ресурсов Комиссия предоставляет доступ представителям групп интересов, которые обеспечивают ее значительной частью экспертной информации, что в конечном счете повышает легитимность «на выходе», а значит, и эффективность работы Комиссии. Среди таких консультантов Комиссии есть особо привилегированные и доверенные, которые являются постоянными членами в консультативных органах и чье сотрудничество с Комиссией стало каждодневной работой и даже рутиной. Несомненно, это позволяет им доносить свое мнение более эффективно [Broscheid and Coen, 2007].

Несмотря на то что граждане ЕС избирают свой Парламент, который должен представлять их интересы, Комиссия должна организовывать представительство интересов (будь то корпоративные или гражданские), чтобы поддерживать легитимность «на входе», а значит, и поддержку своих решений. Именно стремление Комиссии обеспечить легитимность и исполнение своих решений толкает ее к сотрудничеству с группами интересов. Консультации с лоббистами позволяют составить мнение о позиции стейкхолдеров по заданному вопросу в целом.

Подключая к дискуссии представителей частных и общественных интересов, Комиссия обходит на своем пути помеху в виде национальных правительств [Christiansen, 2005]. Действительно, Комиссия крайне заинтересована в консолидированной позиции гражданского общества, потому что это укрепляет ее позиции и позволяет принимать решения в определенных сферах в обход мнению национальных правительств [Bouwen, 2002]. Как отмечает Г. Хаузер, «проводя консультации напрямую с группами частных и общественных интересов по вопросам повестки дня, ЕК тем самым обходит стороной правительства стран-участниц» [Hauser, 2011].

Таким образом, ЕК выборочно привлекает к процессу принятия решений группы интересов в качестве экспертов для того, чтобы, во-первых, восполнить нехватку демократического участия и, во-вторых, повысить эффективность в имплементации своих политических решений [Kohler-Koch and Eising, 1999]. Сегодняшняя ситуация не претерпела существенных изменений, за ис-

ключением должности президента Комиссии, который с вступлением в силу Лиссабонского договора избирается Парламентом. Следует отметить, что проблема демократического дефицита официально признается Жан-Клодом Юнкером, первым избранным президентом ЕК. В своей программе Ж.-К. Юнкер отмечает необходимость демократических преобразований и высказывается о намерении «повышать уровень прозрачности в тех аспектах, которые касаются взаимодействия со стейкхолдерами и лоббистами» [Junker, 2014].

Сложившая практика взаимодействия между ЕК и группами интересов свидетельствует о смещении акцентов в сторону неокорпоративизма [Coen, 2007]. С одной стороны, сторонники такого типа политической организации считают, что участие групп интересов в консультациях с ЕК способствует большей стабильности политической системы, повышает уровень легитимности и эффективности [Broscheid and Coen, 2007; Michalowitz, 2005; Heard-Laureote, 2010]. С другой стороны, такие аргументы могут быть истолкованы как весьма натянутые и ограниченные. Во-первых, можно ли быть уверенным в том, что участие лоббистов в политическом процессе согласуется с общим европейским интересом? Во-вторых, какой тип регулирования отношений между ЕК и лоббистами позволит сделать участие групп интересов в политическом процессе максимально полезным? Наконец, возможно ли посредством регулирования участия групп интересов преодолеть проблему демократического дефицита?

Регистрация лоббистов: добровольная или обязательная?

Принимая во внимание то, что в силу своей загруженности ЕК не может обойтись без привлечения групп корпоративных и гражданских интересов, следует признать, что единственный способ определить, кто заслуживает такой привилегии, а кто нет — это по меньшей мере соответствующее регулирование их участия. По мнению Д. Канол, «регулирование лоббизма соответствует принципу, согласно которому любые группы интересов, которые стремятся участвовать в процессе принятия решений, должны подчиняться правилам» [Kanol, 2012]. Будучи самым популярным институтом для лоббистов, Комиссия, как ни странно, не предусматривает никакого регулирования доступа для групп интересов. Разумеется, нельзя не принять во внимание ряд попыток ЕК ввести различные кодексы поведения и регистры для лоббистов в рамках «Европейской инициативы по обеспечению прозрачности»².

Продолжая курс на повышение уровня прозрачности процесса принятия решений в ЕС, Комиссия во главе с Ж.М. Баррозо выработала «Европейскую инициативу по обеспечению прозрачности», которая включала в себя административные вопросы, аудит и борьбу со злоупотреблениями. В документе подчеркивалось, что все усилия будут направлены на повышение уровня прозрачности при распределении средств через фонды ЕС и на эффективное взаи-

² European Transparency Initiative – ETI.

модействие институтов ЕС с многочисленными группами интересов. Коллегия комиссаров ЕС приняла решение о необходимости сформировать межведомственную рабочую группу для анализа вопросов, связанных с прозрачностью, и выработки комплекса регулятивных мер. Впоследствии, изучив отчет рабочей группы, ЕК опубликовала Сообщение о запуске «Инициативы», целью которой было обеспечить прозрачность информации о трех категориях групп давления, которые взаимодействуют с институтами ЕС: лоббистских структурах, бенефициарах структурных фондов ЕС и структурах, принимающих участие в процедурах публичных консультаций.

В мае 2006 г. Комиссией была опубликована Зеленая книга, в которую вошли предложения по регулированию взаимоотношений с лоббистами [European Commission, 2006]. В ней было предложено установить процедуру добровольной регистрации в специальном реестре. Для прохождения регистрации необходимо было выполнить два условия: во-первых, принять положения разработанного Комиссией кодекса поведения, который был одобрен профессиональными ассоциациями лоббистов. Следует отметить, что кодекс минимально отличался от тех критериев этического поведения, которые были изложены в приложении к сообщению Комиссии от 1992 г. Во-вторых, профессиональные лоббисты должны были предоставлять информацию о своих клиентах, включая информацию о размерах гонораров. В качестве «пряника» за соблюдение данных условий Комиссия обязалась оповещать лоббистов о проведении публичных консультаций по тем направлениям политики, которые интересовали лоббистов и их клиентов. В Зеленой книге впервые предусматривались санкции вплоть до исключения из реестра. Также Комиссия предупредила, что в случае непопулярности добровольной регистрации эта процедура может стать обязательной, хотя точно такое же заявление в 1992 г. не произвело желаемого эффекта.

Тем не менее спустя годы после запуска этой инициативы не последовало никаких видимых результатов. Как выяснилось в ходе ряда проверок [EU Observer, 2010], информация, которую лоббисты вносят о себе в регистр, далеко не всегда отражает истинное положение дел, особенно когда дело касается источников финансирования [Greenwood, 2011]. В этом нет ничего удивительного, так как регистрация не является обязательной. Поэтому едва ли можно утверждать, что добровольная регистрация имела хоть какое-то влияние на повышение уровня прозрачности. В целом «Европейская инициатива прозрачности» не оправдала возлагаемых на нее надежд в силу указанных причин [ALTER-EU, 2009; ALTER-EU, 2012]. В вопросах участия групп интересов ставка на их способность к саморегулированию также потерпела крах [Chari, 2010].

Как заметил Р. С. Чари, «основная необходимость для введения регулирования участия групп интересов заключается в том, что общественность должна иметь представление о механизмах, посредством которых лоббисты привле-

каются к принятию политических решений, а также иметь возможность контролировать эти механизмы с тем, чтобы понимать, как принимаются политические решения [Chari, 2010]. Введение обязательного регистра для лоббистов действительно могло бы способствовать повышению уровня прозрачности и подотчетности. Кроме того, это гарантировало бы разным группам интересов равные возможности доступа к политическому участию.

Попытки многих исследователей определить ключевые составляющие успешного лоббирования приводят к выводу, что информационное обеспечение и финансовые ресурсы являются главными слагаемыми успеха [Bouwen, 2004]. Именно поэтому на первый взгляд может показаться, что группы деловых интересов пользуются преимуществом, в то время как группы гражданских интересов ущемлены, что в действительности не совсем так. Последние эмпирические исследования, проведенные профессором Х. Клювер, преодолевают противоречия и ограниченность ранних выводов о том, что необходимо для успешного отстаивания интересов в институтах исполнительной власти. Х. Клювер считает, что «лоббирование — это коллективное предприятие, в котором информация, гражданская поддержка и экономические возможности единой коалиции лоббистов влияют на исход всей кампании» [Klüver, 2012].

Важно, что поддержка гражданского общества в трактовке Х. Клювер рассматривается в качестве одного из главных факторов, определяющих успех лоббирования. А это значит, что даже без жесткого регулирования практика лоббирования не так порочна, как порой воспринимается учеными и активистами. Ведь для того, чтобы провести успешную кампанию, необходимо принимать во внимание гражданские интересы. Еще одним важным моментом в подходе Х. Клювер стало представление о лоббистских коалициях не как об отдельных игроках, но как об «общности акторов, которые преследуют одну политическую цель» [Klüver, 2012]. Это означает, что лоббирование является не индивидуальным предприятием, а сложным коллективным процессом, в котором участвует сразу несколько групп интересов, включая корпоративные и гражданские. Будучи объединенными одной политической целью, они пытаются повлиять на принятие политических решений с наилучшим для себя исходом.

Хорошей иллюстрацией здесь служит пример лоббистской кампании, имевшей место в момент обсуждения регламента, определяющего критерии, когда макулатура перестает быть отходами [Commission, 2013]. ЕК предложила изменить критерий, когда бумага перестает считаться отходами. По действующему законодательству это момент, когда бумага попала на перерабатывающее предприятие, по проекту нового регламента — более ранняя стадия сбора и сортировки бумаги. Комиссия полагала, что принятие данной меры будет способствовать повышению качества собираемой макулатуры и уменьшит административные издержки. Европейский сектор по переработке бумаги разделился на две коалиции: продавцы макулатуры (возглавляемые Европейской ас-

социацией по переработке бумаги³), которые ратовали за принятие регламента, и перерабатывающие предприятия (во главе с Ассоциацией европейских производителей бумаги⁴), которые выступали против принятия регламента. Несмотря на разность позиций, в каждую из коалиций входили не только бизнес-гиганты, но и профсоюзы, а также неправительственные организации. Используя СМИ, они пытались привлечь внимание общественности, придать обсуждению этого вопроса общеевропейский размах. В итоге с обеими сторонами ЕК провела консультации, которые затем продолжились в парламентском Комитете по окружающей среде, здравоохранению и продовольственной безопасности⁵, пока ЕП в конце концов не отклонил проект регламента. Данный пример одновременно демонстрирует усиление роли ЕП, поскольку регламент был возвращен на доработку в ЕК со следующей формулировкой: «Проект регламента Комиссии превышает исполнительные полномочия, которыми наделена Комиссия согласно базовому акту» [European Parliament, 2013].

Еще один весомый аргумент в пользу подхода Х. Клювер был предложен Д. Коэном и А. Катсайтисом, по мнению которых «было бы слишком просто считать, будто группы деловых интересов доминируют во всех сферах политики» [Coenand Katsaitis, 2013], что согласуется с элитарно-плюралистическим типом политической организации. До этого Д. Коэн совместно с Дж. Ричардсоном выявили ограничения данного подхода при определении характера взаимоотношений между Комиссией и группами интересов. В качестве альтернативы они предложили так называемый конъюнктурный плюрализм (*chameleonpluralism*), согласно которому доминирующий тип групп интересов, их количество и степень активности напрямую зависят от сферы политики, а также возраста и возможностей Генерального директората, ответственного за принятие решений [Coenand Richardson, 2009].

Анализируя различные кампании по лоббированию, можно легко найти подтверждение выводам Д. Коэна. Ярким примером могут служить «сельдевые войны», разразившиеся между Комиссией и Фарерскими островами. Несмотря на крайнюю заинтересованность частных рыболовных компаний и даже правительств стран — участниц ЕС в разрешении этого спора, Генеральный директорат по морским делам и рыболовству, будучи ключевым стейкхолдером по этому вопросу, крайне труднодостижим для лоббистов. Это объясняется тем, что рыболовная политика находится в совместном ведении относительно давно, с 1970 г. За это время не только сформировались методы и инструменты проведения политики, но и сложилась внушительная экспертная база, ряд исследовательских институтов и обсерваторий⁶, которые в полной мере снабжа-

³ European Recovered Paper Association – ERPA.

⁴ The Confederation of European Paper Industries – CEPI.

⁵ The Committee on the Environment, Public Health and Food Safety – ENVI.

⁶ Научно-технической и экономической Комитет по рыболовству – Scientific, Technical and

ют профильный Генеральный директорат необходимой информацией, чтобы прибегать к помощи лоббистов. На данной стадии у лоббистов чрезвычайно мало возможностей доступа к процессу принятия решений.

Согласно установленной процедуре, если Генеральный директорат решает учредить новую группу экспертов, то для этого необходимо только одобрение Генерального секретариата ЕК без какого бы то ни было дальнейшего обнародования результатов работы. Экспертная группа может быть как формальной, так и неформальной. Формальные группы формируются только по специальному решению ЕК или согласно правовому акту, что по меньшей мере требует временных затрат, в то время как учреждение неформальных экспертных групп не требует предоставления официальной отчетности и результатов деятельности группы. Поэтому огромное количество существующих экспертных групп при Комиссии носит неформальный характер и не подотчетно ей, что, конечно же, является большим преимуществом для лоббистов. Только обязательная регистрация лоббистов положит конец такого рода незарегистрированным консультациям.

Повышение уровня прозрачности и подотчетности в работе ЕК возможно только с введением обязательной регистрации лоббистов наряду с системой санкций. Последнее слово в этом вопросе остается за ЕК, которая должна принять соответствующее решение и сделать информацию о своих экспертах открытой. Очевидно, что без обязательной регистрации лоббистов и свободного доступа к информации об экспертах невозможно говорить о прозрачности в работе ЕК, поэтому проблема демократического дефицита сохранится.

Способствует ли регулирование групп интересов большей демократизации ЕС?

Последствия регулирования практики лоббирования весьма противоречивы. Следует признать, что на данный момент учеными не установлена прямая взаимосвязь между регулированием представительства интересов и демократией. Тем не менее положительный эффект от введения регулирования деятельности лоббистов едва ли может быть оспорен, в то время как отсутствие регулирования лишь усугубляет политическое неравенство групп интересов, потому что лучше слышны голоса тех, кто обладает финансовыми ресурсами и социальной поддержкой, нежели более скромных, но не менее важных участников консультаций [Saurugger, 2008].

Безусловно, введение регулирования лоббизма будет иметь ряд последствий. Например, ведение лоббистской деятельности и участие в лоббистских кампаниях станет более затратно, а значит, ограничит участие некоторых

Economic Committee for Fisheries.

Обсерватория европейского рынка по рыболовству и аквакультуре – European Market Observatory for Fisheries and Aquaculture Products.

групп интересов, что абсолютно нормально для любого политического процесса. Одновременно регулирование лоббизма определенно способствует повышению уровня прозрачности и подотчетности — главных составляющих демократии. В связи с этим введение регулирования участия групп интересов в политическом процессе может быть рассмотрено как способ преодоления дефицита демократии в ЕС. Однако введение этой меры все-таки имеет ограниченное воздействие и не может быть рассмотрено как единовременное решение вопроса. Демократический дефицит является систематической проблемой, которая требует решения на всех уровнях, а не только на уровне представительства интересов. Помимо регулирования лоббирования необходимо также принимать другие меры, чтобы преодолеть дефицит демократии в Евросоюзе.

Библиографический список

1. ALTER-EU. (2009). The Commission's Lobby Register One Year On: Success or Failure? Retrieved from <http://www.alter-eu.org/documents/2009/06/lobby-register-fails-transparency-test>
2. ALTER-EU. (2012). Transparency Register Remains Opaque and Poorly Scrutinised. Retrieved from <http://www.alter-eu.org/documents/2012/09/shortcomings-transparency-register>
3. Beetham, D. (1994). *Democracy and Human Rights*. Cambridge: Polity Press.
4. Bouwen, P. 2004. Exchanging Access Goods for Access: A Comparative Study of Business Lobbying in the European Union Institutions. *European Journal of Political Research*, 43 (3), 337-369.
5. Bouwen, P. (2002). Corporate Lobbying in the European Union: The Logic of Access // *Journal of European Public Policy*, 9 (3), 365-390.
6. Broscheid, A. & Coen, D. (2007). Lobbying Activity and Fora Creation in the EU: Empirically Exploring the Nature of the Policy Good. *Journal of European Public Policy*, 14 (3), 346-365.
7. Chari, R. S., Murphy, G. & Hogan, J. (2010). *Regulating Lobbying: A Global Comparison*. Manchester: Manchester University Press.
8. Christiansen, T. (2005). The European Commission: the European Executive Between Continuity and Change // *European Union: Power and Policy Making* / Ed. J. Richardson. London: Routledge.
9. Chrysoschoou, D. N. (2010). Europe's Contested Democracy. In *European Union Politics* / ed. by M. Cini & B. N. Perez-Solorzano (pp. 377-389). Oxford: Oxford University Press.
10. Coen, D. & Katsaitis A. (2013). Chameleon Pluralism in the EU: an Empirical Study of the European Commission Interest Group Density and Diversity across Policy Domains. *Journal of European Public Policy*, 20 (8), 1104-1119.
11. Coen, D. & Richardson J. (2009). Learning to Lobby the European Union: 20 Years of Change. In *Lobbying the EU*/ed. by D. Coen & J. Richardson (pp. 1-13). Oxford: Oxford University Press.

12. Coen, D. (2007). Empirical and Theoretical Studies in EU Lobbying. *Journal of European Public Policy*, 14 (3), 333-345.
13. Eising R. (2005). The Access of Business Interest to European Institutions: Notes Towards a Theory. Retrieved from URL: https://www.sv.uio.no/arena/english/research/publications/arena-publications/workingpapers/working-papers2005/wp05_29.pdf
14. EU Observer. (2010). EU Lobbyist Register Blasted as Wildly Inaccurate. Retrieved from <http://euobserver.com/9/30910?rk=1>
15. Eurobarometer. (2014). Public Opinion in the European Union. Retrieved from http://ec.europa.eu/citizenship/pdf/spring_eurobarometer_july_2014.pdf
16. European Commission. (2013). Proposal for a Council Regulation on Defining Criteria Determining When Recovered Paper Ceases to be Waste Pursuant to Article 6 (1) of Directive 2008/98/EC on waste. Brussels. Retrieved from [http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/com/com_com\(2013\)0502_/com_com\(2013\)0502_en.pdf](http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/com/com_com(2013)0502_/com_com(2013)0502_en.pdf)
17. European Commission. (2006). A Green Paper on European Transparency Initiative. Brussels. Retrieved from URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52006DC0194: EN: NOT>
18. European Parliament. (2013). Resolution of 10 December 2013 on the Draft Council Regulation on Defining Criteria Determining When Recovered Paper Ceases to be Waste Pursuant to Article 6 (1) of Directive 2008/98/EC on waste (D021155/01-2012/2742 (RPS)). Retrieved from <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+MOTION+B7-2013-0553+0+DOC+XML+V0//EN>
19. Featherstone, K. (1994). Jean Monnet and the Democratic Deficit in the European Union. *Journal of Common Market Studies*, 32 (2), 149-170.
20. Greenwood, J. (2003). *Interest Representation in the European Union*. Basingstoke: Palgrave MacMillan.
21. Greenwood, J. (2011). The Lobby Regulation Element of the European Transparency Initiative: Between Liberal and Deliberative Models of Democracy. *Comparative European Politics*, 9 (3), 317-343.
22. Hauser, H. (2011). European Union Lobbying Post-Lisbon: an Economic Analysis. *Berkeley Journal of International Law*, 29 (2), 680-709.
23. Heard-Laureote, K. (2010). *European Union Governance: Effectiveness and Legitimacy in European Union Commission*. London: Taylor and Francis Group.
24. Hix, S. & Follesdal, A. (2006). Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik. *Journal of Common Market Studies*, 44 (3), 533-562.
25. Hix, S. & Marsh, M. (2011). Second-Order Effects Plus Pan-European Political Swings: An analysis of European Parliament elections across time. *Electoral Studies*, (30), 4-15.
26. Jans, T. & Piedrafita, S. (2009). The Role of National Parliaments in European Decision-Making. *EIPAscope*, (1), 19-26.
27. Junker, J.-C. (2014). A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change. Retrieved from http://ec.europa.eu/about/junker-commission/docs/pg_en.pdf
28. Kanol, D. (2012). Should the European Commission enact a mandatory lobby register? *Journal of Contemporary European Research*, 8 (4), 519-529.

29. Klüber, H. (2013). Lobbying as a Collective Enterprise: Winners and Losers of Policy Formulation in the European Union. *Journal of European Public Policy*, 20 (1), 59-76.
30. Kohler-Koch, B. & Eising, R. 1999. *The Transformation of Governance in the European Union*. London: Routledge.
31. Michalowitz, I. (2005). Assessing Conditions for Influence of Interest Groups in the EU. *Political Science Series*, (106), 1-28.
32. Persson, T. (2009). Civil Society Participation and Accountability. In *The Illusion of Accountability in the European Union*/ed. by S. Gustavsson, C. Karlsson & T. Persson (pp. 141-154). New York: Routledge.
33. Richardson, J. (2001). *Policy Making in the EU: Interests, Ideas and Garbage Cans of Primeval Soup. European Union Power and Policy Making*/Ed. J. Richardson (pp. 3-30). London: Palgrave.
34. Saurugger, S. (2008). *Interest Groups and Democracy in the European Union. West European Politics*, 31 (6), 1274-1291.
35. Scharpf, F. W. (1999). *Governing in Europe: Effective and Democratic?* Oxford: Oxford University Press.
36. Weiler, J.H. H., Ulrich R.H. & Mayer, F. (1995). European Democracy and its Critique. *West European Politics*, 18 (3), 4-39.

.....

LOBBYING REGULATION IN THE EUROPEAN UNION AS A WAY TO OVERCOME DEMOCRATIC DEFICIT

D. E. Rudenkova

Daria Rudenkova, Junior Research Associate, Institute of World Economy and International Relations of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: rudenkova.daria@gmail.com

This article contributes to the discussion surrounding involvement of interest groups in the political process of the European Union. My purpose here is to inspect current political studies on democratic deficit of the EU and try to find out which mode of lobbying regulation could mostly contribute to overcoming the democratic deficit. The article is focused on the European Commission's cooperation with lobbyists and groups of interest especially taking into consideration the newly formed Commission and the first President-elect into power. The analysis is based on two major democratic notions: accountability and transparency. The issue of the democratic deficit of the European Union seems to have been there forever. Yet there is no common attitude among scholars to this problem. Bringing theoretical considerations on democratic deficit with lobbying regulation approaches, I argue that an adequate regulation of interest groups representation increases accountability and transparency and, therefore, it can be considered to be a method to deal with the problem of the democratic deficit. The results suggest that attempts of self-regulation did not bring the desired effect, which is why mandatory regulation is expected to be more effective. At the same time, I have discovered a range of limitations of mandatory regulation, and my take on it is also exposed in this article.

Key words: European Union, European Commission, lobbying, interest groups, democratic deficit, accountability, transparency.

СОЦИАЛЬНО-СРЕДОВЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ ВКЛЮЧЕНИЯ ХУДОЖНИКА В ПРОЦЕСС ТВОРЧЕСКОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

.....

Г. Б. Горская, В. С. Егорова¹

В статье рассматриваются разноуровневые компоненты социальной среды творческой самореализации художника, их влияние на становление личности и творческой индивидуальности. Анализ социально-средовых факторов творческой самореализации проводился на основе теоретических концепций, раскрывающих строение жизненного мира человека, контекста профессиональной деятельности, таких как экологическая концепция психического развития У. Бронфенбреннера, контекстные концепции профессиональной деятельности, акмеологический анализ творческой самореализации А. А. Бодалева.

Приведены эмпирические доказательства влияния на творческую самореализацию особенностей культуры, в которой она происходит, гендерных стереотипов, статуса меньшинства в организации, организационной культуры, особенностей семейного воспитания. Показана высокая значимость таких особенностей социального контекста художественного творчества, как: неопределенность и изменчивость критериев оценки творческих достижений; противоречивое сочетание значимости творческой индивидуальности художника и обусловленности признания творческих достижений их соответствием эстетическим приоритетам социума; соответствие условий работы индивидуальным регуляторным ориентациям; раннее начало профессионального развития, с одной стороны, способствующее закреплению внутренней мотивации творческого развития, с другой стороны, порождающее повышенную критичность по отношению к себе вследствие опыта постоянного межличностного сравнения по критерию творческой успешности.

В качестве личностных ресурсов включения художника в социальный контекст профессиональной деятельности рассматриваются внутренняя мотивация профессионального развития, готовность к принятию ответственности за выбор творческой судьбы и к преодолению противоречий на пути творческой самореализации. Барьером, препятствующим освоению социального контекста творческой самореализации художников, оказывается противоречивость отношения к социальному окружению, сочетающего отстраненность и недоверчивость со стремлением к пониманию и принятию.

Ключевые слова: творческая самореализация, социальный контекст, макрофакторы и микрофакторы творческой самореализации, личностные ресурсы, субъектные свойства личности.

¹ Горская Галина Борисовна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. Эл. почта: gorskayagalina@mail.ru;

Егорова Виктория Сергеевна – аспирант, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма. Эл. почта: gorskayagalina@mail.ru.

Художественное творчество — это не только творческое самовыражение, но и межличностная коммуникация (Кривцун, 2009). С позиций культурно-исторической теории искусство рассматривается как неотъемлемый компонент социально-исторического опыта, а художественное творчество — как способ его накопления и трансляции. Понимание художественного творчества как межличностной коммуникации требует рассмотрения того, каковы условия, в которых она происходит, каковы особенности включения художника в социальный контекст творческой самореализации. Статья посвящена их анализу.

По классификации А. К. Марковой (1996), профессия художника относится к категории творческих, профессиональная деятельность в которых не имеет жесткой связи с нормативно заданными образцами, в которых профессионал сам определяет планы своей деятельности, применяет в процессе труда нестандартные, авторские методы. Для творческих профессий, по мнению А. К. Марковой, характерно и то, что часто творец опережает свое время и рискует в силу этого быть непонятым и не признанным современниками. К проблемным аспектам социальной ситуации профессионального становления художников следует отнести и неопределенность критериев профессиональной успешности и предпосылок профессионального признания.

Творческая самореализация происходит в ситуации противоречия между необходимостью сохранения художником своей индивидуальности и зависимостью подтверждения творческой состоятельности от не зависящих от него художественных приоритетов и предпочтений, сложившихся в социуме. Готовность принять неизбежность этого противоречия, рассматривать его как неустранимое условие творческой деятельности, безусловно, требует высокой личностной зрелости художника.

Свойственное художникам стремление к успеху, к признанию, получению позитивной оценки результатов художественного творчества не является единственным побуждением к деятельности. Художнику как никому другому свойственно стремление к персонализации, к тому, чтобы его произведения произвели преобразования в понимании жизни у зрителей, к тому, чтобы публика восприняла его понимание жизни, приобщилась к его ценностям (Петровский, 1990).

Потребность в персонализации проявляется в стремлении художников привлечь к себе внимание, подчеркнуть собственную индивидуальность как своими произведениями, так и собственным поведением, иногда нарочито экстравагантным (Кривцун, 2009). Другим и более глубоким проявлением потребности в персонализации является стремление художника найти людей, отзывчивых к его ценностно-смысловым и эстетическим приоритетам, готовым проявить понимание смысла художественных произведений. Поиск понимающей аудитории сочетается у художника с опасением негативного отношения как к собственным произведениям, так и к себе как личности. Противоречивое со-

четание стремления к поиску понимания со стороны окружающих и опасения не встретить его проявляется в отмечаемых учеными трудностях социальной адаптации творческих людей (Дубынин, 2004; Крылова, 2007; Кулагина, 2011).

Идея рассмотрения жизненной среды как фактора личностного развития и творческой самореализации привела к пониманию чрезвычайной сложности жизненного мира, необходимости выявления его основных структурных элементов с целью дифференцированного рассмотрения их влияния на жизнедеятельность человека. Примерами такого подхода могут служить экологическая концепция психического развития У. Бронфенбреннера и контекстный подход в рамках проблематики управления человеческими ресурсами (Bronfenbrenner, 1979; Jackson, Schuler, 1995).

Как известно, У. Бронфенбреннер подразделил окружающую человека среду на микросреду, мезосреду, экосреду, макросреду, определив возможное влияние каждого из перечисленных компонентов окружающей среды на психическое развитие.

Анализ средовых факторов профессиональной самореализации личности содержится в работах А.А. Бодалева (1998), посвященных акмеологическим проблемам. В них детально рассматриваются макро- и микрофакторы, обуславливающие достижение личностью пика профессионального развития. К макрофакторам, сказывающимся на особенностях профессионального развития, А.А. Бодалев относит социально-экономические условия общества, особенности конкретного исторического времени, социальную принадлежность профессионала, конкретную социальную ситуацию профессионального становления, существующие в обществе социальные стереотипы, связанные, например, с возрастом и полом профессионала. Действие этих факторов, как и любых других, трансформируется, по характеристике С.Л. Рубинштейна (2003), внутренними условиями, важнейшим из которых является активность личности, обусловленная ее ценностно-смысловыми приоритетами и зрелостью.

Значимость социальных макрофакторов для профессионального развития в современных условиях вполне очевидна. Стремительные изменения, обусловленные как социокультурными факторами, так и факторами социально-экономического характера, сказываются на востребованности различных профессий, их престижности в глазах социума, на доступности образования, на возникновении наряду с новыми возможностями профессиональной самореализации разного рода ограничений на пути профессионального развития.

В исследованиях, посвященных современным социальным условиям художественного творчества, подчеркивается характерное для них ослабление цензурных ограничений, расширение возможностей развития различных направлений художественного творчества, появление новых сфер художественного творчества, например, связанного с информационными технологиями. Вместе с тем отмечается ограниченность финансовой поддержки художественного твор-

чества, трудности нахождения художниками своего места в профессиональном сообществе, что особенно сильно сказывается на тех из них, кто решил включиться в новые социокультурные условия, например, оказавшись в эмиграции (Денисова, 2012; Коробко, 2006; Магидович, 2005; Мурзина, 2011; Шекова, 2010).

В зарубежных исследованиях рассматривается специфика культуры, в условиях которой происходит творческая самореализация, влияние социокультурных факторов на художественное творчество и иные проявления творческого начала в человеке (Коноплева, Гаранина, 2007; Lubart, 1990). Ряд исследований посвящен соотношению проявления творческих начал у представителей индивидуалистических и коллективистических культур. В этих исследованиях констатируется преимущественное проявление креативности у представителей индивидуалистических культур по сравнению с коллективистическими. Такие данные приводятся в исследованиях, где сопоставлялись проявления креативности у китайцев как представителей коллективистической культуры и американцев, представляющих индивидуалистическую культуру (Jao, Wang, Dang, Wang, 2012; Zho, Walzyk, Griffith-Ross, Tobachyk, Walzyk, 2006).

Суммируя результаты анализа социокультурных средовых регуляторов художественного творчества и творческой самореализации художника, М. А. Магидович относит к наиболее значимым из них статус художника в глазах общества, возможность профессиональной самореализации, которая обусловлена рынком художественного труда и продуктов художественного творчества, зависимость творческой самореализации от оценок публики и профессионального сообщества. Характерным элементом современных реалий является отмечаемая специалистами в области художественного творчества, особенно прикладного, динамичность рынка художественной продукции, быстрота изменения спроса на нее. Все эти факторы относятся к недоступным для контроля личности, а следовательно, выступают источником эмоционального напряжения, неуверенности в достижении творческой самореализации, источником настороженности по отношению к социальному окружению, во взаимодействии с которым художник раскрывает свою творческую индивидуальность (Магидович, 2004; Магидович, 2005).

При всей значимости социокультурных факторов творческой самореализации художника для психологического анализа более значимы компоненты социальной среды, которые Р. Валлеранд (1997) характеризует как контекстные, связанные со спецификой деятельности, в которой личность раскрывает свои способности. Контекстные факторы близки факторам мезосреды в понимании У. Бронфенбреннера.

Контекст деятельности неизбежно содержит противоречия между личностными ресурсами, ценностно-смысловыми приоритетами личности и объективными условиями деятельности, во взаимодействии с которыми личность раскрывает свои способности (Росс, Нисбетт, 2000).

Социально-психологическая адаптация к контекстным особенностям творческой самореализации может происходить различным образом. Способы социально-психологической адаптации могут варьировать от попыток преобразования не соответствующей потребностям личности социальной среды до ухода от контакта с нежелательными ее составляющими (Коржова, 2009).

Как контекстный фактор творческой самореализации рассматриваются условия, в которые входят принятые организационные нормы, гендерные предпочтения, влияющие на склонность проявлять творчество в конкретной ситуации (Windels, 2011). Исследования показали, что мужчины более проявляют креативность в организациях с индивидуалистическими нормами отношений, а женщины — в организациях с коллективистическими ориентациями. В то же время, если организация находится в ситуации острой конкуренции с другими организациями, то и мужчины, и женщины решают более креативно стоящие перед ними задачи в организациях с коллективистическими нормами отношений.

Исследования свидетельствуют о гендерных различиях в характере взаимосвязей показателей креативности и свойств личности (Bender, Nibbelink, Towner-Thyrum, Vredenburg, 2013). Общей особенностью взаимосвязей этих показателей у мужчин и женщин, оказалось наличие положительных корреляционных связей показателей креативности с показателями открытости новому опыту, экстраверсией, устойчивостью к социальному давлению, активности и импульсивностью. Различает мужчин и женщин большая гармоничность взаимосвязей показателей креативности с показателями личностных свойств у мужчин по сравнению с женщинами. У мужчин креативность положительно коррелирует с удовлетворенностью собой, нечувствительностью к критике со стороны окружающих, нестандартным восприятием действительности. У женщин картина взаимосвязей показателей креативности и личностных свойств оказывается более противоречивой. С одной стороны, у женщин отмечены корреляции показателей креативности с очень критичной оценкой своей способности оправдать ожидания окружающих. С другой стороны, креативность оказывается взаимосвязанной с показателями оптимизма, ожидания успеха во взаимоотношениях с окружающими, комфорта в межличностных отношениях.

Возможные причины сложности и противоречивости взаимосвязей показателей креативности и личностных свойств у женщин — субъектов творческой деятельности выявлены в исследовании К. Винделз (2011), в котором выявлялось влияние на креативность статуса меньшинства в группе (Windels, 2011). По данным К. Винделз, женщины — представительницы творческих профессий, как правило, составляющие меньшинство в организации, реже, чем мужчины, становятся лидерами творческих проектов, меньше получают профессиональных наград и других подтверждений профессионального признания. На этом основании она делает вывод о том, что меньшинство группы реже проявляет креативность, чем большинство.

Еще один контекстный регулятор творческой самореализации представлен в исследовании Р. Фридман, Д. Фостер (2001). Авторы его назвали фактором регуляторного соответствия. Суть его заключается в том, что степень проявления креативности зависит от того, насколько условия работы соответствуют индивидуальным регуляторным ориентациям, в качестве которых рассматриваются установки на активное воплощение своих замыслов либо на предотвращение возможных неприятностей на этом пути.

Существенное влияние на проявление креативности оказывает фактор оценивания (Amabile, Goldfarb, Brackfield, 1990). Ожидание оценки снижает креативность. Влияние оценивания значительно больше, чем фактор наблюдения за работой со стороны либо наблюдения со стороны коллеги при совместном решении творческой задачи.

Роль оценивания в становлении готовности к творческой самореализации усиливается в образовательной среде учебных заведений для одаренных детей в силу сужения круга критериев межличностного сравнения и их практического сведения к одному — успешности в той деятельности, которую осваивают учащиеся (Кондратьев, 2005; Щебланова, Цой, 2013). Следствием воздействия этой особенности образовательной среды учебных заведений для одаренных детей становится ухудшение социально-психологического климата, усиление скрытой или явной конкуренции, снижение самооценки у тех учащихся, кто не входит в категорию наиболее успешных. Связь высокой успеваемости по художественным дисциплинам и самооценки, гармоничности соотношения уровня притязаний и самооценки показана в исследовании Т. А. Юшко (1997). Болезненностью ситуации постоянного испытания самооценки объясняется, по-видимому, то, что для учащихся художественных учебных заведений характерна либо неуверенность в себе, либо склонность неадекватно завышать самооценку (Батухтина, 2009).

К микросредовым социальным факторам, значимым для успешного профессионального становления, А. А. Бодалев (1998) относит влияния, исходящие от общности людей, с которыми личность находится в непосредственном контакте. Это семья, друзья-сверстники, педагоги, с которыми личность взаимодействует на разных ступенях образования. Микросреда характеризуется А. А. Бодалевым как источник неоднозначных влияний. Она может выступать и как ресурс поддержки личностного и профессионального становления, и как фактор, препятствующий ему.

Одним из наиболее значимых компонентов микросреды, безусловно, является семья. Поэтому ее влиянию на развитие креативности и вероятность самореализации в избранной области посвящено много исследований. В исследовании Кохани (2005) показано, что особенности семейного окружения могут предопределить направление развития творческой одаренности. По данным ученого, литературные способности детей, воспитанных в различающихся по

благополучию взаимоотношений семьях, раскрылись по-разному. Дети из благополучных семей, отличающихся гармоничными отношениями, вовлеченностью в социальные отношения и интересом к ним, стали журналистами. Дети, воспитывающиеся в семьях со сложными взаимоотношениями, предпочли стать писателями. Правда, автор указывает и на различия между двумя группами детей по их индивидуально-психологическим особенностям. Будущие писатели оказались менее общительными, имеющими интересы, отличные от интересов большинства детей, в то время как будущие журналисты разделяли интересы своих сверстников и легко находили с ними общий язык.

Как фактор, затрудняющий развитие креативности, отмечен авторитарный стиль родительского воспитания (Fearon, Copeland, Saxon, 2013; Liu, Zhang, Zhang, Lee, Wang, Brounell, 2013). В то же время вовлеченность родителей в дела детей, их поддержка оказывается ресурсом, способствующим развитию креативности. Поддержка родителей тем более важна для одаренных детей, что они отличаются более низким уровнем социализации, меньшим субъективным благополучием по сравнению с неодаренными сверстниками (Runco, Albert, 2005).

Условием творческой самореализации художника является поддержка или, по крайней мере, принятие семьей профессионального выбора. Однако будущие художники получают поддержку со стороны семьи далеко не всегда. Это показано в исследовании субъективной картины жизненного пути студентов-художников, проведенном Ю.С. Пожемской (2012). По ее данным, у большинства студентов-художников родители имеют профессии, далекие от сферы художественного творчества, что затрудняет принятие ими выбора детей в пользу творческой профессии. Эмоциональный комфорт студентов-художников тем больше, чем более они находят возможность совместить творческие устремления с профессиональной самореализацией в сферах, близких к профессиональным интересам родителей.

Важность поддержки со стороны родителей для студентов-художников обусловлена тем, что они воспринимают свой жизненный путь как эмоционально напряженный и высказывают надежду на преодоление эмоциональной напряженности за счет поддержки семьи и других близких людей.

Приведенные данные подтверждают неразрывность художественного творчества и включения художника в другие сферы жизни, взаимосвязи особенностей образа жизни, взаимоотношений с социальным окружением и особенностей творческой реализации (Кривцун, 2000). Вместе с тем они доказывают правомерность утверждения, что понимание психологических предпосылок творческой реализации художника возможно только при рассмотрении личности творца в контексте его жизнедеятельности.

Эмпирические данные подтверждают факт, что художник в процессе творческой самореализации неизбежно сталкивается с противоречием между сво-

ими творческими возможностями, ценностно-смысловыми приоритетами и внешними условиями, в которых происходит творческая самореализация. В связи с этим возникает вопрос о том, за счет каких ресурсов возможно смягчение этих противоречий либо их принятие как объективного условия творческой деятельности.

Исследования показывают, что сформулированная проблема во многом разрешается за счет субъектных свойств личности (Абульханова, 2002; Брушлинский, 2002). На это указывают данные Е. Ю. Коржовой (2009) о том, что конструктивное и активное включение во взаимодействие с окружающей средой более свойственно людям с субъектной позицией. Доказательство того, что способность к преобразованию сложной жизненной ситуации обусловлена субъектными свойствами личности приводит и А. Н. Демин (2012). Самостоятельность в постановке жизненных целей, определении ценностно-смысловых ориентиров, свойственная людям, обладающим субъектными свойствами личности, делает их устойчивыми к зависти окружающих (Шамионов, 2010), способными противостоять перфекционистским требованиям социума (Распопова, 2012).

Анализ степени личностной готовности студентов-художников к включению в социальный контекст творческой самореализации показал, что очевидным ее личностным ресурсом является высокая внутренняя мотивация, закрепляемая благодаря раннему включению в освоение мастерства (Егорова, 2012). Но длительное нахождение в образовательной среде учреждения, в котором происходит освоение изобразительного искусства, с характерным для него повышением значимости межличностного сравнения по успехам в приобретении мастерства, скрытой и явной конкуренцией, вызывает и другой эффект: снижение уверенности в себе и самопринятия, недоверчивое отношение к социальному окружению (Кондратьев, 2005). Недоверие и настороженность по отношению к социальному окружению сочетается у студентов-художников с не всегда осознаваемой сильной ориентацией на социальное окружение, от которого зависит успешность обусловленной социальным признанием творческая самореализация (Егорова, 2012а). В то же время многим студентам-художникам не хватает ответственности, необходимой для принятия последствий собственного профессионального выбора, предполагающего существование в сложном и полном противоречий социальном контексте творческой самореализации (Егорова, 2011).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что проблема включения субъекта творческой деятельности в многоуровневый социальный контекст творческой самореализации заслуживает самого пристального внимания и дальнейшего исследования (Горская, 2003; Gao, Arnulf, Kristoffsen, 2011). Важно и то, что психологическая поддержка становления личностной готовности будущего художника к включению в социальный контекст творческой самореализации должна стать неотъемлемым компонентом художественного образования.

Библиографический список

1. Абульханова, К. А. (2002). Рубинштейновская категория субъекта и ее различные методологические значения. *Психология индивидуального и группового субъекта*. В А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова (ред.) (с. 34-53). М.: ПЭР СЭ.
2. Батухтина, Т. В. (2009). *Структура адаптационного потенциала художественно одаренной личности*: дис.... канд. психол. наук. СПб.
3. Бодалев, А. А. (1998). *Вершина в развитии взрослого человека: характеристика и условия достижения*. М.: Флинта; Наука.
4. Брушлинский, А. В. (2002). *О критериях субъекта*. *Психология индивидуального и группового субъекта*. В А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова (ред.) (с. 9-33). М.: ПЭР СЭ.
5. Горская, Г. Б. (2003). Жизненный контекст бытия личности. *Ежегодник Российского психологического общества: материалы 3-го Всероссийского съезда психологов*. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2, 432-434.
6. Демин, А. Н. (2009). О границе преобразовательной активности субъекта. *И бытие: субъектный подход* (с. 107-120). М.: Издательство «Институт психологии РАН».
7. Денисова, С. Н. (2012). *Формирование творческой готовности к профессиональной деятельности будущих художников палехской лаковой миниатюрной живописи*: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб.
8. Дубынин, И. А. (2004). Особенности социальной адаптации художественно одаренных учащихся. *Психологическая наука и образование*. 1, 22-27.
9. Егорова, В. С. (2011). Особенности социально-психологической адаптации и ответственности студентов различных специальностей. *Вестник Адыгейского государственного университета*. 3, 158-167.
10. Егорова, В. С. (2012). Особенности мотивации учебной деятельности и личностного развития художников и экономистов. *Вестник Российской академии образования*. 1 (59), 47-50.
11. Егорова, В. С. (2012а). Влияние ближайшего социального (семейного и внесемейного) окружения на развитие личности в процессе получения художественного образования. *Теория и практика общественного развития*. 10, 82-84.
12. Кондратьев, М. Ю. (2005). *Социальная психология закрытых образовательных учреждений*. СПб.: Питер.
13. Коноплева, Н. А., Гаранина, Е. Ю. (2007). *Творческая личность в современном обществе. Гендерный и кросскультурный аспект*. Владивосток: Дальнаука.
14. Коржова, Е. Ю. (2009). Человек как субъект жизнедеятельности: основные психологические феномены. *Субъектный подход в психологии*. В А.А. Журавлёв, В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко (ред.) (с. 173-185). М.: Издательство «Институт психологии РАН».
15. Коробко, Г. Ю. (2006). *Профессиональная подготовка художников-педагогов в условиях вариативных форм и средств изобразительной деятельности*: дис. ... канд. пед. наук. Краснодар.
16. Кривцун, О. А. (2000). *Личность художника как предмет психологического анализа*. М.: Издательство литературного института им. А.М. Горького.

17. Кривцун, О. А. (2009). *Психология искусства*. М.: Высшая школа.
18. Крылова, М. А. (2007). *Специфика проявления креативности и социально-психологической адаптации в подростковом и юношеском возрасте*: дис. ... канд. психол. наук. СПб.
19. Кулагина, И. В. (2011). *Влияние творческой самореализации на социально-психологическую адаптацию студентов*: дис. ... канд. психол. наук. М.
20. Магидович, М. А. (2005). *Профессиональная идентичность художника и социокультурные механизмы ее формирования*: дис. ... д-ра социол. наук. М.
21. Магидович, М. А. (2004). Профессиональная идентичность художника. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 7 (3), 139-152.
22. Магидович, М. А. (2005). Профессиональные стратегии художников-эмигрантов. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 8 (2), 127-141.
23. Маркова, А. К. (1996). *Психология профессионализма*. М.: Знание.
24. Мурзина, С. М. (2011). *Формирование профессионально-компетентной культуры художника-дизайнера*: дис. ... д-ра пед. наук. М.
25. Петровский, В. А. (1996). *Проблема личности в психологии: парадигма субъектности*. Ростов н/Д.: Издательство «Феникс».
26. Пожемская, Ю. С. (2012). Субъективная картина становления жизненного пути студентов художественных специальностей. *Интегративный подход к психологии человека и социальному взаимодействию людей: материалы II Всероссийской научно-практической (заочной) конференции* / Под ред. М.С. Волхонской, А.В. Микляевой. — Московская область: СВИБТ, 94-104.
27. Распопова, А. С. (2012). *Возрастные особенности проявления перфекционизма в спорте*: автореф. дис.... канд. психол. наук. Краснодар.
28. Росс, Л., Нисбетт, Р. (2000). *Человек и ситуация. Уроки социальной психологии*. М.: АСПЕКТ-ПРЕСС.
29. Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб.: Питер.
30. Шамионов, Р. М. (2010). Взаимосвязь субъектных свойств личности и склонности к зависти. *Известия Саратовского университета. 10. Серия: Философия. Психология. Педагогика*, 4, 93-98.
31. Шекова, Е. А. (2010). Проблема мотивации работников творческого труда. *Некоммерческие организации России*, 5. Режим доступа <http://www.nkor.ru>
32. Щепланова, Е. И., Цой, А. Б. (2013). Социально-психологическая адаптация одаренных учащихся с различными видами интеллектуальных способностей. *Психологические исследования*, 6 (31). Режим доступа <http://www.psystudy.ru>
33. Юшко, Т. А. (1997). *Когнитивное и личностное развитие подростков художественных школ*: дис. ... канд. психол. наук. М.
34. Amabile, T. M., Goldfarb, P. & Brackfield, C. (1990). Social influences on creativity: evaluation, coactions, and surveillance. *Creativity research journal*, 3 (1), 6-21.
35. Bender, S. W., Nibbelink, B., Towner-Thyrum, E. & Vredenburg, D. (2013). Defining characteristics of creative women. *Creativity research journal*, 25 (1), 38-47.
36. Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development*. MA: Harvard university press.

37. Fearon, D. D., Copeland, D. & Saxon, T. F. (2013). The relationship between parenting style and creativity in a sample of Jamaican children. *Creativity research journal*. 25 (1), 119-128.
38. Friedman, R. S. & Foster, J. (2001). The effect of promotion and prevention cues on creativity. *Journal of personality and social psychology*. 81. 1001-1013.
39. Gao, J., Arnulf, J. K. & Kristoffersen, H. (2011). Exploring the need to contextualization. *Scandinavian Journal of Management*. 27 (1), 55-65.
40. Jackson, S. E. & Schuler, R. S. (1995). Understanding human resource management in the context of organizations and their environment. *Annual review of psychology*. 46, 237-264.
41. Jao, X., Wang, S., Dang, J. & Wang, L. (2012). The role of individualism-collectivism in the individual creative process. *Creativity research journal*, 24 (4), 296-303.
42. Kohanyi, A. (2005). Turning inward versus turning outward: a retrospective study of childhoods of creative writers versus journalists. *Creativity research journal*, 17 (4), 309-320.
43. Liu, G., Zhang, S., Zhang, J., Lee, C., Wang, Y. & Brounell, M. (2013). Autonomous motivation and Chinese adolescents' creative thinking: the mediating role of parental involvement. *Creativity research journal*, 25 (4), 446-456.
44. Lubart, T. I. (1990). Creativity and cross-cultural variation. *International journal of psychology*, 25 (1), 39-59.
45. Runco, M. A. & Albert, R. S. (2005). Parents personality and creative potential of exceptionally gifted boys. *Creativity research journal*. 17 (4), 355-367.
46. Vallerand, R. J. (1997). Toward hierarchical model of intrinsic and extrinsic motivation. *Advances in experimental social psychology*. 29, 271-360.
47. Windels, K. (2011). What is a number? Minority status and implication for creative activity. *Creativity research journal*. 23 (4), 321-329.
48. Zho, P., Walzyk, J. J., Griffith-Ross, D. A., Tobachyk, J. J. & Walzyk, D. F. (2006). The impact of culture and individualism-collectivism on creative potential and achievement of American and Chinese adults. *Creativity research journal*, 18 (3), 385-396.

Статья поступила в редакцию 20.09.2014.

.....

SOCIAL AND ENVIRONMENT MODULATORS OF AN ARTIST'S INVOLVEMENT INTO THE PROCESS OF CREATIVE SELF-REALIZATION

G. B. Gorskaya, V. S. Egorova

Galina Borisovna Gorskaya, Doctor of Science (Psychological Science) Professor, Head of the Chair of Psychology of Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism. E-mail: gorskayagalina@mail.ru.

Viktorija Sergeevna Egorova, postgraduate student of Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism. E-mail: gorskayagalina@mail.ru.

The article considers different-level components of social environment of an artist's creative self-realization, their influence on achievement of personhood and creative individuality. Analysis of social environment factors of creative self-realization was carried out on the basis

of theoretical concepts revealing the structure of human's lifeworld, as well as the context of professional activity, e.g. U. Bronfenbrenner's ecological framework of human development, context concepts of professional activity, A. A. Bodalev's acmeological analysis of creative self-realization.

Empirical evidence are given to prove influence of peculiarities of culture, where self-realization takes place, gender stereotypes, minority status in an organization, features of family education on creative self-realization. The article shows high relevance of such peculiarities of social context of artistic creativity as ambiguity and variability of artistic achievements evaluation, ambivalent combination of an artist's creative individuality importance and dependence of artistic achievement recognition on their compliance to aesthetic priorities of social medium; correspondence of working conditions to individual regulatory orientations; early beginning of professional development, which promotes enhanced intrinsic motivation for artistic development, on the one hand, and on the other, increased self-criticism due to the experience of continuous interpersonal comparison of the creative success.

Intrinsic motivation of professional development, readiness to accept responsibility for the choice of creative path and to overcome controversies on the way of artistic self-realization are considered as personal resources of an artist's involvement into social context of professional activity. Contradictory of attitude to social environment combining distance and suspiciousness with aspiration to be understood and accepted appears to be the barrier preventing assimilation of social context of an artist's creative self-realization.

Key words: creative self-realization, social context, macrofactors and microfactors of creative self-realization, personal resources, subjective characteristics of a personality.

References

1. Abul'hanova, K. A. (2002). Rubinshtejnovskaja kategorija sub#ekta i ee razlichnye metodologicheskie znachenija [Rubinstein's concept of subject and its different methodological meanings]. *Psihologija individual'nogo i gruppovogo sub#ekta* [Psychology of group and individual subject]. In A. V. Brushlinskij, M. I. Volovikova (red.) (p. 34-53). M.: PER SE.
2. Batuhina, T. V. (2009). *Struktura adaptacionnogo potenciala hudozhestvenno odarennoj lichnosti* [Structure of adapting potential of a person with artistic talent]: dis. ... kand. psihol. nauk. SPb.
3. Bodalev, A. A. (1998). *Vershina v razvitii vzroslogo cheloveka: harakteristika i uslovija dostizhenija* [Peak of an adult development: characteristics and conditions to achieve it]. M.: Flinta; Nauka.
4. Brushlinskij, A. V. (2002). O kriterijah sub#ekta [Criteria of a subject]. *Psihologija individual'nogo i gruppovogo sub#ekta* [Psychology of individual and group subject]. In A. V. Brushlinskij, M. I. Volovikova (red.) (p. 9-33). M.: PER SE.
5. Gorskaja, G. B. (2003). Zhiznennyj kontekst bytija lichnosti. [Life context of the existence of a personality]. *Ezhegodnik Rossijskogo psihologicheskogo obshhestva: materialy 3-go Vserossijskogo s#ezda psihologov* [Yearly Periodical of the Russian Psychological Society: Material of the 3rd Russian gathering of psychologists], 2, 432-434.
6. Demin, A. N. (2012). O granice preobrazovatel'noj aktivnosti sub#ekta [The limits of transforming activity of a subject]. *Lichnost' i bytie: sub#ektnyj podhod* [Personality and existence; subject approach] (pp. 56-64). Moscow: Publishing House Institut psihologii RAN.

7. Denisova, S. N. (2012). *Formirovanie tvorcheskoy gotovnosti k professional'noj dejatel'nosti budushhih hudozhnikov palehskoj lakovoj miniatjurnoj zhivopisi* [Forming creative readiness to professional activity of the future artists of Palekh miniature]: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. SPb.
8. Dubynin, I. A. (2004). Osobennosti social'noj adaptacii hudozhestvenno odarenykh uchashhihsja [Peculiarities of social adaptation of the students gifted in art]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 1, 22-27.
9. Egorova, V. S. (2011). Osobennosti social'no-psihologicheskoy adaptacii i otvetstvennosti studentov razlichnykh special'nostej [Peculiarities of social and psychological adaptation as well as responsibility of students with different specialties]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Adygei State University], 3, 158-167.
10. Egorova, V. S. (2012a). Osobennosti motivacii uchebnoj dejatel'nosti i lichnostnogo razvitiya hudozhnikov i jekonomistov [Peculiarities of motivation of educational activity and personal development of artists and economists]. *Vestnik Rossijskoj akademii obrazovaniya* [Bulletin of Russian Academy of Education], 1 (59), 47-50.
11. Egorova, V. S. (2012b). Vlijanie blizhajshego social'nogo (semejnogo i vnesemejnogo) okruzenija na razvitie lichnosti v processe poluchenija hudozhestvennogo obrazovaniya [Influence of the closest social (family and non-family) environment on the development of a personality in the process of artistic education]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 10, 82-84.
12. Kondrat'ev, M. Ju. (2005). Social'naja psihologija zakrytykh obrazovatel'nykh uchrezhdenij [Social Psychology of the closed educational institutions]. SPb.: Piter.
13. Konopleva, N. A. & Garanina, E. Ju. (2007). *Tvorcheskaja lichnost' v sovremennom obshhestve. Gendernyj i krosskul'turnyj aspekt* [Creative person in the modern society. Gender and cross-cultural aspect]. Vladivostok: Dal'nauka.
14. Korzhova, E. Ju. (2009). *Chelovek kak sub#ekt zhiznedejatel'nosti: osnovnye psihologicheskie fenomeny. Sub#ektnyj podhod v psihologii* [Human as a subject of life activity: major psychological phenomena. Personality and existence: subject approach]. In A. L. Zhuravlev, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, E. A. Sergienko (red.) (p. 173-185) M.: Institut psihologii RAN.
15. Korobko, G. Ju. (2006). *Professional'naja podgotovka hudozhnikov-pedagogov v uslovijah variativnykh form i sredstv izobrazitel'noj dejatel'nosti* [Professional training of the artists-teachers in the conditions of different form and means of artistic activity]: dis. ... kand. ped. nauk. Krasnodar.
16. Krivcun, O. A. (2000). *Lichnost' hudozhnika kak predmet psihologicheskogo analiza* [Personality of an artist as an object of psychological analysis]. M.: Izd-vo literaturnogo institute im. A. M. Gor'kogo.
17. Krivcun, O. A. (2009). *Psihologija iskusstva* [Psychology of art]. M.: Vysshaja shkola.
18. Krylova, M. A. (2007). *Specifika projavlenija kreativnosti i social'no-psihologicheskoy adaptacii v podrostkovom i junosheskom vozraste* [Specific character of creativity emergence and social and psychological adaptation in teenage and adolescent age]: dis. ... kand. psihol. nauk. SPb.
19. Kulagina, I. V. (2011). *Vlijanie tvorcheskoy samorealizacii na social'no-psihologicheskiju adaptaciju studentov* [Influence of creative self-realization on social and psychological adaptation of students]: dis. ... kand. psihol. nauk. M.

20. Magidovich, M. L. (2005). *Professional'naja identichnost' hudozhnika i sociokul'turnye mehanizmy ee formirovaniya* [Professional Identity of an Artist and Social-cultural mechanisms of its forming]: dis. ... d-ra sociol. nauk. M.
21. Magidovich, M. L. (2004). Professional'naja identichnost' hudozhnika [Artist's Professional Identity]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 7 (3), 139-152.
22. Magidovich, M. L. (2005). Professional'nye strategii hudozhnikov-jemigrantov [Professional strategies of artists-immigrants]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 8 (2), 127-141.
23. Markova, A. K. (1996). *Psihologija professionalizma* [Psychology of professionalism]. M.: Znanie.
24. Murzina, S. M. (2011). *Formirovanie professional'no-kompetentnoj kul'tury hudozhnika-dizajnera* [Forming of professionally competent culture of an artist-designer]: dis. ... d-ra ped. nauk. M.
25. Petrovskij, V. A. (1996). *Problema lichnosti v psichologii: paradigma sub#ektnosti* [Issues of personality in psychology: paradigm of subjectivity]. Rostov n/D.: Izdatel'stvo "Feniks".
26. Pozhemskaia, Ju. S. (2012). Sub#ektivnaja kartina stanovlenija zhiznennogo puti studentov hudozhestvennykh special'nostej [Subject image of the making of the life's way of an art students]. *Integrativnyj podhod k psichologii cheloveka i social'nomu vzaimodejstviu ljudej: materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi (zaochnoi) konferencii* [Integrative approach to human psychology and social interaction of people: proceedings of the 2nd Russian Science and Practice (extramural) conference]/Pod red. M. S. Volhonskoi, A. V. Mikljaevoi. Moskovskaya oblast': SVIVT, 94-104.
27. Raspopova, A. S. (2012). *Vozrastnye osobennosti proiavlennija perfekcionizma v sporte* [Age peculiarities of perfectionism display in sport]: avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk. Krasnodar.
28. Ross, L., Nisbett, R. (2000). *Chelovek i situacija. Uroki social'noj psichologii* [The person and the situation. Lessons of social psychology]. M.: ASPEKT-PRESS.
29. Rubinstein, S. L. (2003). Bitiye i soznaniye [Existence and consciousness]. *Chelovek i mir* [Human and the world]. SPb: Piter.
30. Shamionov, R. M. (2010). Vzaimosvjaz' sub#ektnykh svoystv lichnosti i sklonnosti k zavisti [Interconnection of subject properties and tendency to envy]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. 10 Seriya: Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*, [Bulletin of Saratov University]. 4, 93-98.
31. Shekova, E. L. (2010). Problema motivacii rabotnikov tvorcheskogo truda [Issues of motivation of intellectual labour workers]. *Nekommercheskie organizacii Rossii* [Russian non-profit organizations], 5.
32. Shheblanova, E. I., Coj, A. B. (2013). *Social'no-psichologicheskaja adaptacija odarennykh uchashhihsja s razlichnymi vidami intellektual'nykh sposobnostej* [Social and psychological adaptation of talented students with different types of intellectual abilities]. *Psihologicheskie issledovanija* [Psychological Research], 6 (31).
33. Jushko, T. A. (1997). *Kognitivnoe i lichnostnoe razvitie podrostkov hudozhestvennykh shkol* [Cognitive and personal development of teenagers in artistic schools]: dis. ... kand. psihol. nauk. M.

34. Amabile, T. M., Goldfarb, P. & Brackfield, C. (1990). Social influences on creativity: evaluation, coactions, and surveillance. *Creativity research journal*, 3 (1), 6-21.
35. Bender, S. W., Nibbelink, B., Towner-Thyrum, E. & Vredenburg, D. (2013). Defining characteristics of creative women. *Creativity research journal*, 25 (1), 38-47.
36. Bronfenbrenner, U. (1979). *The ecology of human development*. MA: Harvard university press.
37. Fearon, D. D., Copeland, D. & Saxon, T. F. (2013). The relationship between parenting style and creativity in a sample of Jamaican children. *Creativity research journal*. 25 (1), 119-128.
38. Friedman, R. S. & Foster, J. (2001). The effect of promotion and prevention cues on creativity. *Journal of personality and social psychology*. 81. 1001-1013.
39. Gao, J., Arnulf, J. K. & Kristoffsen, H. (2011). Exploring the need to contextualization. *Scandinavian Journal of Management*. 27 (1), 55-65.
40. Jackson, S. E. & Schuler, R. S. (1995). Understanding human resource management in the context of organizations and their environment. *Annual review of psychology*. 46, 237-264.
41. Jao, X., Wang, S., Dang, J. & Wang, L. (2012). The role of individualism-collectivism in the individual creative process. *Creativity research journal*, 24 (4), 296-303.
42. Kohanyi, A. (2005). Turnung inward versus turning outward: a retrospective study of childhoods of creative writers versus journalists. *Creativity research journal*, 17 (4), 309-320.
43. Liu, G., Zhang, S., Zhang, J., Lee, C., Wang, Y. & Brounell, M. (2013). Autonomous motivation and Chinese adolescents'creative thinking: the mediating role of parental involvement. *Creativity research journal*, 25 (4), 446-456.
44. Lubart, T. I. (1990). Creativity and cross-cultural variation. *International journal of psychology*, 25 (1), 39-59.
45. Runco, M. A. & Albert, R. S. (2005). Parents personality and creative potential of exceptionally gifted boys. *Creativity research journal*. 17 (4), 355-367.
46. Vallerand, R. J. (1997). Toward hierarchical model of intrinsic and extrinsic motivation. *Advances in experimental social psychology*. 29, 271-360.
47. Windels, K. (2011). What is a number? Minority status and implication for creative activity. *Creativity research journal*. 23 (4), 321-329.
48. Zho, P., Walzyk, J. J., Griffith-Ross, D. A., Tobachyk, J. J. & Walzyk, D. F. (2006). The impact of culture and individualism-collectivism on creative potential and achievement of American and Chinese adults. *Creativity research journal*, 18 (3), 385-396.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КАРЬЕР МОЛОДЁЖИ В ПЕРВЫЙ ГОД ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ БАКАЛАВРИАТА

А. Н. Дёмин, А. Б. Седых¹

В рамках лонгитюдного исследования проверялись гипотезы: 1) карьерное самоопределение через продолжение обучения в магистратуре после окончания бакалавриата отличается по своему личностно-психологическому обеспечению от самоопределения через перемещение на рынок труда; 2) в каждой из двух основных линий карьерного развития существуют варианты развития, которые имеют разное личностно-психологическое обеспечение.

На первом этапе лонгитюда в мае-июне 2013 г. были опрошены 142 студента выпускного курса бакалавриата нескольких вузов Краснодара, обучающихся по разным направлениям подготовки. На втором этапе в мае-июне 2014 г. респонденты были опрошены вновь. Удалось связаться с 94 участниками первого опроса. Пройти повторное углублённое обследование согласились 58 чел.

Сопоставление карьер молодых людей, выбравших в качестве основной линии развития обучение в магистратуре ($n = 33$) или работу ($n = 25$), показало дифференцирующую значимость и таких факторов, как уровень успеваемости, уровень ожидаемой социальной поддержки, наличие опыта оплачиваемой работы по профессии, использование планов на этапе окончания бакалавриата; склонность к мобильности (трудовой, территориальной) через год после окончания бакалавриата. Сопоставление четырёх вариантов развития карьеры в рамках этих двух линий продемонстрировало, что варианты развития имеют разное личностно-психологическое обеспечение, в котором важную роль играют различные аспекты планирования будущего, финансовые притязания, оценка ненадёжности будущего, общая самооэффективность, оценка степени реализации латентных функций трудовой занятости, уровень ожидаемой социальной поддержки, наличие дополнительных навыков и умений. В наборе психологических переменных, дифференцирующих линии и варианты карьерного развития, преобладает блок переменных, так или иначе связанных с планированием, целеполаганием, что свидетельствует об их важной роли в карьерном развитии молодёжи в первый год после окончания бакалавриата.

Ключевые слова: карьера, карьерное самоопределение, линия карьерного развития, варианты карьерного развития, бакалавриат, магистратура, рынок труда.

¹ Дёмин Андрей Николаевич – доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru.

Седых Артём Борисович – преподаватель кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета. Эл. почта: artemsed@inbox.ru.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-36-01037 «Психология карьер молодёжи в условиях реформирования высшего образования в России».

В настоящее время довольно остро стоит вопрос самоопределения личности в период окончания профессиональной школы, особенно высшей, поскольку сохраняющийся большой разрыв между рынком профессий и рынком труда, переход к многоуровневой структуре высшего образования создают дополнительную неопределённость в жизненных перспективах молодых людей. Окончание первой ступени высшего образования — бакалавриата открывает две основные линии дальнейшего карьерного развития: поступление в магистратуру (вторая ступень высшего образования) либо перемещение на рынок труда. С каждым годом количество выпускников бакалавриата растёт, равно как растёт и количество выделяемых мест в магистратуре². При этом мы пока не можем сказать, что даёт молодому человеку продолжение образования в магистратуре, а что даёт выход на рынок труда, от каких психологических и социальных факторов зависит данный жизненный выбор.

Зарубежные авторы исследуют разные аспекты становления карьер выпускников. По данным В. Мэйрхофера и др. (Mayrhofer et al., 2005), имеются существенные различия в предпочтениях типов карьеры в связи с поведенческими и личностными особенностями выпускников. М. Линдберг (Lindberg, 2009) обратил внимание на взаимосвязь академической мобильности (прохождение образовательных программ в различных образовательных учреждениях) с особенностями первых этапов карьеры, в частности, карьерной мобильностью. Активно изучаются факторы, влияющие на организационную приверженность выпускников (см., например: Sturges, Guest, 2001), и другие вопросы. В отечественной психологии традиция соответствующих исследований только складывается. Вероятно, массовый характер высшего образования и утверждение его многоуровневой структуры будут способствовать её упрочению.

Цель статьи — выявить психологические характеристики становления карьер молодёжи в первый год после окончания бакалавриата.

Проверялись две гипотезы: 1) о том, что карьерное самоопределение через продолжение обучения в магистратуре после завершения бакалавриата отличается по своему личностно-психологическому обеспечению от самоопределения через перемещение на рынок труда; 2) о том, что в каждой из двух основных линий карьерного развития существуют варианты развития, которые имеют разное личностно-психологическое обеспечение. Теоретическим основанием гипотез выступают различные версии динамического подхода к личности (Абульханова, 1999; Анцыферова, 2004; Платонов, 1986 и др.). Его основные идеи: во-первых, личность рассматривается как живая подвижная системная целостность, которая развёртывает, совершенствует, развивает себя в социально значимой совокупной деятельности, реализующей многообразные

² По данным директора Института развития образования И. Абанкиной, в 2015 г. вузы выпустят около 940 тыс. студентов с первой ступенью образования; количество мест в магистратуре увеличено с 75 тыс. до 175 тыс. (Чернова, 2014).

общественные отношения; во-вторых, перед учёными ставится задача изучения систем личностно-психологического обеспечения этой деятельности, которые в разных сферах будут скорее всего различными; в-третьих, характеристики личности, процесс и результаты её деятельности/активности образуют единство. Идеи динамического подхода оказываются востребованными при осмыслении разных феноменов, в том числе связанных с карьерой личности.

В исследовании используется рабочая модель карьерного самоопределения, учитывающая содержательно пересекающиеся идеи Д. Сьюпера о карьерной адаптивности (см.: Aquilanti, Leroux, 1999; Super, 1990), М. Фьюгейта, А. Киницки, Б. Эшфорта о способности к занятости (2004), М. Артура с коллегами о структуре карьерного капитала (Defillippi, Arthur, 1994; Inkson, Arthur, 2001). Основными составляющими модели являются мотивационные (карьерные притязания, особенности планирования карьеры, готовность к мобильности и риску, отношение к труду и профессии и т.п.), рефлексивные (профессиональная идентичность, переживание ненадёжности своего настоящего и будущего, уровень самооэффективности и т.п.), социально-сетевые компоненты. Данная модель была успешно апробирована в исследованиях безработицы, ненадёжных работ и других составляющих современной карьеры (Дёмин, 2002, 2004 и др.).

Мы используем карьерный понятийный контекст не случайно, хотя более традиционным для отечественной психологии является профессиональный контекст. В литературе встречается утверждение, что профессиональное развитие шире карьеры (Толочек, 2013), хотя в сложившихся научных представлениях в карьеру включается не только профессиональная, но и учебная и непрофессиональная деятельность (например, домашний труд), процессы перемещения между организациями, вход на рынок труда и уход с него и прочие непрофессиональные явления. Карьера сохраняется в условиях размывания профессиональной идентичности людей (Chudzikowski et al., 2009) и депрофессионализации их занятости, т.е. она шире, чем профессиональное развитие личности.

Организация и методы исследования

Гипотезы проверялись в рамках идущего в настоящее время лонгитюдного исследования. На первом этапе лонгитюда в мае-июне 2013 г. были опрошены 142 студента выпускного курса бакалавриата нескольких вузов Краснодара, обучающихся по разным направлениям подготовки (экономика, производственный менеджмент, социальная работа, психология, социология, конфликтология, водные биоресурсы, прикладная математика, программное обеспечение, физика). Для их первичного опроса использовалась комплексная анкета, включавшая вопросы и шкалы, операционализирующие рабочую модель карьерного самоопределения, в том числе: переведённый и адаптированный опросник Д. Холланда, Д. Дайжера, П. Пауэра «My Vocational Situation», позволяющий измерить профессиональную идентичность, восприятие барьеров карьерного раз-

вития, информированность о профессиях и рынке труда (Дёмин, Седых, 2013; Holland, Daiger, Power, 1980); шкалы социально-трудовых притязаний, планов, отношения к карьерной мобильности; модифицированная «Методика измерения ненадёжности работы» (А.Н. Дёмин), направленная на измерение ненадёжности настоящего и будущего; шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В. Ромека и удовлетворённости жизнью; шкалы, направленные на измерение социально-демографических, материальных характеристик респондентов, опыта их работы во время учёбы, успеваемости и др. Дополнительно студентам предлагалось заполнить опросники «Особенности планирования будущего» Е.А. Сомовой (2013), «Личностные факторы принятия решения» Т.В. Корниловой, Social Support Questionnaire (Short Form) И. Сарасона с соавторами (измерение уровня ожидаемой социальной поддержки в трудных жизненных ситуациях в адаптации А.Н. Дёмина, А.Б. Седых), субъективного экономического благополучия (В.А. Хашченко).

На втором этапе в мае-июне 2014 г. респонденты были опрошены вновь. Удалось связаться с 94 участниками первого опроса. Достаточно большое число контактов — номера мобильных телефонов, адреса электронной почты — оказались недействующими на момент опроса, поскольку молодые люди с лёгкостью их меняют. Пройти углублённое обследование согласились 58 чел. Среди них 16 мужчин и 42 женщины, имеющие дипломы бакалавров по всем уже упоминавшимся направлениям подготовки; средний возраст опрошенных — 22 года. По статусу текущей занятости они распределились следующим образом: только учатся в магистратуре 13 чел., учатся в магистратуре (основная занятость) и параллельно работают 20 чел., работают (основная занятость) и учатся либо в заочной магистратуре, либо получают второе высшее образование, либо получают дополнительную квалификацию 9 чел., только работают 16 чел. Иными словами, 33 обследованных (56,9%) выбрали в качестве основной линии карьерного развития обучение в магистратуре, остальные 25 чел. (43,1%) в качестве таковой выбрали работу.

При повторном опросе использовалась комплексная анкета, которая включала часть методик, применённых в первом опросе (адаптированный опросник «My Vocational Situation»; шкалы социально-трудовых планов, отношения к карьерной мобильности; модифицированная «Методика измерения ненадёжности работы», шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема и удовлетворённости жизнью; опросник субъективного экономического благополучия; шкалы, направленные на измерение социально-демографических и материальных характеристик респондентов), а также дополнительно включённые методики (опросник профессионального самоотношения К.В. Карпинского и А.М. Колышко (2010); разработанный в рамках проекта опросник «Психологическая структура занятости», позволяющий оценить реализацию основных функций трудовой занятости, а также степень

Таблица 1

Исходные характеристики, дифференцирующие молодых людей в зависимости от выбора основной линии карьерного развития, по результатам обследования в 2013 г. (период окончания бакалавриата), средние значения

Исходные характеристики	Выбравшие обучение в магистратуре ($n = 33$)	Выбравшие работу ($n = 25$)	Значение t-критерия Стьюдента	Уровень значимости различий
Наличие планов поступать в магистратуру (1→3)	2,73	2,09	3,509	0,001
Использование планов (при достижении значимых результатов, избегании неудач и т.п.) (min — 3, max — 12)	7,87	9,38	-2,655	0,01
Размер «субъективной» помогающей сети	17,48	11,52	2,239	0,029
Наличие опыта оплачиваемой работы по профессии во время учёбы (1→3)	2,12	1,78	2,194	0,03
Средняя оценка успеваемости (1→5)	4,00	3,36	2,119	0,039

вынужденности занятости; шкалы приверженности работе, готовности к межорганизационной мобильности (Walsh, Ashford, Hill, 1985), шкалы, оценивающие характеристики текущей занятости респондента).

Результаты и обсуждение

Сначала была проверена гипотеза о том, что карьерное самоопределение через продолжение обучения в магистратуре после завершения бакалавриата отличается по своему личностно-психологическому обеспечению от самоопределения через перемещение на рынок труда.

Сопоставлялись характеристики молодых людей, выбравших в качестве основной линии карьерного развития обучение в магистратуре ($n = 33$) или работу ($n = 25$) (использовался t-критерий Стьюдента). В анализ включались данные, собранные как в период окончания бакалавриата (табл. 1), так и через год после этого события (табл. 2).

Как следует из табл. 1 и 2, набор характеристик, которыми различаются выпускники бакалавриата, поступившие в дневную магистратуру или выбравшие работу в качестве основной занятости, невелик. Соответствующие намерения сформировались ещё в бакалавриате и оказались устойчивыми, они опирались на разный уровень успеваемости молодых людей и разный уровень ожидаемой социальной поддержки (размер «субъективной» помогающей сети)

Таблица 2

Текущие характеристики, дифференцирующие молодых людей в зависимости от выбора основной линии карьерного развития, по результатам обследования в 2014 г. (через год после окончания бакалавриата), средние значения

Текущие характеристики	Выбравшие обучение в магистратуре (n = 33)	Выбравшие работу (n = 25)	Значение t-критерия Стьюдента	Уровень значимости различий
Наличие планов в течение ближайшего года искать работу, гарантирующую стабильную занятость (1→5, обратная шкала)	2,36	3,42	-2,948	0,005
Наличие планов в течение ближайшего года менять место жительства (1→5, обратная шкала)	4,09	3,13	2,678	0,009
Размер населённого пункта, в котором проживает респондент (1→3, обратная шкала)	1,06	1,36	-2,187	0,033

(табл. 1). Ранее на всей выборке ($n = 142$) было установлено (Дёмин, 2013), что на этапе обдумывания и поиска своей дальнейшей карьеры (т.е. в последние месяцы обучения в бакалавриате) значимыми факторами ориентации на поступление в магистратуру являются более высокие показатели успеваемости в вузе и размера семьи, т.е. мы видим преимущество обсуждаемых факторов во времени. Таким образом, успешность обучения в бакалавриате, свидетельствующая о более основательной подготовленности, способности и желании учиться, реальная и ожидаемая материальная, психологическая и другая поддержка со стороны близких людей важны для поступления в магистратуру.

Выбор магистратуры связан также с наличием у бакалавров опыта оплачиваемой работы по профессии. Возможность соприкоснуться с реальной профессиональной деятельностью по профилю обучения вполне может быть предметом целенаправленных усилий в организации учебного процесса.

Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что молодые люди, обучающиеся в магистратуре, менее склонны к мобильности по сравнению со своими работающими сверстниками (наличие планов в течение ближайшего года искать стабильную занятость и отсутствие таковых по поводу смены места жительства), что вполне объясняется их текущим статусом занятости, ограничивающим мобильность.

Следует отметить, что фактор планов играет существенную роль в дифференциации двух основных линий карьерного развития: из девяти переменных, представленных в табл. 1 и 2, четыре связаны с планированием. К трём

Таблица 3

Исходные характеристики, дифференцирующие молодых людей в зависимости от варианта карьерного развития, по результатам обследования в 2013 г. (период окончания бакалавриата), средние значения

Исходные характеристики	Только учатся в магистратуре (n = 13)	Учатся в магистратуре (основная занятость) и параллельно работают (n = 20)	Работают (основная занятость) и учатся (n = 9)	Только работают (n = 16)
Наличие планов поступать в магистратуру (1→3)	2,77*	2,7*	2,22	2,0**
Использование планов (при достижении значимых результатов, избегании неудач и т.п.) (min — 3, max — 12)	7,64	8,00*	9,75*	9,15
Притязания на будущую зарплату (уровень идеальных целей), р.	22750*	33450	43125	35346*
Индекс ненадёжности будущего	22,77	25,25*	18,56*	24,93
Размер «субъективной» помогающей сети	20,08*	15,80*	17,33	8,25**
Обучение на договорной основе (1→2)	1,0*	1,2	1,44	1,57*

* — существуют статистически значимые отличия от показателей хотя бы одной подвыборки в строке, $p < 0,03$;

** — существуют статистически значимые отличия от показателей двух других подвыборок в строке, $p < 0,02$.

уже рассмотренным переменным добавляется использование планов (при достижении значимых результатов, избегании неудач и т.п.) из опросника «Особенности планирования будущего».

Далее была проверена гипотеза о том, что в каждой из двух основных линий карьерного развития (обучение в магистратуре, перемещение на рынок труда) существуют варианты развития, которые имеют разное личностно-психологическое обеспечение. Соответствующие результаты представлены в табл. 3 и 4. Для сопоставления подвыборок использовался непараметрический U-критерий Манна — Уитни. В табл. 3 и 4 опущены его эмпирические значения, чтобы избежать их загромождения.

Как следует из результатов, представленных в табл. 3, выделение вариантов становления карьер бакалавров не изменило количества исходных дифференцирующих переменных, но при этом появились две новые психологические переменные: финансовые притязания и индекс ненадёжности будущего (восприятие его как тревожного и неустойчивого).

Таблица 4

Текущие характеристики, дифференцирующие молодых людей в зависимости от варианта карьерного развития, по результатам обследования в 2014 г. (через год после окончания бакалавриата), средние значения

Текущие характеристики	Только учатся в магистратуре (n = 13)	Учатся в магистратуре (основная занятость) и параллельно работают (n = 20)	Работают (основная занятость) и учатся (n = 9)	Только работают (n = 16)
Наличие планов в течение ближайшего года искать работу по своей специальности (1→5, обратная шкала)	2,54***	3,70*	3,89*	4,07*
Наличие планов в течение ближайшего года искать работу, гарантирующую стабильную занятость (1→5, обратная шкала)	1,85**	2,70	3,44*	3,40*
Наличие планов в течение ближайшего года искать временную, но хорошо оплачиваемую работу (1→5, обратная шкала)	2,69***	4,05*	3,89*	3,87*
Наличие планов в течение ближайшего года больше работать по дому, ухаживать за детьми (1→5, обратная шкала)	3,69	4,60*	4,11	3,53*
Наличие планов в течение ближайшего года менять место жительства (1→5, обратная шкала)	3,92	4,20*	3,22	3,07*
Глубина уверенного планирования будущего (1→6)	2,92	2,94	2,00*	3,25*
Уровень общей самооценки	32,92	29,95*	26,56	33,44*
Оценка степени реализации латентных функций трудовой занятости (в целом)	—	84,79	94,00*	80,25*
Оценка степени реализации латентной функции трудовой занятости — упорядочивание жизни во времени	—	20,63	22,00*	18,31*
Наличие навыков, умений, способностей (кроме полученных по профессии), с помощью которых можно было бы зарабатывать на жизнь (1→3)	2,15*	1,47**	1,67	2,00*
Размер населённого пункта, в котором проживает респондент (1→3 обратная шкала)	1,0*	1,11	1,22	1,44*

* — существуют статистически значимые отличия от показателей хотя бы одной подвыборки в строке, $p < 0,04$;

** — существуют статистически значимые отличия от показателей двух других подвыборок в строке, $p < 0,04$;

*** — существуют статистически значимые отличия от показателей трёх других подвыборок в строке, $p < 0,03$.

Количество текущих дифференцирующих переменных выросло более чем в 3 раза (табл. 4). Молодые люди, реализующие разные варианты карьеры, существенно отличаются друг от друга содержанием планов на ближайший год (это содержание хорошо соотносится с уровнем потенциальной мобильности — трудовой, профессиональной, территориальной), глубиной уверенного планирования, уровнем общей самоэффективности, количеством навыков, умений, способностей (кроме полученных по профессии), с помощью которых можно было бы зарабатывать на жизнь. В число текущих дифференцирующих переменных вошла также оценка степени реализации латентных функций трудовой занятости (в целом и в аспекте упорядочивания жизни во времени). Соответствующий конструкт является новым для исследования карьер, он развивает идеи, заложенные в модели М. Яходы (1981) и, судя по результатам валидации соответствующего опросника, связан с уровнем психологического благополучия человека на работе. По сути, данный конструкт отражает степень интеграции в институт трудовой занятости, позволяющей получать человеку некоторые базовые психологические и социальные блага (включённость в социальные ритмы и общение за пределами семьи, чувство компетентности, социальный статус, побуждение к активности и дополнительная энергия).

Если взять в качестве критерия специфичности число значимых отличий между вариантами карьерного развития, то наиболее специфичным окажется вариант перемещения на рынок труда («только работа»). Молодые люди, реализующие его, изначально не имели твёрдых намерений поступать в магистратуру, обладали финансовыми притязаниями, превышавшими среднекраевую зарплату на 50%, имели наименьший размер «субъективной» помогающей сети (т.е. уровень ожидаемой поддержки в трудных жизненных ситуациях был невелик, что побуждало, вероятно, рассчитывать в большей мере на себя); больше половины из них учились на договорной основе. По прошествии года после получения диплома они демонстрировали наименьшую приверженность полученной специальности, нейтральное отношение к стабильной занятости (переменные, связанные с планами на ближайший год); имели наибольшие глубину уверенного планирования будущего (средний показатель — более чем на год) и уровень общей самоэффективности, обладали в среднем хотя бы одним навыком или способностью (кроме полученных по профессии), с помощью которых можно было бы зарабатывать на жизнь. При этом оценка степени реализации латентных функций трудовой занятости у данной категории молодых людей наименьшая. Возможно, это связано с тем, что немалая часть из них работает не по специальности, однако для ответа на данный вопрос требуется дополнительная информация.

Наименее специфичным, если использовать предложенный критерий, оказался вариант карьерного развития «работа (основная занятость) и учёба». Тем не менее он обладает весьма интересными характеристиками: молодые люди, реализующие его, изначально имели самый высокий показатель использова-

ния планов при достижении значимых результатов и самый низкий индекс ненадёжности будущего; через год после первого опроса у них зафиксирована наименьшая глубина уверенного планирования будущего (в среднем — на полгода), но самая высокая оценка степени реализации латентных функций трудовой занятости.

Выводы

Сопоставление характеристик молодых людей, выбравших в качестве основной линии карьерного развития обучение в магистратуре или работу, показало дифференцирующую значимость таких факторов, как: уровень успеваемости молодых людей, уровень ожидаемой социальной поддержки, наличие опыта оплачиваемой работы по профессии, использование планов на этапе окончания бакалавриата; склонность к мобильности (трудовой, территориальной) через год после окончания бакалавриата. Сопоставление четырёх вариантов развития в рамках этих двух линий продемонстрировало, что варианты развития имеют разное личностно-психологическое обеспечение, в котором важную роль играют различные аспекты планирования будущего, финансовые притязания, оценка ненадёжности будущего, общая самоэффективность, оценка степени реализации латентных функций трудовой занятости, уровень ожидаемой социальной поддержки, наличие дополнительных навыков и умений. Возможно, все четыре варианта карьерного развития включены в различающиеся системы регуляции жизненного пути.

Наши исходные предположения подтвердились, хотя в целом набор психологических переменных, дифференцирующих линии и варианты карьерного развития, оказался невелик. При этом в нём достаточно отчётливо преобладает блок переменных, так или иначе связанных с планированием, целеполаганием (50% всего набора дифференцирующих переменных), что свидетельствует об их важной роли в карьерном развитии молодёжи в первый год после окончания бакалавриата.

Полученные результаты подтверждают продуктивность идеи о существовании континуума статусов занятости, которые психологически отличаются друг от друга (Dooley, 2003). В нашем случае данная идея расширена на трудовую и учебную занятости.

Ещё один вывод относится к правомерности использования в современных условиях не столько профессионального, сколько карьерного понятийного контекста. Эмпирические результаты свидетельствуют о том, что линии и варианты карьер бакалавров отличаются друг от друга параметрами, релевантными прежде всего феноменам занятости. Такие параметры, как профессиональная идентичность, профессиональное самоотношение, оказались в данном аспекте незначимыми.

Библиографический список

1. Абульханова, К. А. (1999). *Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды*. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК».
2. Анцыферова, Л. И. (2004). *Развитие личности и проблемы геронтопсихологии*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
3. Дёмин, А. Н. (2002). Достижение успеха в ситуации безработицы. *Социологические исследования*, (10), 46-57.
4. Дёмин, А. Н. (2004). Психологические факторы восстановления трудовой занятости. *Вопросы психологии*, (3), 19-28.
5. Дёмин, А. Н. (2013). Факторы, влияющие на карьерное самоопределение студентов выпускного курса бакалавриата. *Тринадцатая Международная научно-практическая конференция «Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития»*. 26-29 ноября 2013 г.: материалы конференции. СПб.: Изд-во ИМЦ «НВШ-СПб», 71-76.
6. Дёмин, А. Н., Седых, А. Б. (2013). Адаптация методики для изучения карьерного самоопределения личности. *Человек. Сообщество. Управление*, (4), 6-16.
7. Карпинский, К. В., Колышко, А. М. (2010). *Профессиональное самоотношение личности и методика его диагностики*. Гродно: ГрГУ.
8. Платонов, К. К. (1986). *Структура и развитие личности*. М.: Наука, 1986.
9. Сомова, Е. А. (2013). Планирование карьеры: теоретические и психометрические аспекты. *Психология. Экономика. Право*, (1), 27-36.
10. Толочек, В. А. (2013). Эффекты профессионального становления субъекта. *Психология. Экономика. Право*, (3), 31-40.
11. Чернова, Т. (2014). Денежный ответ. *Поиск*, (37), 6.
12. Aquilanti, T. M. & Leroux, J. (1999). An integrated model of outplacement counseling. *Journal of Employment Counseling*, 36 (4), 177-192. doi:10.1002/j.2161-1920.1999.tb01020.x
13. Chudzikowski, K., Demel, B., Mayrhofer, W., Unite, J., Bogicevic, B., Briscoe, J., Hall, D. T., Las Heras, M., Shen, Y. & Zikic, J. (2009). Career transitions and their causes: A country-comparative perspective. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 82, 825-849. doi:10.1348/096317909X474786
14. Defillippi, R. J. & Arthur, M. B. (1994). The boundaryless career: A competency-based perspective. *Journal of Organizational Behavior*, 15, 307-324. doi:10.1002/job.4030150403
15. Dooley, D. (2003). Unemployment, Underemployment, and Mental Health: Conceptualizing Employment Status as a Continuum. *American Journal of Community Psychology*, 32 (1/2), 9-20. doi:10.1023/A:1025634504740
16. Fugate, M., Kinicki, A. J. & Ashford, B. E. (2004). Employability: A psycho-social construct, its dimensions, and applications. *Journal of Vocational Behavior*, 65 (1), 14-38. doi:10.1016/j.jvb.2003.10.005
17. Holland, J. L., Daiger, D. & Power, P. (1980). *My vocational situation*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, Inc.
18. Inkson, K. & Arthur, M. B. (2001). How to be a successful career capitalist. *Organizational Dynamics*, 30, 48-61.

19. Jahoda, M. (1981). Work, employment, and unemployment: values, theories, and approaches in social research. *American Psychologist*, 36 (2), 184-191. doi:10.1037/0003-066X.36.2.184
20. Lindberg, M. E. (2009). Student and early career mobility patterns among highly educated people in Germany, Finland, Italy, and the United Kingdom. *Higher Education*, 58, 339-358. doi:10.1007/s10734-009-9198-9.
21. Mayrhofer, W., Steyrer, J., Meyer, M., Strunk, G., Schiffinger, M. & Iellatchitch, A. (2005). Graduate' career aspirations and individual characteristics. *Human Resource Management Journal*, 15 (1), 38-56. doi:10.1111/j.1748-8583.2005.tb00139.x.
22. Sturges, J. & Guest, D. (2001). Don't leave me this way! A qualitative study of influences on the organisational commitment and turnover intentions of graduates early in their career. *British Journal of Guidance & Counselling*, 29 (4), 447-462. doi:10.1080/03069880120085992.
23. Super, D. E. (1990). *A life-span, life-space approach to career development. Career Choice and Development* / ed. by D. Brown, L. Brooks. 2nd ed. San Francisco: Jossey-Bass. 167-261.
24. Walsh, J. P., Ashford, S. J. & Hill, T. E. (1985). Feedback obstruction: The influence of the information environment on employee turnover intentions. *Human Relations*, 38, 23-46.

Статья поступила в редакцию 04.10.2014.

.....

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE CAREERS OF THE YOUTH IN THE FIRST YEAR AFTER GRADUATION FROM THE BACHELOR'S DEGREE PROGRAMME

A. N. Diomin, A. B. Sedych

Diomin Andrey Nikolaevich, Doctor of Science (Psychological Science), Professor of Chair of Social Psychology and Management Sociology, Kuban State University. E-mail: demin@manag.kubsu.ru.

Sedych Artem Borisovich, lecturer at Chair of Human Resources and Organizational Psychology, Kuban State University. E-mail: artemsed@inbox.ru.

The research is carried out with sponsorship of Russian Foundation for Humanities within the research project No13-36-01037 «Psychology of the Youth Careers in the Context of Reforming of Russian Higher Education».

The longitudinal survey studied the following hypotheses: 1) career self-identification by means of continuation of studies in the master's degree programme after the bachelor's programme differs in personal and psychological provision from self-identification by means of transferring to the labour market; 2) in both lines of career development there are variants with different personal and psychological provision.

At the first stage of the longitudinal survey in May-June 2012 we interviewed 142 final year bachelor students who studied different fields in several Krasnodar higher educational establishments. At the second stage in May-June 2014 the respondents were interviewed again. We managed to get in contact with 94 participants of the first poll. 58 people agreed to participate in the recurrent detailed enquiry.

Comparison of the careers of the young men who chose studying in the master degree programme as the basic line (n=33) or working (n=25) found that the following factors are important: academic performance, level of the expected social support, paid professional work experience, usage of plans at the stage of the bachelor programme graduation, aptitude to

mobility (labour, territorial) in a year after bachelor programme. Comparison of four variants of career development within these two lines showed that the variants of development have different personal and psychological provision, where an important role is played by different aspects of future planning, financial aspirations, estimation of the future reliability, general self-efficacy, estimation of the degree of the employment latent functions implementation, level of the expected social support, additional skills and abilities. The set of psychological variables, differentiating lines and variants of the career development, is dominated by a block of variables which are somehow related to planning, goal setting, that proves their essential role in the career development of the youth in the first year after bachelor's programme.

Key words: career, career self-identification, line of the career development, variants of the career development, bachelor's (degree) programme, master's (degree) programme, labour market.

References

1. Abul'hanova, K. A. (1999). Psihologija i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovanija real'noj lichnosti): Izbrannye psihologicheskie trudy [Psychology and conscious of a personality (issues of methodology, theory and studying of a real-life personality): selected psychological works]. M.: Mosk. psihol.-soc. In-t; Voronezh: NPO "MODEK".
2. Ancyferova, L. I. (2004). Razvitie lichnosti i problemy gerontopsihologii [Personality development and gerontopsychology issues]. M.: Izd-vo "Institut psihologii RAN".
3. Diomin, A. N. (2002). Dostizhenie uspeha v situacii bezraboticy [Achievement of success in the context of unemployment]. Sociologicheskie issledovanija [Sociological research], (10), 46-57.
4. Diomin, A. N. (2004). Psihologicheskie faktory vosstanovlenija trudovoj zanjatosti [Psychological factors of employment restoring]. Voprosy psihologii [Psychology issues], (3), 19-28.
5. Diomin, A. N. (2013). Faktory, vlijajushhie na kar'ernoje samoopredelenie studentov vypusknogo kursa bakalavriata [Factors influencing career self-identification of the last-year bachelor's degree students]. Trinadcataya Mejdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya "Ekonomicheskaya psihologiya: sovremennye problem i perspektivi razvitiya". 26-29 noyabrya 2013 g.: SPb: Izd-vo IMC "NVSH-SPb", 71-76.
6. Diomin, A. N., Sedykh, A. B. (2013). Adaptacija metodiki dlja izuchenija kar'ernogo samoopredelenija lichnosti [Adaptation of methods for studying career self-identity of a person]. Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie [Human. Community. Management], (4), 6-16.
7. Karpinskij, K. V., Kolyshko, A. M. (2010). Professional'noe samootnoshenie lichnosti i metodika ego diagnostiki [Professional self-relation]. Grodno: GrGU.
8. Platonov, K. K. (1986). Struktura i razvitie lichnosti [Structure and development of a personality]. M.: Nauka.
9. Somova, E. A. (2013). Planirovanie kar'ery: teoreticheskie i psihometricheskie aspekty [Career planning: theoretical and psychometric aspects]. Psihologija. Jekonomika. Pravo [Psychology.Economics. Law], (1), 27-36.
10. Tolochek, V. A. (2013). Jeffekty professional'nogo stanovlenija subjekta [Effects of a subject's professional formation]. Psihologija. Jekonomika. Pravo [Psychology.Economics. Law], (3), 31-40.

11. Chernova, T. (2014). Denezhnyj otvet [Financial response]. Poisk [Search], 37, 6.
12. Aquilanti, T. M. & Leroux, J. (1999). An integrated model of outplacement counseling. *Journal of Employment Counseling*, 36 (4), 177-192. doi:10.1002/j.2161-1920.1999.tb01020.x
13. Chudzikowski, K., Demel, B., Mayrhofer, W., Unite, J., Bogicevic, B., Briscoe, J., Hall, D. T., Las Heras, M., Shen, Y. & Zikic, J. (2009). Career transitions and their causes: A country-comparative perspective. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 82, 825-849. doi:10.1348/096317909X474786
14. Defillippi, R. J. & Arthur, M. B. (1994). The boundaryless career: A competency-based perspective. *Journal of Organizational Behavior*, 15, 307-324. doi:10.1002/job.4030150403
15. Dooley, D. (2003). Unemployment, Underemployment, and Mental Health: Conceptualizing Employment Status as a Continuum. *American Journal of Community Psychology*, 32 (1/2), 9-20. doi:10.1023/A:1025634504740
16. Fugate, M., Kinicki, A. J. & Ashford, B. E. (2004). Employability: A psycho-social construct, its dimensions, and applications. *Journal of Vocational Behavior*, 65 (1), 14-38. doi:10.1016/j.jvb.2003.10.005
17. Holland, J. L., Daiger, D. & Power, P. (1980). *My vocational situation*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, Inc.
18. Inkson, K. & Arthur, M. B. (2001). How to be a successful career capitalist. *Organizational Dynamics*, 30, 48-61.
19. Jahoda, M. (1981). Work, employment, and unemployment: values, theories, and approaches in social research. *American Psychologist*, 36 (2), 184-191. doi:10.1037/0003-066X.36.2.184
20. Lindberg, M. E. (2009). Student and early career mobility patterns among highly educated people in Germany, Finland, Italy, and the United Kingdom. *Higher Education*, 58, 339-358. doi:10.1007/s10734-009-9198-9.
21. Mayrhofer, W., Steyrer, J., Meyer, M., Strunk, G., Schiffinger, M. & Iellatchitch, A. (2005). Graduates' career aspirations and individual characteristics. *Human Resource Management Journal*, 15 (1), 38-56. doi:10.1111/j.1748-8583.2005.tb00139.x.
22. Sturges, J. & Guest, D. (2001). Don't leave me this way! A qualitative study of influences on the organisational commitment and turnover intentions of graduates early in their career. *British Journal of Guidance & Counselling*, 29 (4), 447-462. doi:10.1080/03069880120085992.
23. Super, D. E. (1990). A life-span, life-space approach to career development. *Career Choice and Development*/ed. by D. Brown, L. Brooks. 2nd ed. San Francisco: Jossey-Bass. 167-261.
24. Walsh, J. P., Ashford, S. J. & Hill, T. E. (1985). Feedback obstruction: The influence of the information environment on employee turnover intentions. *Human Relations*, (38), 23-46.

**О VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ЭКОНОМИКА ЗНАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ
УПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЕМ И РАЗВИТИЕМ»
(25-27 СЕНТЯБРЯ 2014 Г., Г. КРАСНОДАР, РОССИЯ)**
.....

В. В. Ермоленко¹

Факультет управления и психологии и ученые кафедры общего, стратегического, информационного менеджмента и бизнес-процессов Кубанского государственного университета провели в период с 25 по 27 сентября 2014 г. VI Международную научно-практическую конференцию *«Экономика знаний: проблемы управления формированием и развитием»*.

В этом году конференция привлекла внимание большого числа участников, как обучающихся на факультете управления и психологии аспирантов, магистрантов по направлению «менеджмент», магистров и бакалавров по направлению «документоведение и архивоведение», студентов специальности «менеджмент организации», так и гостей из трех стран (России, Эстонии, Армении) и девяти городов (Воронежа, Екатеринбурга, Красноярска, Кургана, Магнитогорска, Москвы, Ростова-на-Дону, Ставрополя и др.). Шестой год подряд специалисты в области экономики знаний, управленческих инноваций, контроллинга и управления человеческим капиталом получили возможность обсудить актуальные научные и практические проблемы в бурно развивающейся отрасли экономики и управления.

Работа конференции началась пленарным заседанием. На открытии с приветственным словом к участникам конференции обратился декан факультета управления и психологии А. М. Ждановский.

Пленарное заседание открыл почетный председатель конференции С. Г. Фалько, заведующий кафедрой экономики и организации производства МГТУ им. Н. Э. Баумана, директор научно-образовательного центра «Управленческие инновации и контроллинг», исполнительный директор не-

¹ Ермоленко Владимир Валентинович – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой общего, стратегического, информационного менеджмента и бизнес-процессов Кубанского государственного университета, Краснодар. Эл. почта: oleda93@gmail.com

коммерческого партнерства «Объединение контроллеров», главный редактор журнала «Контроллинг», доктор экономических наук, профессор. Его доклад на тему «Кто управляет сегодня нашими предприятиями» был посвящен проблемам науки и практики управления. Кроме того, С.Г. Фалько подробно рассказал о работе Конгресса по контроллингу в немецком г. Штутгарте. В докладе он отметил внимание, которое немецкие контроллеры уделяют технологии Big Data.

Интерес участников конференции вызвал доклад профессора Таллинского университета, заведующего кафедрой оперативного контроллинга, руководителя объединения контроллеров Эстонии Харальда Кицмана по теме «Управлению гибкостью производства в быстро меняющейся среде». Слушатели получили информацию о размерных параметрах гибкости, временных пределах и их атрибутах. Практическая часть была представлена на примерах производственных фирм Эстонии.

В докладе доктора экономических наук, доцента, директора Курганского филиала Института экономики Уральского отделения РАН Е.В. Пилипенко, посвященном экономике знаний, обоснована необходимость поиска альтернативных подходов к разрешению современных экономических проблем. Вниманию участников конференции был предложен доклад на тему «Экономика знаний как альтернативная экономическая теория». В докладе отмечено, что современное состояние экономической теории и практики таково, что требует не «косметического ремонта», а полного переосмысления самих основ существования экономики как одной из подсистем общества в единой системе Природа — Общество — Человек. Е.В. Пилипенко всесторонне обосновала положение о том, что содержанием экономики знаний является переход на пятый и шестой технологический уклады. Институциональную матрицу любого технологического уклада определяет соотношение двух факторов производства — «знаний» и «вещества природы», при переходе к технологическому укладу более высокого уровня структура продукта меняется в сторону увеличения доли «знаний». Экономика знаний основывается на абсолютном приоритете духовного производства над материальным и только в таких условиях и может быть реализована. Автор доклада отметила, что материальное производство всегда вторично по отношению к производству духовному, поскольку всегда лишь воплощает ранее созданные в духовном производстве образы и идеи. Духовное производство формирует технологический уклад, который, в свою очередь, формирует духовное производство. Требования шестого технологического уклада к духовной матрице принципиально иные, чем у четвертого технологического уклада (массовое производство знаний объективно требует иных условий, чем массовое производство материальных продуктов), соответственно, будут иные «триумфаторы» и «проигравшие».

Актуальным проблемам и перспективам теории и практики контроллинга в России был посвящен доклад заведующего кафедрой общего, стратегического, информационного менеджмента и бизнес-процессов, доктора экономических наук, доцента В.В. Ермоленко. Были подробно изложены особенности российской концепции контроллинга, влияние других стран на развитие контроллинга в России, потребности среднего бизнеса России в профессиональном менеджменте и его интеллектуальной поддержке, а также тенденции и препятствия развития контроллинга в России. В докладе был предложен ряд мер, связанных с формированием национальной программы повышения качества управления на всех уровнях и формированием региональной сети консалтинговых агентств совместно с известными немецкими компаниями, например, Петера Хорвада и др. Кроме того, в докладе получила всестороннее обоснование российская модель контроллинга, основным содержанием которой является интеллектуальный сервис менеджмента.

Затем конференция проходила в форме заседаний трех научных секций, руководили которыми ведущие специалисты в данных предметных областях.

На заседании секции *«Проблемы институциональных инноваций в секторе экономики знаний, институты и механизмы формирования и развития интеллектуального, человеческого, социального и организационного капитала»* (модератор — Д.В. Ланская) заслушаны доклады С.Г. Бабешко «Институциональный подход к формированию человеческого капитала», Л.И. Волковой «Формы и методы работы с человеческим капиталом в условиях экономики знаний», М.А. Глушко «Инвестиционная привлекательность бизнеса», А.В. Губий «Человеческий капитал — главный фактор человеческого развития», Н.В. Зубенко «Рост человеческого капитала — источник достижения успеха в условиях конкуренции» и др.

Несомненный интерес слушателей вызвало сообщение магистров О.В. Ковтун и Е.В. Митюра, в котором рассматривалась проблема оценки качества работы корпоративных институтов воспроизводства человеческого капитала и развития интеллектуального капитала. Аспирантка Кубанского государственного университета Д.А. Деткина посвятила свое выступление исследованию особенностей современных мегаполисов России и решению проблем их развития, а представители Российско-Армянского (Славянского) университета доцент М.Х. Чобанян и ассистент Г.К. Мартиросян (Армения, г. Ереван) осветили особенности стратегического управления муниципальными образованияами.

В секции *«Проблемы управления формированием, функционированием и развитием инновационных корпораций, кластеров и комплексов сектора экономики знаний»* (модератор — В.В. Ермоленко) вызвали оживленное обсуждение доклады заместителя начальника службы НИИ «Геодезия» А.А. Гурова (г. Красноармейск) на тему «От технологической модернизации к технологиче-

скому управлению» и доцента кафедры менеджмента Сибирского федерального университета Л.С. Драганчук (г. Красноярск), которая обратила внимание слушателей на проблемы формирования человеческого капитала в условиях становления экономики знаний в России.

С не меньшим интересом обсуждались сообщения аспирантки кафедры общего, стратегического, информационного менеджмента и бизнес-процессов С.Н. Гонзюсь на тему «Применение новых технологий в менеджменте медицинского центра», студенток О.К. Дуплякиной «Проблемы развития инновационных корпораций» и М.В. Пономаревой «Интеллектуальная собственность в экономике знаний» и др.

Рассмотрению проблемы управления формированием, функционированием и развитием корпораций было посвящено выступление Л.А. Хачатрян на тему «Системный подход в развитии конкурентных преимуществ корпорации сектора экономики знаний».

Участники *третьей секции* (модератор — С.Г. Фалько) в своих научных докладах представили результаты исследований в сферах контроллинга, менеджмента знаний, технологий интеллектуального сервиса управленческих решений, а также интеллектуальных деловых услуг в управлении и бизнесе корпорации. М.В. Бородинова и М.Ю. Павлова посвятили свои выступления особенностям внедрения контроллинга на малых предприятиях. Вопросы, связанные с содержанием и структурой потенциала компании сектора интеллектуальных услуг, были рассмотрены в докладе преподавателя кафедры общего, стратегического, информационного менеджмента и бизнес-процессов Кубанского государственного университета Е.Д. Поповой. Основные направления и задачи совершенствования трастового управления собственностью были представлены К.И. Духновской. Участники секции с интересом отнеслись к выступлению Д.С. Онищенко на тему «Управленческое консультирование как профессиональная деятельность в сфере услуг». Были отмечены как доклады высокого уровня выступления М.А. Глушко «Инвестиционная привлекательность бизнеса», П.В. Соловьевой «Стратегическое управление интеллектуальным капиталом компании». В выступлении Л.В. Мусаелян были раскрыты особенности краудсорсинга как новейшей технологии менеджмента по привлечению человеческого капитала для создания конкурентных преимуществ компании.

Заседание круглого стола «Интеллектуальное информационное пространство международных исследований проблем экономики знаний: проблемы формирования и осуществления» было посвящено международному научному сотрудничеству ученых Кубанского государственного университета и ученых Российско-Армянского (Славянского) университета в области исследований проблем экономики знаний, направленному на решение проблемы формиро-

вания интеллектуального информационного пространства научного сотрудничества.

По окончании выступлений состоялось заключительное пленарное заседание, на котором были подведены итоги конференции.

Участники научного мероприятия отметили высокий уровень проведения конференции, интересную и насыщенную программу, разнообразие тем и хорошую подготовку выступлений на секциях.

Творческая, доброжелательная атмосфера, интерес к актуальным проблемам в области экономики знаний, контроллинга и управления человеческим капиталом — все это послужит крепким фундаментом для проведения VII Международной научно-практической конференции в начале октября 2015 г.

Статья поступила в редакцию 15.10.2014.

.....

**ON THE VI-TH INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE «KNOWLEDGE ECONOMY: PROBLEMS OF
MANAGEMENT OF FORMATION AND DEVELOPMENT»
(25-27 SEPTEMBER, 2014, KRSNODAR, RUSSIA)**

V. V. Ermolenko

Vladimir Valentinovich Ermolenko, Doctor of Science (Economic Science), Assistant Professor, Head of Chair of General, Strategic and Information Management and Business-Processes, Kuban State University, Krasnodar (Russia). E-mail: oleda93@gmail.com

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО: СЛОЖНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ (ОБ ИТОГАХ XV ВСЕРОССИЙСКОГО СЕМИНАРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМИТЕТА РАПН ПО СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ)

.....

А. Б. Сазантович¹

С 9 по 12 октября 2014 г. на базе Кубанского государственного университета при финансовой поддержке РГНФ проходил XV Всероссийский семинар Исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки по сравнительной политологии «Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований». В программе семинара было заявлено 102 участника, среди которых исследователи из университетов и академических структур 16 субъектов Российской Федерации, а также представители других государств: Армении, Италии, Украины, Швеции. 45 участников выступили с докладами в рамках шести тематических сессий и мастер-классов, 57 приняли заочное участие. 52 участника семинара — молодые ученые.

На семинар собрались представители институтов РАН — Института социологии, ИНИОН РАН, ИСЭГИ ЮНЦ РАН, Национального исследовательского университета Высшей школы экономики, Пермского государственного национального исследовательского университета, Московского, Санкт-Петербургского, Кубанского, Алтайского, Астраханского, Адыгейского, Воронежского, Волгоградского, Курского, Сыктывкарского, Ярославского, Южного федерального государственных университетов, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московского гуманитарного университета, Армавирского института социального образования — филиала РГСУ, Балтийского государственного технического университета «Военмех», Краснодарского университета МВД России, Ярославского государственного педагогического университета, Высшей шко-

¹ Сазантович Алексей Борисович — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар. Эл. почта: vertgalant@mail.ru

лы государственного управления — филиала РАНХиГС в г. Орле, Поволжского института управления им. П.А. Столыпина — филиала РАНХиГС, Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, Сочинского филиала Российского университета дружбы народов, Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС, Волжского гуманитарного института — филиала ВолГУ.

В 2014 г. в семинаре приняли участие ученые из четырех иностранных государств, они представляли Гетеборгский университет (Швеция), Ереванский государственный университет (Армения), Университет Сиены (Италия), Южноукраинский национальный педагогический институт им. К.Д. Ушинского (Украина).

Работу семинара и первой тематической секции **«Сложное мышление и его роль в политике и политическом исследовании»** открыл председатель исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии, д-р филос. наук, проф. **А.В. Сморгунов** (СПбГУ). В своем докладе он проанализировал попытки осмысления политической реальности как ответственности посредством критической науки о политике. Политическая реальность характеризуется сложностью, определяемой характером современных политических отношений. Вместе с тем процесс человеческого познания несет в себе элемент неопределенности, тем самым усложняясь и усложняя собственные результаты. Сциентистское решение проблемы сложности в этом смысле оказывается недостаточным, и на первый план выходит аксиологическое понимание сложной политики как ответственности. В этой связи приобретает значение критический реализм, основанный на немилитаристском понимании политического. Методологическим проблемам изучения общественных изменений посвятила свой доклад **И.С. Семененко**, д-р полит. наук, проф., заведующая сектором прикладных социально-политических исследований Центра социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН. Мировое развитие подошло к пределам роста, заданным дефицитом ресурсов и кризисом форм институционализации современных обществ. Нынешний этап общественных изменений характеризуется кризисом знаний об общественных изменениях, поскольку разнообразные глубинные срезы такого знания не складываются в единую картину. В контексте пересмотра утвердившейся в XX в. прогрессистской парадигмы задача социальных наук состоит в том, чтобы разработать альтернативные подходы к пониманию развития, выявить ресурсы и механизмы формирования социальной среды, способной обеспечить духовный рост и качество жизни человека.

Доклад д-ра полит. наук, проф. **А.И. Соловьева** (МГУ) был посвящен проблемам сетевого коллаборационизма российской политики. Принципы и установки сетей сориентированы не на понимание того, что им необходимо делать, а на то, как достичь собственных целей наиболее оптимальным обра-

зом. Однако ряд политико-управленческих сетей может включаться в представительство гражданских интересов, в то время как другие будут представлять интересы лишь собственного объединения. При этом сети способны влиять на логику функционального взаимодействия государства и общества, превращаясь в главный переключатель деятельности государственных органов на общественные интересы с частных и наоборот. Мировой опыт показал, что для противостояния тренду сетевого коллаборационизма, свойственного России, необходимо вживание в систему государственного управления механизмов публичного контроля и надзора.

В докладе д-ра полит. наук, проф. **С. П. Поцелуева** (ЮФУ) речь шла об идеологических концептах в теории «Идеологической морфологии» М. Фридена в контексте сложного мышления. Сложные методы исследования молодежи раскрыты в докладе д-ра полит. наук, проф. **А. Н. Тимофеевой** (РАНХиГС).

Концепт «молодежь» представляет собой сложный феномен, по-разному осмысливаемый и чувственно воспринимаемый в культурах разных народов и стран. Нет общего мнения относительно границ молодости, устойчивых характеристик качеств, дееспособности и правоспособности молодежи. Исследование феномена молодежи представляет собой сложную задачу, требующую синкретического подхода и более сложных подходов и методов для воссоздания полной картины. С общеполитической точки зрения молодость может рассматриваться как время обретения сознания и самосознания, с точки зрения психологии — как время утверждения человеком собственного я, с точки зрения юриспруденции — как период наступления гражданского совершеннолетия. Тезаурусная концепция молодежи позволяет прояснить пути развития социальной субъектности молодежи и обнаружить ее противоречивые черты. Феномен конфликта поколений объясняется теорией поколений Н. Хоува и В. Штрауса. По мнению сторонников теории преобладания молодежи, сочетание большого количества молодых мужчин вкупе с нехваткой мирной работы ведет к большому риску возникновения войн.

Завершили работу первой сессии профессор **М. С. Нистоцкая** (Гетеборгский университет) и аспирант **А. К. Хахунова** (НИУ ВШЭ), представив предварительные итоги исследования качества государственного управления в регионах Российской Федерации, основанного на опросе более 120 экспертов из более чем 50 субъектов Российской Федерации. В число экспертов вошли сотрудники органов государственной власти и местного самоуправления, представители некоммерческих и негосударственных организаций, региональных отделений РАПН, Общественных палат регионов, аппаратов политических партий и академического сообщества.

Вторая тематическая сессия «Современная политическая реальность» открылась докладом канд. полит. наук **И. А. Прохоренко**, (ИМЭМО РАН) об особенностях использования концепта политического пространства в ис-

следованиях региональной интеграции. Политическое пространство представляет собой пространственную конфигурацию политической жизни. Региональную интеграцию можно рассматривать как процесс формирования транснациональных политических пространств. Будучи частью глобального мира, транснациональные пространства, вместе с тем отличаются известной самодостаточностью и независимостью.

Ответ на вопрос, заботит ли государство, стремящееся к лидерству, что о нем думают в регионе и мире, попытался дать в своем выступлении д-р полит. наук, проф. **А. В. Атанесян** (Ереванский ГУ). Доклад д-ра ист. наук, проф. **Л. А. Фадеевой** и канд. полит. наук, доц. **К. А. Пуниной** (ПГНИУ) был посвящен поиску адекватных моделей и практик взаимодействия для современного университета с внешней средой, прежде всего региональными сообществами. К наиболее распространенным и вполне традиционным коммуникативным практикам взаимодействия университета с местным сообществом они относят проведение конференций, семинаров, мастер-классов, а также праздников, фестивалей, создание сети выпускников, к инновационным — деятельность эндаумент-фондов.

С докладом, ориентирующим современных отечественных исследователей на национальный интерес, выступил д-р полит. наук, проф. **В. А. Ковалёв** (Сыктывкарский ГУ). Внешнеполитический контекст современной политической реальности охарактеризовал в своем выступлении д-р полит. наук, проф. **Н. А. Баранов** (БГТУ «Военмех»). По его мнению, Россия внутренне готова противостоять политическому и экономическому миропорядку, который был установлен после распада СССР. Этот внешнеполитический контекст определяет внутреннюю политику в стране, формирует современную политическую реальность и реакцию государства на ее изменения. В выступлении д-ра филос. наук, проф. **Е. В. Морозовой** (КубГУ) проанализирована тенденция появления гибридных, нетипичных политических институтов. Гибридные формы обнаруживаются во всех сферах жизнедеятельности современного общества, развивается гибридная методология и в политических исследованиях. Политические гибриды — это феномен, порожденный в значительной мере изменениями в характере идентичности и политической культуре.

О проекции мультикультурной парадигмы общественного развития в образовательную среду рассказала канд. филос. наук, доц. **Е. П. Ананьева** (Южноукраинский НПУ), завершая работу второй тематической сессии.

Третья тематическая сессия «**Национальное государство: кризис или возрождение?**» была открыта выступлением д-ра полит. наук, проф. **А. В. Глуховой** (Воронежский ГУ), посвященным противостоянию методологического национализма и космополитической парадигмы в спорах о современном государстве. Национальные государства перестают быть единственными центрами, или главными формами правления, или органами власти в мире.

Это вызывает ответную реакцию в виде роста популярности националистических сил. Методологический национализм исходит из того, что нация, государство и общество являются естественными социальными и политическими формами современного мира. Методологический космополитизм, в свою очередь, задается вопросом: в рамках каких исследовательских подходов, противоположных методологическому национализму, можно изучать комплексные взаимодействия.

Проблемам взаимосвязи эффективности государственного управления и публичных ценностей посвятил свой доклад д-р филос. наук, проф. **В. С. Комаровский** (РАНХиГС). Анализируя публичные ценности современной России, он попытался ответить на вопрос, почему, будучи одной из ведущих экономик мира по качеству государственного управления, Россия, согласно международным критериям, занимает место в середине второй сотни государств. В своем докладе д-р полит. наук, д-р ист. наук, проф. А. В. Баранов (КубГУ) подверг анализу политико-территориальный аспект исследований кризиса национального государства.

Возможностям моделирования политического управления конфликтами посвятил свое выступление д-р полит. наук, доц. **А. И. Кольба** (КубГУ). По его мнению, сложившиеся практики политического управления конфликтами соотносятся с одной из двух базовых моделей: «гражданского контроля» и «административного контроля». Объединение параметров, характеризующих методы политического управления конфликтами и уровень политической активности, позволяет расширить набор базовых моделей до четырех: «гражданский контроль» при низком уровне политической активности, «гражданский контроль» при высоком уровне политической активности, «административный контроль» при низком уровне политической активности, «административный контроль» при высоком уровне политической активности.

В докладе канд. социол. наук, доц. **А. В. Волковой** (СПбГУ) была затронута проблематика этико-ответственного государства. По ее мнению, основными принципами такого государства должны стать приоритет этики ответственности над этикой убеждения, единство государства и общества в процессе формирования и реализации государственной политики, публичность процесса формирования ценностей, приоритет ответственности над подотчетностью в сфере государственной службы.

Свое выступление д-р полит. наук, проф. **С. И. Кузина** (филиал РАНХиГС) посвятила проблемам соотношения принципов демократии и национального государства.

В докладе д-ра филос. наук **П. А. Карабущенко**, **Ю. П. Вялкова** и канд. филос. наук, доц. **А. Я. Подвойского** (Астраханский ГУ) представлен анализ концептов ложного государства и анархии с позиции оценки качества власти через категории реального, идеального и морального.

В выступлении канд. ист. наук **А. С. Евтушенко** (КубГУ) речь шла о мирополитических трансформациях в постбиполярный период, о направлениях эволюции национальных государств. По его мнению, сегодня на международной арене важную роль играют не столько сами государства, сколько глобальные регионы мира. Рост межгосударственного взаимодействия на региональном и макрорегиональном уровнях, экономическая и политическая модернизация, открытый регионализм, регионализация и появление феномена регионального и трансграничного сотрудничества являются теми глобальными тенденциями, которые будут определять глобальное развитие в долгосрочной перспективе.

Завершил работу третьей тематической сессии доклад канд. ист. наук, доц. **Т. А. Корниенко** (филиал КубГУ) о кризисных вызовах для национального государства в контексте пространственной проницаемости современного мира.

Четвертую тематическую сессию «**Синтетические методы политических исследований**» открыла д-р филос. наук **О. Ю. Малинова** (ИНИОН РАН), давшая оценку влияния публичной репрезентации результатов исследований организаций, занимающихся политической экспертизой, на эволюцию дискуссий о «среднем классе» в 2008-2012 гг.

Компаративному анализу государственной семейной политики и гендерной культуры был посвящен доклад канд. полит. наук, доц. **А. А. Гнедаш** (КубГУ), которая подвергла сравнительному анализу положение семей в Швеции, Италии и Великобритании. Докладчик пришла к выводу, что только шведская семейная политика характеризуется последовательностью, преемственностью и политической однородностью инструментов.

Глокализацию как тенденцию современной экологической политики рассмотрели в своем выступлении д-р экон. наук, проф. **М. В. Терешина** (КубГУ) и аспирант **Н. Г. Ермолов** (филиал РУДН). Экологическая сфера является той политической областью, в которой сталкиваются интересы множества субъектов мировых отношений. Экополитическая глокализация сочетает в себе процессы модернизации локальной экополитики с мультинациональными достижениями в этой области, стратегию объединения глобальных и локальных экополитических интересов и ориентаций. Действующими лицами этого процесса выступают не только государства, но и многие социальные и культурные институты, региональные и местные сообщества, влияние которых на формирование, корректировку и реализацию экологической политики постепенно усиливается.

Канд. полит. наук **Е. О. Негров** (СПбГУ) поделился со слушателями размышлениями о парадоксах понятия консюмеризма в дискурсивных практиках политического пространства современной России.

С политологическим анализом ресоциализации заключенных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, в условиях общества риска выступили д-р полит. наук, проф. **С. А. Панкратов** (ВолГУ) и канд. полит. наук, доц. **С. И. Морозов** (ВолГУ). Завершилась работа четвертой тематической секции выступлением канд. полит. наук **А. Б. Сазантовича** (КубГУ) о проблемах и переменных визуализации власти.

Пятая тематическая сессия «**Политическая реальность России и Российское государство**» открылась выступлением д-ра полит. наук **О. В. Поповой** (СПбГУ). «Ресурсное проклятие» связывается с неспособностью государства, живущего преимущественно за счет природных богатств, извлекать из их продажи реальную прибыль и обеспечивать необходимые условия для самоподдерживающегося экономического роста. С избытком ресурсов также связано низкое качество институтов государственного управления. Социальный контракт взаимной зависимости государства и граждан нарушается, поскольку требования к эффективности государственного аппарата ослабевают, а та часть населения, которая получает сверхприбыль от продажи ресурсов, в принципе не заинтересована в высокой эффективности госинститутов.

Результатами анализа развития российского политологического сообщества поделились д-р полит. наук **А. Ю. Сунгуров** (НИУ ВШЭ) и магистрант **М. Е. Карягин** (НИУ ВШЭ). Одной из проблем развития современного сообщества отечественных ученых-политологов, по мнению авторов, выступает наличие существенных барьеров между академической или университетской политологией и реальным политико-управленческим пространством, где востребовано не академическое знание, а экспертные оценки.

В своем докладе о специфике реформирования государственной гражданской службы в России д-р полит. наук, доц. **В. Б. Слатинов** (филиал РАНХиГС) раскрыл основные факторы развития государственной службы с точки зрения определяющей роли политической ренты. По его мнению, институты кадрового рекрутирования и организации карьеры государственных гражданских служащих, безусловно усовершенствованные в процессе реформирования, обеспечивают частичную профессионализацию российских чиновников, однако сохраняют преимущественное влияние протекционистских подходов при принятии кадровых решений, особенно в верхних уровнях иерархии.

В выступлении д-ра полит. наук, проф. **Я. Ю. Шашковой** (Алтайский ГУ) речь шла о роли законодательных собраний в региональном пространстве публичной политики.

Анализу причин распространения политического нигилизма в России, лежащих в плоскости неполитической институциональной сферы, посвятили свое выступление д-р полит. наук, проф. **Т. М. Чапурко** (КУ МВД России) и аспирант **Н. П. Иващенко** (КУ МВД России).

В докладе канд. полит. наук, доц. **А. И. Веревкина** (СПбИВСЭиП) освещались особенности политической мобилизации как инструмента влияния на формирование повестки дня в городском управлении. В условиях неэффективности политических институтов и нечувствительности исполнительных органов к требованиям инициативных групп на первый план выходят гражданские и политические практики, иницируемые вне существующих институтов. В этом случае мобилизация становится практически единственным инструментом влияния инициативных групп на формирование повестки дня.

Исследованию анализа и уровня социально-психологической и гражданской активности молодежи посвятили свое выступление д-р полит. наук, проф. **О. А. Коряковцева** (ЯрГПУ) и аспирант **О. А. Климов** (Московский гуманитарный ун-т). По их мнению, для эффективного использования высокого потенциала молодежи необходимо формирование гражданской позиции и гражданской идентичности личности, поскольку при всех лидерских качествах и организаторских способностях только мотивация «жить и работать на благо семьи, общества и государства» присуща истинному гражданину. Авторы подчеркивают удаленность современной молодежи от этих ценностей.

С анализом криминально-террористической активности на Северном Кавказе в 2013-2014 гг. выступила канд. полит. наук **Л. Б. Внукова** (ИСЭГИ ЮНЦ РАН).

В качестве технологии культурно-символической политики рассмотрел канд. полит. наук **И. С. Башмаков** (КубГУ) культурное проектирование в Краснодарском крае.

Православные приходы и их роль в структуре социально-политического управления малых и средних городов России, а также роль приходов в городской молодежной политике проанализировала в заключение пятой тематической сессии канд. социол. наук **М. А. Подлесная** (ИС РАН).

Работа шестой тематической сессии «Сетевая методология исследования политики» открылось выступлением д-ра полит. наук, доц. **И. В. Мирошниченко** (КубГУ), посвященным анализу латентных механизмов инкорпорирования сетевых структур в систему публичного управления.

Современные тенденции реализации протестной активности в России прозвучали в докладе канд. полит. наук, доц. **А. В. Соколова** (ЯрГУ).

Публичность гражданских инициатив не является ключевым фактором включения в политические сети — такое мнение выразил в своем докладе канд. полит. наук **А. С. Шерстобитов** (СПбГУ).

Математическим моделям анализа социальных сетей в социально-политических системах посвятила свое выступление канд. полит. наук, доц. **Н. А. Рябченко** (КубГУ).

Влияние хобби в реальной социальной практике на формирование идентичности и самопрезентацию современных российских подростков в социальных сетях анализировала канд. полит. наук, доц. **С. А. Миронцева** (КубГУ). В социальных сетях подростки учатся создавать привлекательный образ и получают опыт самопрезентации, тренируют свои коммуникативные навыки. При этом подростки, не имеющие хобби, публикуют в социальных сетях преимущественно развлекательную информацию. В то же время страницы подростков, имеющих серьезные увлечения в реальной жизни, содержат большой объем личной информации, связанной с их хобби, а также много познавательной информации.

Завершилась шестая тематическая сессия докладом канд. полит. наук, доц. **А. В. Егупова** (КубГУ), посвященным сетевому аспекту проблем безопасности и религиозного экстремизма во взаимодействии религиозных организаций с органами власти.

Выступления по актуальным вопросам современной политической науки прозвучали в рамках мастер-классов для молодых ученых, проведенных в ходе семинара. В них приняли участие представители ряда крупных российских вузов и исследовательских центров. Формат этих мероприятий способствовал укреплению коммуникаций между опытными и молодыми политологами. В качестве модераторов мастер-классов выступили ведущие представители отечественной политической науки.

Сборник статей участников семинара «Сложное мышление и его роль в политике и политическом исследовании» был издан к началу мероприятия и вручен авторам.

Статья поступила в редакцию 23.10.2014.

.....

MODERN POLITICAL REALITY AND STATE: COMPLEX RESEARCH METHODS (ON THE RESULTS OF THE XV-TH ALL-RUSSIAN SEMINAR OF THE RESEARCH COMMITTEE OF THE RUSSIAN POLITICAL SCIENCE ASSOCIATION IN COMPARATIVE POLITICAL STUDIES)

A. B. Sazantovich

Aleksey Borisovich Sazantovich, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar (Russia). E-mail: vertgalant@mail.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rosyyskiy gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R.P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years). [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.